

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ:

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСОНАЛИИ

МИНСК

2011

Автор – составитель:
кандидат философских наук, доцент А. М. Бобр

Рецензенты: доктор философских наук, профессор А. Н. Елсуков
(кафедра социологии Белгосуниверситета)

Данное пособие посвящено анализу основных концептуальных идей современной западной философии. в нем выделяются основные течения и персоналии, раскрывающие содержание современной философской мысли.

Адресуется студентам вузов, изучающим курс «Философия», «История философии», аспирантам и магистрантам гуманитарных специальностей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Постоянно изменяющиеся реалии действительности, новые тенденции социальной динамики глобализирующегося мира требуют своего философского осмысления, что ведет к формированию ряда новых философских концепций, к развитию категориально-понятийного аппарата философии.

Опыт преподавания философских дисциплин на ряде гуманитарных факультетов Белгосуниверситета показывает, что философская проблематика крайне интересна студентам и в то же время трудно дается им, они часто затрудняются в интерпретации тех или иных философских понятий и концепций. В связи с этим в 2010 – 2011 учебном году студентам экономических специальностей Белгосуниверситета в рамках проведения контролируемой самостоятельной работы было предложено выбрать и проанализировать ряд основных проблем, раскрывающих содержание такого важнейшего раздела философии как история философии. Студентами был проработан ряд монографий, энциклопедических изданий, учебных пособий, из которых были выбраны наиболее понравившиеся им определения, те или иные фрагменты, раскрывающие взгляды классиков философии на природу философского знания, на сущность таких проблем как сознание, наука, общество. Детальное обсуждение данных результатов с руководителем контролируемой самостоятельной работы позволило выбрать наиболее значимые и показательные фрагменты, раскрывающие основное содержание историко-философских концепций.

Данный словарь не претендует на полноту охвата всей историко-философской проблематики, а может рассматриваться как пособие для успешного усвоения учебного материала студентами при изучении курса истории философии, философии, логики и методологии науки.

Автор – составитель:
кандидат философских наук, доцент А. М. Бобр

АВЕНАРИУС РИХАРД – немецкий философ, известен как сторонник эмпириокритицизма и принципа экономии взглядов. Эмпириокритицизм - современная версия эмпиризма, который пытается восстановить понятие мира природы и “чистого опыта” посредством устранения “интроспекции”, понятой как вставка избыточных или искаженных идей и изображений в объекты нашего знания. Авенариус проследил происхождение интроспекции на культурные сцены во власти волшебства и мифологии, все же его критика, примененная также к традиционной философии и науке. Его положение обычно классифицируется как версия позитивизма, близко напоминающая эмпирическую доктрину Эрнста Маха. Хотя его влияние на некоторых членов Венского Круга, особенно Морица Шлика, было значительно, воздействию его вклада препятствовало его особенное использование языка, особенно в его главной работе "Kritik der reinen Erfahrung" (Введение в критику чистого опыта) (1888-90). Авенариус родился в Париже, где его отцу принадлежало немецкое издательство. Однако, он провел свои формирующие годы в Лейпциге и Берлине и получил степень доктора философии в 1868 для диссертации, касавшейся аспектов философии Спинозы. С 1877 года и до самой смерти он преподавал "индуктивную философию" в Цюрихском университете. Во время этого периода он издал свои работы: Kritik der reinen Erfahrung (Введение в критику чистого опыта) (1888-90) и Der menschliche Weltbegriff (Человеческое понятие о мире) (1891). В 1877 Авенариус основал философский журнал «Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie» (Ежеквартальное издание для научной философии), который он редактировал до своей смерти. (Concise Routledge Encyclopedia of Philosophy. Routledge, 2000. P. 69.)

БАРТ (Barthes) Ролан (1915 – 1980) – фр. эстетик, критик, философ. Эволюция его творчества распадается на три периода. В первый (1950-е гг.) Б. испытывает сильное влияние марксизма и Ж.П. Сартра. Во второй (1960-е гг.) взгляды Б. находятся в рамках структурализма и семиотики. В третий (1970-е гг.) он переходит на позиции постструктурализма и постмодернизма. В течение всего творческого пути Б. разрабатывает концепцию «письма», оказавшую большое влияние на фр. и всю зап. мысль. В круг его интересов входят также проблемы семиотики, культуры и искусства. В 1950-е гг. выходит первая важная работа Б. «Нулевая степень письма» (1953), в которой «письмо» определяется как «третье измерение формы». Б. располагает его между языком и стилем, выводит последнее за пределы собственно литературы, называя язык «долитературным», а стиль – «сверхлитературным» явлением и полагая, что именно письмо делает литературу искусством. Оно означает технику, манеру, тон, ритм, а также моральное и ценностное измерение литературы. Письмо выступает способом связи литературы с обществом и историей, представляет собой литературный язык, включённый в конкретный социально-исторический контекст. В этот период Б. уделяет большое внимание критике зап. культуры вообще и массовой в особенности, посвящая этому кн. «Мифологии» (1957). Особо стоит выделить его анализ творчества Б. Брехта, которого он называет «единственным великим именем в пустыне современного театра». В 1960-е гг. Б. увидел в структурно-семиотической методологии возможность решения всех проблем культуры, искусства и эстетики. Лингвистика и семиология, пишет он, «смогут, наконец, вывести нас из тупика, куда нас постоянно заводят социологизм и историзм». Теперь Б. смотрит на мир через призму языка, который охватывает и пронизывает все предметы и явления и вне которого нет ничего: «язык повсюду», «всё есть язык». Б. определяет культуру как «поле дисперсии языков». Для него изменить язык – значит изменить мир. Радикальное преобразование общества он надеется осуществить с помощью «революции в собственности на символические системы». Свои новые взгляды Б. развивает в работах «О Расине» (1963), «Критические очерки» (1964), «Критика и истина» (1966), «Основы семиологии» (1965), «Введение в структурный анализ рассказов» (1966), «Система моды» (1967) и др. Как и др. явления, искусство рассматривается с т. зр. знака и языка, как формальная система, в которой главным выступает не содержание и смысл, но форма порождающая смысл структура, «кухня смысла». Существенно меняется понимание письма. Оно превращается в «реле», которое не включает, а отключает литературу от общества и истории. Письмо становится средством преодоления естественного языка, техникой «выпаривания» смысла слов и создания «косвенного языка», вторичных значений, коннотаций, которые являются имманентными, эндогенными образованиями. В 1970-е гг. во взглядах Б. произошли новые изменения, которые затронули, прежде всего «письмо». Теперь оно становится особой практической деятельностью, для обозначения которой Б. употребляет термины «письмо-текст», «чтение-письмо» и «текстуальный анализ», поскольку результатом письма выступает текст, принципиально отличающийся от традиционного произведения. «Произведение» представляется Б. устаревшим, ньютоновским понятием, тогда как «текст» - современным, эйнштейновским. Первое предстаёт как нечто готовое и законченное, обычно отождествляемое с книгой. Оно находится в рамках литературной традиции и культуры, подчинено общему мнению (доксе). «Текст всегда является парадоксальным». Он нарушает все традиции, не укладывается ни в какие жанровые рамки и представляет собой «не эстетический продукт, а означающую практику; не структуру, а структурирование; не предмет, а труд и игру». К «текстам» относятся фактически все бартовские работы 1970-х гг.: «S/Z» (1970), «Империя знаков» (1970), «Удовольствие от текста»

(1973).(: Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.).

БОВУАР СИМОНА де (1908 - 1986) – французская писательница, основоположник радикального феминизма, спутница жизни Сарта. Преподавала в Марселе, Руане, Париже. Лауреат Гонкуровской премии. Основные сочинения: “Второй пол” (1949), “Мандарины” (1954), “Воспоминания примерной дочери” (1958) и др. Согласно убеждениям Бовуар, люди, существуя в “трагически двусмысленных” условиях и будучи при этом изначально свободными, признаны нести ответственность за “направление собственной жизни”. Наши поведенческие реакции целиком и полностью индивидуальны. Этические императивы и максимы материализуются через человеческие поступки, ибо люди, вынужденные существовать в условиях вакуума моральных директив и отсутствия ответов на вопросы экзистенциального порядка, обретают свободу исключительно под давлением обстоятельств. Свобода, по Бовуар, не является потенциальным уделом каждого: обречен на свободу любой, осуществивший мужественный акт определения именно своей – уникальной – системы нравственных координат и тем самым оказав сопротивление мировому узлу. Бовуар полагала, что быть женщиной означает не столько принадлежать к особой биологической категории людей, сколько причастности к особой социопсихической реальности – женственности. По мнению Бовуар, положение женщин в обществе качественно отличается от состояния человечества в целом, ибо мужчины сформировали мир, в котором женщина обречена выступать “вторым полом”. Миф о женской природе, по мнению Бовуар, укоренил в массовом сознании традиционный архетип о всеобъемлющей эмоциональности женской природы, о ее изначально не идентичности мужчине. В ходе исследования этапа детства и юности людей (особенно девочек), а также устройства и этапов возрастных изменений в устройстве женского тела сформулировала весьма парадоксальный вывод о том, что женщинами не рождаются, ими становятся. Бовуар полагает, что приоритетный сексуальный инстинкт, присущий мужчинам, в конечном счете уступает по биологической энергетике и психической значимости женской любви. Смыслом ее, по мнению Бовуар, выступает обретение гармонии женским эротизмом и нарциссизмом, с одной стороны, и мистической ориентации любящих женщин на поиск Бога в предмете своей страсти. Не отвергая того обстоятельства, что сексуальные различия будут всегда оказывать значимое воздействие на отношение полов, Бовуар утверждала, что женственность как особое социопсихическое свойство не должна оставаться решающим инструментом самоопределения женщины в мире. Судьба женщины, в контексте Бовуар, не может оставаться уделом мужской половины человечества. Женщина обязана восстановить свое человеческое достоинство в процессе творческого самоутверждения, она в исторической перспективе не может не обрести подлинную свободу и равноправие. (Всемирная энциклопедия: философия. XX век. / А.А. Грицанов. М., 2002.С. 86-87.)

БОДРИЯР ЖАН (1929-2007) – французский мыслитель был одним из выдающихся интеллектуалов современности, чьи работы, отражающие ключевые события эпохи, сочетают в себе философию, социальную теорию и уникальную "культурную метафизику". Острый критик современного общества, культуры и мышления, Бодрийяр часто считается одним из крупнейших гуру французского постмодернизма, хотя его также можно прочесть как мыслителя, который сочетает социальную теорию и философию в оригинальных и дерзких сочетаниях, и как писателя, который разработал свой собственный стиль и жанр. Он был необычайно плодовитым автором, опубликовавшим более тридцати книг и комментировавшим все важнейшие культурные и общественные события современности, включая стирание различий по гендерному, расовому, классовому признакам, что превратило общество модерна в новое, постмодернистское общество потребления, информации и высоких технологий. Также Бодрийяр высказывался об изменении ролей искусства и эстетики, о фундаментальных изменениях в политике, культуре и людях, о влиянии новых технологий и информации — обо всём, что повлияло на создание качественно нового социального порядка, которое позволило изменить краеугольные основания человеческой и общественной жизни. Бодрийяр, некоторое время бывший культовой фигурой в постмодернистской теории, прошёл с ранних 1980-х до настоящего времени путь дальше постмодернистского дискурса и разработал уникальную модель философского и культурного анализа. Это вступление сосредотачивается на разработке уникальных методов мышления и на том, как он продвинулся от социальной теории к постмодернистской теории, а от неё – к дерзкому типу философского анализа. Оглядываясь назад, можно сказать, что Бодрийяр был тем мыслителем, который распознал знаки и влияние технологии на социальное бытие и который систематически критиковал основные модели современного мышления, разрабатывая собственные философские перспективы. 1. Ранние работы: От «Системы вещей» к «Зеркалу производства». Жан Бодрийяр родился в епископальном городе Реймс во Франции в 1929 г. Позднее он рассказывал, что его прадеды были крестьянами, а родители стали госслужащими. Бодрийяр также утверждал, что он был первым членом семьи, кто получил больше, чем среднее образование, и что это стало причиной разрыва с семьёй и всем прежним окружением. В 1956 г. он начал работать преподавателем в лицее, а в начале 1960-х занимался редакторской работой в издательской компании. Первоначально Бодрийяр был германистом: опубликовал эссе в журнале «Les temps modernes» в 1962-63 гг., переводил работы

Петера Вайса и Бертольда Брехта, а также книгу Вильгельма Мюльмана, посвящённую мессианским революционным движениям, на французский язык. В этот период он познакомился с работами Анри Лефевра, чья критика повседневной жизни поразила его, и Ролана Барта, чей семиотический анализ современного общества оказал влияние на его дальнейшие работы. В 1966 г. Бодрийяр поступил на работу в Университет Париж — Нантер и стал ассистентом Лефевра, изучая также языки, философию, социологию и другие дисциплины. Он защитил «These de Troisième Cycle» по социологии в Нантере в 1966 г. и диссертацию по своей «Системе вещей», после чего начал преподавать социологию. Выступая против французского и американского участия в войнах в Алжире и Вьетнаме, Бодрийяр примкнул ко французским левым. Нантер, а точнее, его факультет социологии, был главным местом концентрации молодых радикальных политических движений (таких как «Движение 22 марта»), связанных с Даниэлем Кон-Бендитом и «бешеными» (engagés). Бодрийяр впоследствии говорил, что он участвовал в событиях мая 1968 г., которые привели к массовым студенческим волнениям и всеобщей забастовке, которая практически лишила Шарля де Голля власти. В конце 1960-х Бодрийяр начал публиковать серию книг, которые впоследствии сделали его всемирно известным. Под влиянием Лефевра, Барта и ряда французских мыслителей, чьё влияние прослеживается ниже, Бодрийяр начал первую серьёзную работу в области социальной теории, семиотики и психоанализа — «Система вещей» (1968), вслед за которой вышли книги «Общество потребления» (1970) и «Критика политической экономии знака» (1972). Эти ранние работы были находящимися в русле критической социологии попытками соединить изучение повседневной жизни (что было начато Лефевром) с социальной семиотикой, которая изучает символы в общественной жизни. Этот проект, начатый под влиянием Барта, сконцентрировался на системе объектов в обществе потребления (тема двух первых книг) и связь между политической экономией и семиотикой (тема третьей книги). Ранние работы Бодрийяра были одной из первых попыток применить семиотику к анализу того, как объекты закодированы с помощью системы знаков и значений, которая используется современными СМИ и обществом потребления. Комбинируя семиотические исследования, марксистскую политэкономия и социологию общества потребления, Бодрийяр начал свою длительную работу по исследованию системы объектов и знаков, которые формируют нашу повседневную жизнь. Ранний Бодрийяр описывал значения, вкладываемые в объекты повседневной жизнью (например, власть он отождествил с движущимся автомобилем) и структурированные системы, с помощью которых объекты организуются в новом современном обществе (например, престиж или значение нового спортивного автомобиля). В первых трёх книгах Бодрийяр доказывал, что классической марксистской критике политэкономии требовалось применение семиотики для изучения знаков, которые используются для обозначения разнообразных смыслов, подобно тому как язык создал систему значений. Бодрийяр, следя за Бартом и остальными, доказывал, что мода, спорт, СМИ и другие знаковые модели также производят собственные системы значений, которые управляются специфическими правилами, кодами и логикой (использование этих терминов разъясняется ниже). Располагая свой анализ знаков и повседневной жизни на исторической основе, Бодрийяр доказывал, что переход от ранних стадий свободной конкуренции и капиталистического рынка к стадии монополистического капитализма потребовал увеличенного внимания к проблемам менеджмента, чтобы увеличивать потребление. В этот исторический период (примерно с 1920-х по 1960-е) нужду в интенсификации спроса дополнила потребность в снижении производственных затрат и расширении ассортимента. В эту эру капиталистического развития, экономической концентрации, новых производственных методов и развития высоких технологий, увеличенные возможности массового производства и капиталистических корпораций сфокусировались на увеличении внимания к управлению потреблением и созданием необходимости в новых престижных товарах, производство которых Бодрийяр и назвал знаковой ценностью (sign-value). По Бодрийяру, реклама, упаковка, мода, эмансипация, СМИ, культура и распространение товаров увеличило количество знаков и "очков", что запустило процесс распространения знаковой ценности. Бодрийяр считает, что отныне товары — не просто характеризуются категориями полезности (use-value) и обменной стоимости (exchange value), как в учении Маркса о товаре, но знаковая ценность (sign-value) — выражение стиля, престижа, богатства, власти — которое становится всё более важной частью товара и потребления. Бодрийяр настаивает на том, что товары покупаются и ценятся в соответствии со своей знаковой ценностью так же, как и в соответствии со своей полезностью, и этот феномен знаковой ценности стал основным элементом потребления и продукта в обществе потребления. Эта мысль была навеяна концепцией «заметного потребления» Веблена и отражения товаров, что было проанализировано в его «Теории праздного класса», которую Бодрийяр, по его собственному мнению, распространил на всех людей в обществе потребления. По Бодрийяру, общество организовано вокруг потребления и отражает товары, через которые отдельные люди получают престиж, идентичность и положение в обществе. В этой системе, чем более престижны чьи-либо товары (дома, машины, одежда и так далее), тем выше его место в мире знаковых ценностей. Таким образом, подобно тому, как слова обретают значение в зависимости от своего места в дифференцированной системе языка, так и знаковые ценности обретают значение в зависимости от своего места в дифференциро-

ванной системе престижа и статуса.. В заключении к «Обществу потребления» Бодрийяр превозносит «различные формы отказа» от социальных условностей, показного потребления и конформистского мышления и поведения; все они объединены в «практику радикальных перемен». Бодрийяр намекает на ожидание «жестоких взрывов и внезапного распада, который наступит так же непредвиденно, как и события мая 1968 г., чтобы сорвать эту белую массу» [потребления]. С другой стороны, Бодрийяр описывает ситуацию, в которой отчуждение настолько тотально, что оно более не может быть преодолено, поскольку это «сама структура общества рынка». Его аргумент заключается в том, что в обществе, где всё является товаром, который может быть продан и куплен, отчуждение является нормой. Действительно, сам термин «отчуждение» первоначально означал «на продажу», а в совершенно товарном обществе, где всё является товаром, отчуждение проникло повсюду. Более того, Бодрийяр постулирует «конец трансцендентности» (эту фразу он заимствовал у Маркузе), когда люди не смогут воспринимать свои истинные потребности или изменять свой образ жизни. (Перевод: Douglas Kellner. Jean Baudrillard / Stanford Encyclopedia of Philosophy [электронный ресурс]. Стэнфорд, – 2005-2010. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entries/ baudrillard/>).

ВИТГЕНШТЕЙН ЛЮДВИГ (1889, Вена - 1951, Кембридж) - один из самых оригинальных и влиятельных философов XX столетия. Его имя и философское творчество тесно связаны с аналитической философией. Б. Рассел и Дж. Э. Мур приняли самое близкое участие в становлении Витгенштейна-философа - в годы его ученичества в Кембридже (1912-1914) и позже. Идеи британской философии анализа переплелись в творчестве Витгенштейна с мотивами континентальной, прежде всего немецкой, мысли (Кант, Шопенгауэр). В его трудах слышны отзвуки античной классики (Платон, софисты), философии жизни (Ницше), прагматизма (Джемс) и др. Вместе с тем в них явлен самобытный мыслитель. В аналитической философии ему суждено было занять особое место, стать центральной фигурой, без которой уже трудно представить общую панораму этого движения и современный облик мирового философского процесса в целом. Что же привело Витгенштейна в философию? Родиной в прямом и духовном смысле для Л. Витгенштейна была Австрия (Вена). Он знал и высоко ценил австрийскую культуру, был очень музыкален. Особое влияние на Витгенштейна оказала русская культура - творчество Ф.М. Достоевского и религиозно-философское учение Л. Толстого. После смерти отца (1913) - основателя и магната сталелитейной промышленности Австрии - Людвиг отказался от богатого наследства и зарабатывал на жизнь собственным трудом, сведя материальные потребности к минимуму. Уже сложившимся философом он учительствовал в сельских школах, в середине 30-х годов переехал в Советский Союз для работы фельдшером на Крайнем Севере; в годы Второй мировой войны служил санитаром в лондонском госпитале, а затем трудился в медицинской лаборатории в Ньюкасле. Но главным делом жизни для него стала философия. С философией Витгенштейн познакомился в юности, но посвящать себя ей не помышлял. Он успешно завершал инженерное образование в Техническом университете Манчестера и, решая сложные расчетные задачи в области самолетостроения, увлекся математикой, ее логическими и философскими проблемами. Наиболее авторитетными исследователями в этой области были Г. Фреге и Б. Рассел. Начинаящего инженера захватила расселовская работа «Принципы математики» (1903), и он решил целиком посвятить себя философии математики и логике. В 1911 году Витгенштейн, по совету Фреге, становится учеником Рассела. Так формирование, а позже и деятельность Витгенштейна-философа оказались связанными с колыбелью аналитической философии - Кембриджем. Здесь он прошел недолгую, но плодотворную школу логики и философии математики у Рассела и, отталкиваясь от его идей, создал собственную логико-философскую концепцию, оказавшую затем влияние на самого учителя, его доктрину логического атомизма. Рассел высоко ценил молодого Витгенштейна, находя в нем ярко выраженные черты гения. Ученика же восхищал в учителе мощный интеллект логика, его выдающиеся открытия. Они вдохновили Витгенштейна на создание «Логико-философского трактата» (1921). Этот труд, начатый еще в период учебы в Кембридже, автор завершал в необычных условиях. В 1914 году разразилась Первая мировая война, и он ушел добровольцем на фронт, воевал (на стороне Австрии), а в конце войны почти год провел в итальянском плену. Оттуда рукопись была передана Расселу, которому свои главные позиции автор разъяснил еще до ухода на фронт¹. Оттолкнувшись от идей Фреге и Рассела, Витгенштейн проявил в этой работе полную самостоятельность, так что многое в ней ему пришлось терпеливо разъяснять Расселу в письмах и при встречах. Более того, получив от него текст предисловия к «Трактату», автор вынужден был с горечью признать: тот, на чье понимание он так надеялся, не ухватил сути работы. Труд был опубликован в 1921 году и вызвал большой резонанс, стал предметом дискуссий, однако сам Витгенштейн не принял в них участия. После войны Витгенштейн работал учителем начальных школ в горных селениях Австрии, какое-то время служил садовником в монастыре, проектировал и строил особняк (для сестры). Во второй половине 20-х годов с ним встречались и обсуждали философские проблемы участники Венского кружка, развивавшие в то время учение логического позитивизма. Для венских позитивистов труд их соотечественника (вместе с логическим учением Рассела) стал программным, хотя, как выяснилось позже, они не уяснили как следует позиций

автора. Дискуссии с Витгенштейном оказали серьезное влияние на эволюцию доктрины Венского кружка, о чем свидетельствует, в частности, ученик, издатель и знаток наследия Витгенштейна Г.Х. фон Вригт. Только в конце 20-х годов Витгенштейн возвращается к активной философской деятельности. В 1929 году его приглашают в Кембридж. При поддержке Б. Рассела и Дж. Мура он защищает диссертацию и приступает к преподаванию философии в Тринити-колледж. Здесь, во второй кембриджский период творчества, Витгенштейн пересматривает свои позиции, закладывает основы новой концепции, существенно отличающейся от прежней. Его «Трактат» к этому времени уже обрел самостоятельную жизнь и влияние, был признан классической работой по аналитической философии. Новые идеи философа впервые были представлены в репринтном издании двух его лекционных курсов, записанных студентами в 1933-1935 годах («Голубая» и «Коричневая» книги). Изложенные в них мысли Витгенштейн развивал всю оставшуюся жизнь. Умер он в Кембридже в 1951 году, передав незадолго до кончины рукописное наследие своим ближайшим ученикам, преданным ему по духу. В философском творчестве Витгенштейна выделяются два периода - ранний (1912-1918) и поздний (1929-1951), связанные с созданием двух концепций-антиподов. Первая из них представлена в «Логико-философском трактате», вторая наиболее полно развернута в «Философских исследованиях» (1953). Тексты философа необычны по форме: они составлены из кратких пронумерованных мыслей-фрагментов. В «Трактате» это строго продуманная череда афоризмов, в отличие от «Исследований», выполненных в ином ключе - как собрание «эскизных» заметок, не подчиненных четкой логической последовательности. С «Трактатом» перекликаются и помогают его лучше понять письма Витгенштейна Расселу, его «Дневники 1914-1916 годов», «Лекция об этике» и другие материалы. К главному труду «позднего» Витгенштейна, кроме предваряющих его «Голубой» и «Коричневой» книг (1958), примыкают «Замечания по основаниям математики» (1956), «О достоверности» (1969), «Культура и ценность» (1980), а также ряд других работ. Произведения второго периода увидели свет лишь после смерти Витгенштейна. «Философские исследования» были подготовлены к изданию самим автором. Для других публикаций материал извлекался из рукописей философа без его участия. Созданные в разное время, с разных позиций, две концепции Витгенштейна «полярны» и вместе с тем не чужеродны друг другу. В обеих раскрывается принципиальная связь философских проблем с глубинными механизмами, концептуальными схемами языка. Развивая первый подход, Витгенштейн продолжал дело Фреге и Рассела. Вторая, альтернативная, программа скорее напоминала размышления Мура. «Ранняя» и «поздняя» концепции Витгенштейна - это как бы предельные варианты единого философского поиска, длившегося всю жизнь. Чего же искал философ? Если попытаться ответить одним словом, то можно сказать: ясности. Девиз автора «Логико-философского трактата» - «то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, о том же, что высказыванию не поддается, следует молчать». Поиск ясности предполагал умение обнажать мысль, снимать с нее «маски» языка, обходить сбивающие с толку языковые ловушки, выпутываться из них. Помочь выпутаться из парадокса и иных концептуальных тупиков (или иронично: «показать мухе выход из мухоловки») - вот в чем Витгенштейн видел миссию философа. С этой точки зрения две его концепции нацелены на решение единой задачи - формирование навыков и приемов корректного (проясненного) соотношения двух «миров» - вербального и реального, речевого разумения и реалий действительности (событий, вещей и - форм жизни, действий людей). Разнятся же два подхода методами прояснения. В одном случае это искусственно строгие процедуры логического анализа, в другом - изощренные приемы лингвистического анализа: «высвечивание» варьируемых функций, способов применения естественного языка в различных ситуациях и контекстах. «Логико-философский трактат», принесший Витгенштейну славу, как мы уже говорили, был вдохновлен великолепными трудами Фреге и Рассела. Общими ориентирами для Витгенштейна стала мысль Рассела: «логика есть сущность философии» и проясняющий ее тезис философия - это учение о логической форме познавательных высказываний (предложений). Лейтмотив работы - поиск предельно ясной логической модели знания - языка и общей формы его основной «ячейки» - предложения. В ней, по замыслу Витгенштейна, должна быть ясно выявлена сущность любого высказывания (осмысленного утверждения о той или иной ситуации), а тем самым раскрыта, как думалось автору, и форма постижения факта, этой основы основ подлинного знания о мире. Предложение осмысливается в «Трактате» как универсальная форма логического представления («изображения») действительности. Вот почему Витгенштейн считал эту тему такой важной для философии и сначала даже назвал свой труд «Предложение» («Der Satz»). Латинское название «Tractatus logico-philosophicus» было предложено Муром, и автор принял его. Концепция труда базировалась на трех принципах: толкование предметных терминов языка как имен объектов, элементарных высказываний - как логических картин простейших ситуаций (конфигураций объектов) и, наконец, сложных высказываний - как логических комбинаций элементарных предложений, с которыми эти факты соотношены. Совокупность истинных высказываний в результате мыслилась как картина мира. «Логико-философский трактат» Витгенштейна - своеобразный перевод идей логического анализа на философский язык. За основу была взята атомарно-экстенциональная схема соотношения элементов знания в «Principia Mathematica» (1910-1913) Рассела и

Уайтхеда. Ее базис - элементарные (атомарные) высказывания. Из них с помощью логических связей (конъюнкции, дизъюнкции, импликации, отрицания) составляются сложные (молекулярные) высказывания. Они толкуются как истинностные функции простых высказываний. Иначе говоря, истинность (или ложность) сложных высказываний определяется лишь истинностными значениями входящих в них элементарных предложений, независимо от их содержания. Это делает возможным логический процесс «исчисления высказываний» по чисто формальным правилам. Данной логической схеме Витгенштейн придал философский статус, истолковав ее как универсальную модель знания (языка), зеркально отражающую логическую структуру мира. Словом, логика в самом деле была представлена как «сущность философии». В начале «Логико-философского трактата» вводятся понятия «мир», «факты», «объекты». И разъясняется, что мир состоит из фактов (а не вещей), что факты бывают сложные (составные) и простые (неделимые далее на более дробные факты). Эти (элементарные) факты, или события, состоят из объектов в той или иной их связи, конфигурации. Постулируется, что объекты просты и постоянны. Это то, что в разных группировках остается неизменным. Поэтому они выделены в качестве субстанции мира (устойчивое, сохраняющееся) - в отличие от событий. События - это возможные конфигурации объектов: подвижное, изменяющееся. Другими словами, «Трактат» начинается с определенной картины мира (онтологии). Но в реальном исследовании Витгенштейн шел от логики. А уж затем достроил ее (или вывел из нее) соответствующей (изоморфной ей) онтологией. Расселу понравилась эта концепция, удачно дополнившая (обосновавшая) его новую атомистическую логику соответствующей ей онтологией и эпистемологией, - более удачно, чем концепция Юма, ориентированная на психологию и лишенная онтологии. Рассел принял концепцию и дал ей название: логический атомизм. Витгенштейн не возражал против этого. Ведь предложенная им схема соотношения логики и реальности и в самом деле не что иное, как логический вариант атомистики, - в отличие от психологического варианта Локка, Юма, Милля, для которых все формы знания выступали как комбинации чувственных «атомов» (ощущений, перцепций и др.). При этом логика была тесно увязана с эпистемологией. Постулировалось, что логические атомы - элементарные высказывания - повествуют о событиях. Логическим комбинациям элементарных высказываний (молекулярным предложениям, по терминологии Рассела) соответствуют ситуации комплексного типа, или факты. Из «фактов» складывается «мир». Совокупность истинных предложений дает «картину мира». Картины мира могут быть разными, поскольку «видение мира» задается языком и для описания одной и той же действительности можно использовать разные языки (скажем, разные «механики» - Ньютона, Эйнштейна). Важнейшим шагом от логической схемы к философской картине знания о мире и самого мира стало толкование элементарных высказываний как логических «картин» фактов простейшего типа (событий). В результате все высказываемое было истолковано как фактическое, то есть конкретное или обобщенное (законы науки) повествование о фактах и событиях мира. В «Логико-философском трактате» была представлена тщательно продуманная логическая модель: «язык - логика - реальность», проясняющая, по убеждению автора, границы информативно-познавательных возможностей постижения мира, определяемые структурой и границами языка. Высказывания, выходящие за эти границы, оказываются, согласно Витгенштейну, бессмысленными. Тема осмысленного и бессмысленного главенствует в «Логико-философском трактате». Основной замысел труда, как разъяснял автор, состоял в том, чтобы провести «границу мышления или, скорее, не мышления, а выражения мысли». Провести границу мышления как такового Витгенштейн считал невозможным: «Ведь для проведения границы мышления мы должны были бы обладать способностью мыслить по обе стороны этой границы (то есть иметь возможность мыслить немислимое). Такая граница поэтому может быть проведена только в языке, а то, что лежит за ней, оказывается просто бессмыслицей»². От своих учителей Витгенштейн воспринял озабоченность поиском четких критериев разграничения осмысленного и бессмысленного. Решения этой серьезной проблемы он намеревался добиться с помощью новейших методов логического анализа, которые обогатил результатами собственных исследований. «Логика должна позаботиться о себе», - провозглашал он. И пояснял: в ней должны быть установлены четкие правила, исключающие бессмыслицу, правила построения осмысленных (информативных) высказываний и распознавания псевдовысказываний, ни о чем не повествующих, но претендующих на это. Итак, весь корпус осмысленных высказываний составляют информативные повествования о фактах и событиях в мире. Они охватывают все содержание знания. Но кроме содержания есть форма знания. Ее обеспечивает логика. Логика, по Витгенштейну, не теория, а отражение мира (6.13)³. Логические предложения не являются опытными, фактическими, логика предваряет всякий опыт (5.133, 5.552, 6.113). Отличительной особенностью логических предложений Витгенштейн считает то, что их истинность может быть распознана по самому их символу, в то время как истинность или ложность фактических предложений установить лишь из самих этих предложений невозможно (6.113). Логические предложения, согласно Витгенштейну, - либо тавтологии, либо противоречия. Логика обеспечивает формальный аналитический аппарат («строительные леса») знания: она ни о чем не информирует, не повествует. Вот почему ее предложения оказываются бессмысленными. Следует подчеркнуть, что понятие бессмысленного приме-

няется в «Трактате» к предложениям, ни о чем не повествующим. Бессмысленное не означает бессмыслицы. Логические предложения, по мнению Витгенштейна, подобны математическим, представляющим собой уравнения. Они тоже считаются формальным аппаратом знания, но не содержательной (фактической) информацией о мире. В добротности своей логической проработки темы автор не сомневался: им владело чувство, что поставленная задача решена - выявлена глубинная логическая «грамматика» языка, одновременно раскрывающая, делающая как бы «прозрачным» и логический «каркас» мира (логическое пространство). Остальное обеспечивается знанием о фактах мира. Необычное толкование дал Витгенштейн приложениям философии, тоже причислив их к бессмысленным, не повествующим о фактах мира высказываниям. «Большинство предложений и вопросов, толкуемых как философские, не ложны, а бессмысленны. Вот почему на вопросы такого рода вообще невозможно давать ответы, можно лишь устанавливать их бессмысленность. Большинство предложений и вопросов коренится в нашем непонимании логики языка. ...И неудивительно, что самые глубокие проблемы - это, по сути, не проблемы. ...Вся философия – это критика языка» (4.003,4.0031). Философские высказывания Витгенштейн толкует как концептуальные фразы, служащие целям прояснения. В «Логико-философском трактате» читаем: «Философия не является одной из наук... Цель философии - логическое прояснение мыслей. Философия - не учение, а деятельность. Философская работа, по существу, состоит из разъяснений. Результат философии - не «философские предложения», а достигнутая ясность предложений. Мысли, обычно как бы туманные и расплывчатые, философия призвана делать ясными и отчетливыми» (4.111,4.112). Витгенштейн признает, что и его предложения (в «Трактате») лишь «служат прояснению: тот, кто поймет меня, поднявшись с их помощью - по ним - над ними, в конечном счете признает, что они бессмысленны. (Он должен, так сказать, отбросить лестницу, после того как поднимется по ней.) Ему нужно преодолеть эти предложения, тогда он правильно увидит мир» (6.54). Такие характеристики философии не означали для Витгенштейна умаления ее роли. Этим лишь подчеркивалось, что философия не принадлежит области фактического. Она очень важна, но имеет совсем иную природу, чем информативное повествование о мире - как в конкретной, так и в обобщенной его форме. Тщательно исследуя область логического разумения, знания (того, что может быть сказано), Витгенштейн сумел также выявить, сколь важную роль в философском мироуяснении играет невысказываемое - то, что может быть лишь показано, наглядно продемонстрировано. Прочерчивая границу (в духе Канта), отделяющую знание (высказываемое) от того, «о чем невозможно говорить» и следует хранить «молчание», философ подводил читателя к мысли: именно тут, в особой сфере человеческого Духа (ей даются имена «Мистическое», «Невыразимое»), рождаются, живут, так или иначе решаются (вне научным способом) - чтобы потом, в ином обличье, неожиданно возникнуть вновь - самые важные и потому наиболее интересные для философа проблемы. К тому, о чем невозможно говорить, философ относит и все высокое: этический и религиозный опыт, достижение смысла жизни. Все это, по его убеждению, не подвластно словам и может быть явлено лишь делом, жизнью. Со временем стало понятно, что эти темы были самыми важными для Витгенштейна. Хотя основное место в «Логико-философском трактате» отведено исследованию поля мысли, высказываний, знания, сам автор считал главной темой своего труда этику - то, что высказыванию не поддается, о чем приходится молчать - особым, полным глубокого смысла молчанием. Однако чистота и глубина этого молчания определяются добротностью уяснения мира фактов, логического пространства, границ и возможностей высказывания. В «Логико-философском трактате» язык предстал в виде логической конструкции вне связи с его реальной жизнью, с людьми, использующими язык, с контекстом его употребления. Неточные способы выражения мыслей в естественном языке рассматривались как несовершенные проявления внутренней логической формы языка, якобы отражающей структуру мира. Развивая идеи логического атомизма, Витгенштейн особое внимание уделял связи языка с миром - через соотнесение элементарных предложений с атомарными фактами и толкование первых как образов вторых. При этом ему было ясно, что никакие предложения действительного языка не являются элементарными предложениями - образами атомарных фактов. Так, в «Дневниках 1914-1916 годов» пояснено, что логические атомы - это «почти невыявленные кирпичики, из которых строятся наши повседневные рассуждения». Понятно, что атомарно-экстенциональная логическая модель неспособна описать реальный язык во всем его многообразии. Между идеалом и реальностью предполагалась огромная дистанция. И все же Витгенштейн считал эту модель идеальным выражением глубочайшей внутренней основы языка - условием выполнения им информативно-познавательных функций. Ставилась задача путем логического анализа выявить эту логическую сущность языка за внешними и случайными ее проявлениями в обычном языке. Иначе говоря, основа языка все же рассматривалась как некий абсолют, который может быть воплощен в универсальной логической модели. В свете концепции логического атомизма представлялось, что в принципе возможен окончательный анализ форм языка и единственная форма полностью проанализированного предложения, что логический анализ способен привести к «особому состоянию полной точности». Принесла ли удовлетворение Витгенштейну его филигранно выполненная работа? И да, и нет.

В кратком предисловии к «Трактату» автор писал: «...Истинность высказанных здесь мыслей представляется мне неоспоримой и завершённой. Таким образом, я считаю, что представленные проблемы в своих существенных чертах решены окончательно». Эти слова можно расценить как неслыханную для философа самонадеянность. Но это только часть его размышления, а вот нередко опускаемое его завершение: «...Если я не заблуждаюсь на сей счет», то моя работа показывает, «сколь мало дает решение этих проблем». И это вовсе не поза, а реальный вывод о пределах компетенции философа и неоправданности его претензий на некие сверхрезультаты. Витгенштейн и в дальнейшем выскажет немало замечаний в таком же духе. Но, по-видимому, это еще и трезвая итоговая оценка возможностей логико-аналитического подхода к философии, признание того, что исходные ожидания на сей счет у автора «Трактата» (как и у Лейбница и Рассела) были завышенными и не оправдались. И действительно, со временем философ испытывал все меньше удовлетворения от того, что ему удалось сделать. Витгенштейн понял: достигнутые им результаты несовершенны, и не потому, что неверны, а потому, что исследование опиралось на упрощенную, чрезмерно идеализированную «картину» мира и ее логического «образа» в языке. Теперь все свои силы он отдает созданию другого, более реалистичного, прагматического подхода, предполагающего возможность формирования новых концептуальных прояснений и не рассчитанного на окончательный итог, на достижение полной логической ясности. Осознав просчеты своей философии логического анализа, заявленной в «Трактате», Витгенштейн выступил с ее решительной критикой. В стремлении к идеальному языку «мы оказываемся на скользкой поверхности льда, где нет никакого трения и условия в известном смысле идеальны, но именно потому мы не можем двигаться. Мы хотим идти: в таком случае нам необходимо трение. Назад, на грубую почву!»⁴ - так сформулировал философ отход от прежних позиций. Разочаровавшись в идее абсолютного, или совершенно логического языка, Витгенштейн обращается к обычному, естественному языку, к реальной речевой деятельности людей. В «Философских исследованиях» то и дело поясняется: «Язык употребляется в процессе обычной человеческой деятельности», «язык - это средство коммуникации» и т.п. Считая, что сущность языка глубоко сокрыта, мы находимся, признается философ, во власти иллюзии. Мы ошибочно полагаем, что мышление окружено ореолом кристально чистого логического порядка, который распространяется и на мир. На деле же мыслительно-речевые акты совершаются не в идеальном, а в реальном мире, предполагают реальные действия с реальными предметами. Согласно новому взгляду Витгенштейна, язык - такая же часть нашей жизнедеятельности, как еда, ходьба и т.п. И потому он призывает не мудрить с употреблением слов «язык», «мир», «опыт»: оно должно быть таким же простым, как употребление слов «стол», «дверь», «лампа». Спустившись с идеальных логических высот на грешную землю, продолжает философ, мы сталкиваемся с миром, где живут реальные люди. Из их разнообразной совокупной деятельности складывается социальная жизнь. Общение, взаимопонимание людей в процессе их деятельности осуществляется с помощью языка. Люди пользуются языком для достижения различных целей. В отличие от своей прежней позиции, Витгенштейн более не считает язык отражением мира, обособленным от него и противостоящим ему. Он рассматривает его теперь с совершенно иных позиций: как речевую коммуникацию, неразрывно связанную с конкретными целями людей в конкретных обстоятельствах, в ходе разнообразных социальных практик. Иначе говоря, язык мыслится уже как часть самого мира, как «форма социальной жизни». Отсюда необходимыми условиями коммуникации, естественно, признаются два взаимосвязанных процесса: понимание языка и его употребление. На первый план в «Философских исследованиях» выдвигается прагматический аспект языка, полностью исключавшийся в «Логико-философском трактате». Анализ употребления языка в совокупности конкретных ситуаций выявляет его функциональное многообразие. Нужно в корне преодолеть представление о том, настаивает Витгенштейн, что язык всегда функционирует одинаково и служит одной и той же цели: передавать мысли о вещах, фактах, событиях. Философ теперь всячески подчеркивает чрезвычайное многообразие реальных употреблений языка: вариации значений, полифункциональность выражений, богатейшие смыслообразующие, экспрессивные и другие возможности языка. Одной из существенных особенностей этой лингвистической философии становится отказ от единой, основополагающей логической формы языка. В «Философских исследованиях» подчеркивается многообразие употреблений «символов», «слов», «предложений» и отсутствие единой логической основы в разнообразном мыслительно-речевом поведении людей. Утверждается, что каждый вид деятельности подчиняется своей собственной логике. Для установления факта языкового многообразия не требуется особой проницательности. То, что языки сложны и включают в себя многообразие видов деятельности, очевидно. Но все это - реалии жизни. А ведь большинству философов долгие века философия представлялась царством «чистой», отвлеченной мысли, высоко парящей над суетой повседневности. Витгенштейн теперь думает иначе. Ему становятся близки мотивы прагматизма, античной софистики, философии жизни. Более того, на новом витке творчества он осознает: серьезные концептуальные замешательства могут быть вызваны едва приметными различиями в употреблении выражений. Тонкие языковые дистинкции значений, смысла слов и фраз становятся для него важнейшим методом анализа. Что предложенная им модель знания-

языка искусственна и далека от практики речевого разумения, Витгенштейн понял к началу 30-х годов. Наиболее серьезным изъяном своей идеализированной модели философ считал то, что она не отражает - даже схематично - принципиальных механизмов реального речевого разумения. Поэтому он выбирает иной, в каком-то смысле даже противоположный первому, исследовательский путь. Теперь Витгенштейн трактует язык не как противопоставленный миру его логический «двойник», а как набор многообразных практик, или «форм жизни». Философ разъясняет, что привычные речевые акты (приказы, просьбы, вопросы, рассказы, мольбы и пр.) - часть нашей естественной истории, как ходьба, питье, игра. Язык понимается как живое явление, бытующее лишь в действии, практике коммуникации. Подчеркивается: знаки в звуковом, письменном, печатном виде мертвы. Чтобы вдохнуть в них жизнь, вовсе не нужно всякий раз добавлять к ним нечто духовное: жизнь знаку дает его применение! Таким образом, значение знака толкуется как способ его употребления. Этот подход именуют функциональным. К изменению позиций Витгенштейна подтолкнул опыт обучения детей, тесно связавший понятия «значение» и «обучение». Он рекомендует, размышляя над «тайной» речевых значений, постоянно задумываться над тем, при каких обстоятельствах мы научились применять то или иное слово или выражение, над тем, как учат детей составлять фразы и как они усваивают это на деле. Философское обоснование нового подхода было найдено в прагматизме - с его вниманием к деятельности субъекта, к связям смысла предложения с действием. Витгенштейн принял доводы прагматизма о тщетности стремлений к точному логическому выражению того, что в действительности такому выражению не поддается. Принял он и тот аргумент, что теоретическое рассмотрение предмета обычно строится на свехупрощениях и потому несет в себе опасность догматизма, наиболее ощутимую в философии и религии. Мотивы прагматизма и критики «теоретизма» (платонизма) органично вошли в мышление позднего Витгенштейна. При таком подходе базовыми структурами языка должны считаться уже не элементарные предложения, соотношенные с «атомарными» событиями, а более или менее родственные друг другу подвижные функциональные системы языка, его практики. Витгенштейн назвал их языковыми играми. Понятие языковых игр - ключевое в философии позднего Витгенштейна. В его основу положена аналогия между поведением людей в разных игровых ситуациях (игра в карты, шахматы, футбол и др.) и в разных жизненных практиках - реальных действиях, в которые вплетен язык. Игры предполагают заранее выработанные правила, задающие возможные «ходы», или логику действия. Витгенштейн разъясняет: понятие игры и понятие правил связаны тесно, но не жестко. Игра без правил - не игра: при резком, бессистемном изменении правил она парализуется. Но и подчиненная чрезмерно жестким правилам игра - тоже не игра: игры немыслимы без неожиданных поворотов, вариаций, творчества. Понятие языковой игры, подобно всем прочим в концепции позднего Витгенштейна, не поддается четкому определению. Языковая игра - это и метод, демонстрирующий себя в разнообразных уяснениях все новых практик людей в сочетании с обслуживающими их типами языка. Под языковыми играми понимаются модели работы языка, методики анализа его в действии. Этот новый метод анализа призван дифференцировать сложную картину применений языка, выявить многообразие его «инструментов» и выполняемых функций. Он предусматривает различение типов, уровней, аспектов, смысловых вариаций в практике использования естественного языка в реальных условиях. А все это требует умения упрощать сложное, выявлять в нем элементарные образцы. Языковые игры - это упрощенные модели употребления знаков по сравнению с тем, как мы употребляем их в нашем в высшей степени сложном повседневном языке (4), пояснял Витгенштейн. Их назначение - дать ключ к пониманию более зрелых и нередко неузнаваемо видоизмененных речевых практик. Кроме того, философ подчеркивает неразрывную связь корневых форм языка и жизнедеятельности: «Языковой игрой я буду называть целое, состоящее из языка и действий, в которые он вплетен» (7). «Игры» - образцы речевой практики, единства мысли, слова и дела, а также обстоятельств, при которых все это вместе взятое «действует», «работает». Иногда для прояснения понятия языковой игры Витгенштейн сравнивает ее с театральным спектаклем, где в одно целое объединены «сценическая площадка», «драматическое действие», «роли», «конкретные сцены», «слова», «жесты» («ходы» в игре). Со временем он все чаще стал характеризовать языковые игры как «формы жизни», тем самым подчеркивая: язык - это не просто «говорение» или «письмо» как самостоятельные процессы, а деяние, совокупность речевых практик, неразрывно связанных с исторически сложившимися обычаями, реальными способами действия, поведения людей. Отсюда следует, что концептуальное прояснение языка (анализ) должно принимать во внимание контекст той или иной «языковой игры». «Игровой» подход к анализу языка Витгенштейн демонстрирует на примере все более усложняемых игр-коммуникаций. Действующие лица в игре (1) - строитель и его подручный: первый, используя лишь названия строительных элементов, выкрикивает команды: «плита», «куб» и др., что означает «подай плиту!», «принеси куб!» и проч. Затем в игре (2) вводится новый тип инструмента - числительные. Далее (3) добавляются «собственные имена» («этот блок!», «та плита!»). На следующей ступеньке (4) игра обретает слова и жесты, указывающие место; позже (5) в нее включаются вопросы и ответы («сколько блоков?» - «Десять»). Уже первые пять примеров позволяют Витгенштейну дать контуры идеи в общем виде. Он поясняет: системы коммуни-

кации (1-5) мы будем называть языковыми играми. При этом указывается, что их реальным аналогом могут быть простые языки примитивных племен или способы обучения детей родному языку. На базе простейших исходных игр воссоздаются все более сложные формы речевой практики. Игра (6) уже включает в себя варианты вопроса о названии предметов (или их цвете, количестве, направлении движения и др.). В игре (7) фигурируют таблички, соотносящие знаки с рисунками предметов. Далее к этим практикам добавляются все новые, усложненные игры. Эти примеры Витгенштейн привел в лекциях 1933-1935 годов, и они вошли в «Коричневую книгу»⁵. Их число доведено до 73, что давало возможность доходчиво демонстрировать игровой подход к познанию, мышлению, языку в действии. Впоследствии они вошли в главный труд позднего Витгенштейна - «Философские исследования», где идея и метод языковых игр были развернуты более полно. Языковые игры - своеобразный аналитический метод (совокупность приемов) прояснения языка, его функций, форм работы, направленный на поиск выхода из разного рода концептуальных ловушек, которыми изобилуют отвлеченные, особенно философские, размышления. Именно для этого Витгенштейн выдвинул свой принцип «языковых игр» и наработал богатую практику их применения. Главной целью такой работы Витгенштейн считал выявление многочисленных связей тех понятий (их традиционно называют категориями), которые скрепляют, организуют все человеческое разумение, составляя его постоянно действующую, живую функциональную основу. К соотношениям таких понятий он применял образы семейного родства. В его текстах обнажены, сгруппированы целые «семейства» таких близких, дополняющих друг друга понятий, связанных между собой внутриязыковыми - априорными или логическими - отношениями. При этом выявляется не их «скелет» или «анатомия», а их действие, функции. Однако выстроить эту подвижную понятийную сетку в сколько-нибудь полном виде Витгенштейн не надеялся, признавая, что это не в его силах. Новое понимание «философской грамматики» развенчало прежние гордые мечты Витгенштейна о достижении полной ясности, но принесло в итоге гораздо большее удовлетворение. Отыскать исчерпывающие ответы на волновавшие его вопросы Витгенштейну, разумеется, не удалось. Но мыслитель понимал цену найденного им. Открытием, вкладом в философию XX века стал разработанный им метод постановки и решения философских проблем, умение обнажить, выявить их подлинную - не иллюзорную - суть, истоки. Он не раз подчеркивал это: «Я пропагандирую один стиль мышления в противоположность другому...»; «Все, что я могу вам дать, - это метод; научить вас каким-то новым истинам не в моих силах»; «Неважно, истинны или ложны результаты, важно, что найден метод». Свой метод Витгенштейн не просто провозгласил, но продемонстрировал в действии. Идеи Рассела стали программными для разработки концепций логического позитивизма представителями Венского кружка. Философской же настольной книгой для теоретиков логического позитивизма стал «Логико-философский трактат» Витгенштейна. Однако теоретики логического позитивизма (Р. Карнап, Г. Рейхенбах, К. Гемпель и др.) прочитали этот труд на свой лад, восприняли его как «библию позитивизма». В результате возникло и до сих пор еще не преодолено неоправданное сближение учения выдающегося философа XX века с весьма ограниченной концепцией логического позитивизма. Между тем, в целом это совершенно разные философии. Для Р. Карнапа и других логических позитивистов главным ориентиром и ценностью выступала наука. Философия же для них не была основным делом, служила лишь общему обоснованию специально-научных по сути разработок в области логического синтаксиса, семантики научного языка и других проблем. Анализ использовался главным образом как средство решения задач обоснования науки и синтеза (унификации) научного знания. Со временем исследование в русле логического позитивизма принимали все более специальный, нефилософский характер, дав, однако, ценные научные результаты (в области логического синтаксиса, логической семантики, вероятностной логики и др.). На основе работ позднего Витгенштейна в 30-40-е годы в Англии сформировалась философия лингвистического анализа, или анализа обычного языка. В эти годы Витгенштейн устно излагал свою новую концепцию ученикам. Имели хождение записи его лекций - «Голубая» и «Коричневая» книги. Это был исходный вариант главного, изданного посмертно труда Витгенштейна «Философские исследования». Но и до публикации этого труда оригинальное учение так или иначе осваивалось, оказывало влияние. С 30-х годов в Великобритании в работах Г. Райла, Дж. Уиздома, Дж. Остина и других получают развитие идеи, созвучные мыслям Витгенштейна. В отличие от логических позитивистов, философы этой волны, как правило, - решительные противники сциентизма. Как и для Витгенштейна, главный предмет их интереса - сама философия. Они хорошо чувствуют специфику философских проблем, их теснейшую связь с механизмами реально работающего естественного языка, ясно понимают принципиальное отличие философских проблем от проблем науки. Большое внимание в их работах уделяется глубоко исследованной Витгенштейном теме дезориентирующего влияния языка на человеческое мышление. Таким образом, на основе лингвистической философии (поздний Витгенштейн) сформировалась исследовательская программа теоретической лингвистики. В этом проявилась одна из важных функций философии - постановка и первоначальная проработка новых проблем с последующей их передачей науке. Но с именем Витгенштейна прежде всего связаны важные собственно философские достижения: осмысление тесной связи человеческого опыта

с речевой коммуникацией, схемами языка, новое понимание на этой основе специфики философской мысли, философских проблем. Идеи Витгенштейна имели первостепенное значение для развития этих представлений. Большая часть трудов философа издана в 50-70-е годы, и работа эта еще не завершена. Поэтому уже не первое десятилетие продолжается освоение его необычных текстов, их комментирование и обсуждение. Значение философских идей и методов Витгенштейна еще не вполне осознано во всей их глубине, новизне, проясняющей силе. В его текстах нет каких-то обобщений, резюме. Философия представлялась Витгенштейну не логической цепью суждений, выкладок, итоговых выводов, а живым деянием, творчеством. Философия - не теория, а деятельность, которая выливается не в высказывания, а в прояснение высказываний. Такова позиция, заявленная еще в «Трактате» и не подвергшаяся существенному изменению впоследствии: «Полагаю, что мое отношение к философии суммарно можно выразить так: философию, по сути, можно лишь творить...» Основное достижение Витгенштейна - такое видение философии, которое делает ее чем-то большим, чем корпус знания. Ее суть - совокупность приемов, навыков уяснения, которым можно учить и научиться. Такая философия - в частности, через педагогику - способна стать ментальной практикой, или, по выражению Витгенштейна, способом, формой жизни. Пересказать философию Витгенштейна, особенно его «вторую» концепцию, практически невозможно. Чем более внятно воссоздаешь ее в форме учения (выявлением и приведением в систему основных ее тезисов), тем более утрачивается суть того, над чем бился и чего достиг автор. Главным для философа был творческий практикум концептуальных прояснений. А это как раз то, что, по убеждению Витгенштейна, может быть лишь содеяно и продемонстрировано - показом; сказыванию же, оформлению в учение оно не поддается. В самом деле, его «поздние» работы намеренно атеоретичны. Они полны изощренных «языковых игр», нескончаемых вопросов, на которые не получаешь сформулированных ответов, изобилуют примерами концептуальных ловушек и множеством изобретательных методик по выходу из тупиков. Именно эти процедурные наработки и составляют главную ценность. Понять и уяснить их содержание позволяет лишь самостоятельное освоение текстов «позднего» Витгенштейна. (Сделать это за кого-то и передать другому такой род знания пересказом не получается (как невозможно обдумать мысль за другого и даже надеть за него шляпу, иронизирует автор). К счастью, вышли наконец тексты важнейших трудов Витгенштейна, и читатели смогут при желании вчитаться в них, вдуматься в их смысл.) (Философы двадцатого века. Книга первая. – 2-е изд., переработанное и дополненное. – М.: Издательство «Искусство XXI век», 2004, – 367 с.: иллюстрации. Российская академия наук. Институт философии. Научные редакторы: А.М. Руткевич (ответственный), И.С. Вдовина. Автор статьи – М.С. Козлова.)

ГЕРМЕНЕВТИКА (искусство) объяснения, уклонения от непонимания: 1) практика и искусство провозглашения, интерпретации (пояснения, объяснения, толкования) и понимания текстов провозглашаемых и написанных (священных) и светских (поэтических, юридических), смысл которых чужд или скрыт, а также широко – истории и культуры, постигнутых текстурально; 2) законы интерпретации и понимания текста; 3) метод и методика интерпретации в гуманитарных науках (герменевтика теологическая, юридическая, филологическая); 4) теория интерпретации как размышление над условиями и законами понимания; 5) теория (методология) гуманитарных наук; 6) течение современной философии (герменевтика философская, философия герменевтическая) в виде фундаментальной (онтологически-эпистемологической) рефлексии над условиями понимания, а также понимающего видения мира. Интерес герменевтикой как умением и теорией – понимания появлялся в переломных моментах для европейской культуры, когда появилась нужда переброски мостов между чужими, некогда враждебными себе традициями: мифической мыслью и рациональной в древности, взглядами греческих философов и христианской доктриной в средневековьи, идеями средневековья и ренессансным гуманизмом, культурой религиозной и процессами секуляризации в просвещении, сегодня – между модернизмом и постмодернизмом. В Польше герменевтическая проблематика дождалась богатой, хотя главным образом рецептивной и комментирующей литературы. История герменевтики. В истории герменевтики можно заметить тройную универсализацию: 1) предмета понимания (от текста провозглашаемого и написанного, через историю и культуру, до человека и его мира); 2) деятельность понимания (от практического умения и канонов интерпретации, искусства понимания, филологических процедур и метода гуманитарных наук к способу познания и существования человека) а также 3) концепции герменевтики (от филологических правил и теории интерпретации, вспомогательной ветви теологии и права до методологии гуманистики, а также эпистемологии и онтологии). Герменевтическим подходам принадлежит убеждение о существовании более глубокого (скрытого), часто нормативно понятого смысла (правды, истины) интерпретируемого текста. Для герменевтики теологической им является священный текст, для герменевтики библейской – Священное Писание, для герменевтики юридической – юридические регуляции, для герменевтики филологической – литературный текст, для герменевтики гуманистической – человек и его культурные произведения, для герменевтики методологической – гуманитарные науки, для герменевтики исторической – исторический источник, для герменевтики трансцендентальной – познаватель-

ные обусловленности человека. В греческой древности герменевтика первоначально была – кроме грамматики, риторики и поэтики – собранием интерпретационных правил сакральных текстов (герменевтика иудаистическая, герменевтика христианская) и светских (главным образом как подзаконный акт права). Правила интерпретации использовались по отношению к мифам, словам богов и оракулов, писем поэтов, а также юридических актов (стоики, Филон из Александрии). Платон, называя поэтов интерпретаторами богов, связал герменевтику со сферой сакральной и принял ее за искусство выяснения ответов и воли богов. Отдельный тип образует раввинистическая иудаистическая герменевтика (Гилел Старший), ориентированная практически и нормативно (мидраши и Талмуд). Она оказала – между прочим через Филона из Александрии – влияние на экзегезу христианскую (Св. Иероним). Ориген, руководитель александрийской катехетической школы, открыл (первую) герменевтическую рефлексию над методом интерпретации текста Библии. Иоанн Хризостом ставил перед экзегетом задание добраться до мысли писателя. Святой Августин, пользуясь понятиями неоплатоников, подверг аллегорической интерпретации Ветхий Завет. Герменевтика средневековая повторила подход герменевтики древней, подчеркивая потребность рационального выяснения истин веры, что привело с одной стороны к отличию 2 порядков: веры и разума, зато с другой к образованию теологии как дисциплины, обращающейся к рациональному способу толкования истин веры (*fides quaerens intellectum*). Свое практическое выражение средневековая герменевтика нашла в техниках и директивах интерпретации текста библейского и философского (*lectio, quaestio, disputatio*), изучаемых в рамках тривиума (грамматика, риторика, диалектика). Появились зачатки теории интерпретации в виде науки о четырехкратном смысле Библии: дословном, тропологическом (моральном), антагонистическом (эсхатологическом) и аллегорическом (переносном), при особенном акцентировании внимания последнего в интерпретации Священного Писания. В Новое время пришли к своеобразной секуляризации герменевтики (место священной книги заняло исследование книги природы), ее гуманизации (не Бог, но человек стал точкой сравнения), рационализации (за последнюю критическую инстанцию интерпретации принят человеческий разум), автономизации (зависимость от теологии) и погружения в историю (подчеркнуто историческое измерение понимания). В тех изменениях особенное место принадлежало Реформации. Мартин Лютер сформулировал новый принцип интерпретации христианской жизни исключительно на основе текста Священного Писания (*sola Scriptura*) и законы самотолкования Библии (*sui ipsius interpres*). Отвержение аллегорической интерпретации Священного Писания в пользу связи понимания библейских текстов с пластом буквальным (диалектика буквы и духа) должно было служить – по мнению Лютера – получению первичного смысла Библии, и шире – христианства. Начиная с XVII века термин «герменевтика» начал вытеснять прежнее значение *ars interpretandi* (J.C. Dannhauer *Hermeneutica sacra sive methodus exponendarum sacrarum litterarum* 1654). Заинтересованность классическими текстами породила зачатки герменевтики филологической. Гуманисты-филологи (L. Humphrey, M. Flacius Iliricus), присваивая Европе греческое и римское литературное наследие, открыли одновременно теоретическую рефлексию искусства перевода. Соответственно до 4 факультетов начала развиваться в это время герменевтика теологическая, филологическая, юридическая и (мало изученная) медицинская. XVIII и XIX века были временем господства научной герменевтики, или филологической. К представителям герменевтики рационалистической относятся В. Spinoza, J.A. Terretinus, J.M. Chladenius, S.J. Baumgartner, J.S. Semler, J.A. Ernesti, G.F. Meier I A.F.J. Thibault. Spinoza принял разум за единый критерий интерпретации Библии (так как чудеса ускользают из стандартов рациональности, нужно выяснить, почему поверили в них авторы Библии и им современные). Ernesti принял написанное слово за погма погmans ввиду догматов и считал, что дословный смысл Священного Писания должен быть установлен способами, принятыми для других текстов. Немецкая философия XVIII века (Ch. Thomasius, Ch. Wolff) трактовала герменевтику как часть широко понимаемой логики. На границе XVIII-XIX веков появились так называемые великие концепции герменевтики филологической F. Asta, F.A. Wolf, A. Voeckha. Ast выделил 3 рода понимания текста: исторический, грамматический и духовный. Wolf определил герменевтику как науку о законах определения смыслов знаков. По Voeckh'у герменевтика, как наука о понимании, исследует как объективные, так и субъективные условия того, что осталось пересказано традицией. Зарождение и развитие философской герменевтики. Основателем современной герменевтики считается F.D.E. Schleiermacher, который объединил существующие частичные концепции интерпретации в одну общую теорию. Предметом интереса герменевтики стала любая форма текста (текст сакральный и светский, написанный и провозглашаемый), понимание которого возможно благодаря укоренению самого текста в мире «духа» и духовному родству людей. Влияние на состав современной герменевтики оказала также немецкая историческая школа (L. Von Ranke, J.D. Droysen), которая, стремясь к «онаучиванию» историографии, трактовала историю посредством текста, исследуемого методами филологической герменевтики. Герменевтика означала здесь этап внутренней критики, целью которой есть установление достоверности исторических источников (E. Bernheim, M. Handelsman). Привязываясь к Schleiermacher'у, W. Dilthey – анализируя среди прочего проблему методологического статуса гуманитарных наук и их автономии по отношению наук естественных – расширил понятие

«герменевтики»; она стала теорией интерпретации всяких трудов и произведений человека. Герменевтика как общая теория понимания (*Verstehen*), отличного от естественнонаучного выяснения (*Erklären*), должна составлять основу всякого гуманитарного познания и всех способов исследования манифестации (экспрессии) жизни: манер людей, человеческих поступков и их произведений (культура, общественные институты, тексты, история). В XX в. термин «герменевтика» появился в новом, узко философском значении, выходящем за рамки филологической и гуманитарной проблематики. Герменевтику, которая была понимаема прежде главным образом как практика и теория интерпретации текстов, теперь понимают фундаментально как раздел философской рефлексии, метод философствования, область философии, и даже саму философию. Проходили дискуссии о том, имела ли свой генезис в древности понятая в таком смысле герменевтика (как предполагает Гадамер), или же представляла абсолютно *novum* (как доказывает Хассо Эйгер). Неоднозначно термином «философская герменевтика» («герменевтическая философия») начали определять взгляды многих философов как: Ницше, Кассирер, Хассель, Хайдеггер, Бульман, Гадамер, Рикоер, Витгенштейн, Апель, Хабермас, Левинас, Фуко, Тейлор, Рорти, Барт, Деррида. В том, что специфично, современная философская герменевтика, однако, укоренена в немецком романтизме и немецкой идеалистической философии. Свою философски отличную позицию приобрела главным образом благодаря трудам Хайдегера и Гадамера, к которым присоединяют много других философов. Понимая человека как быт, который беспрестанно и спонтанно понимает и интерпретирует себя, а также окружающий его мир, Хайдеггер сделал герменевтику центральной темой континентальной философии. Два значения герменевтики для него основополагающие: как описание и интерпретация мира со стороны бытующего человека. Хайдеггер думал не о построении еще одной теории интерпретации, но о настоящем понимании смысла быта, забытого метафизикой из-за смешения значения самого понятия быта (*Sein*) с конкретно существующими бытами (*Seiendes*). Его герменевтика фактичности имела тогда понять настоящий смысл бытования (*Dasein*). Таким образом, для Хайдегера понимание было не только эпистемологической категорией, но также онтологической – способом существования человека в мире; поэтому также любая интерпретация всегда в основании: интерпретируя «текст», закладываем очерченное понимание себя и места «текста» в мире; другими словами: любое понимание закладывает определенное предпонимание (*Vorverstehen*); подобное уменьшение вело к стимулированию концепции так называемого герменевтического колеса (о ней писал уже Шлейермахер) – «кругового» характера понимания как некончающегося мысленного процесса. Взгляды Хайдегера вместе с идеями Дильти (*Dilthey*) развил Гадамер в виде философской герменевтики, которая в его понимании является описанием способов исследования человеком мира и его существования в мире, определяющим субъектные и объектные условия понимания взаимопонимания (онтологическое измерение). Герменевтика в качестве теории познания, углубленная в онтологическое измерения (метафизика познания), находится у основ всякого философствования, охватывая все способы человеческого исследования мира («текстом» является всё, что может быть предметом познания). Главной категорией герменевтики Гадамера является «уфилософствованное» понятие понимания: эпистемическое оно есть полнота герменевтического опыта, онтически – способ существования человека. Связанное с категорией предпонимания, историчности и «языковости», понимание не является одним, единичным актом, объективность которого дала бы себя интересубъективно определить, но «случаем». Познание (как понимание) является «погруженным» в истории, традиции и языке. Что более, это погружение является конечным условием того, чтобы понимание могло вообще прийти к успеху. Интерпретация наступает, таким образом, в мире всегда уже синтерпретированном и подвергаемом очередным интерпретациям. Невозможно отступление к началу вещи или языка, потому что такой первичной познавательной ситуации просто никогда не было. В процессе понимания речь не идет об установлении того, что тот или иной автор имел ввиду, когда писал текст, но о экзистенциальном выговоре и значении этого текста. Герменевтика Гадамера открыла универсальные и правомочные способы исследования мира (в философии, искусстве, истории), выходя за позитивистское понятие научного метода; обращает внимание на «наивность» освященной веры во всемогущество интеллектуальной рефлексии, исключительность апофантического (утверждающего) способа провозглашения и редуцирования познания к образованию понятий, отвергает научно-позитивистский идеал знания и науки как объективного и определенного познания а также рисует образ человека как быта, существенно приключенческого и познавательно ограниченного. Отдельное место в современной герменевтике занимают взгляды Рикера; выходя за взгляды Гадамера, он развил идею языкового и исторического бытия человека в мире. Критически использовал метод психоанализа (З. Фрейда) и структурализма (Ф. де Суассу), что сделало ему возможной выработку систематической теории интерпретации (герменевтическая феноменология) текста («написанного дискурса»), соединяющей диалектически процедуры гуманистического понимания и аналитического выяснения. Философская герменевтика начала инспирироваться различными концепциями, сформулированными на основе философии жизни, феноменологии, марксизма, гуманитарных наук, теории науки, психоанализа, лингвистики а также в последнее время аналитической философии, американского прагматизма и философии постмодерна. Во 2-1 пол. XX в.

Появилась так называемая трансцендентализирующая герменевтика (Апель, Хабермас), занимающаяся критическим анализом условий взаимопонимания людей. Занимаясь поиском знаний, практически доступных для изменения обществ, Хабермас указал Гадамеру на недостаток критического общественного сознания посредством непринятия того факта, что человеческое познание всегда руководствуется определенными интересами. Как герменевтическую концепцию охарактеризовала свой так называемый диалоговый конструктивизм методологическая школа из Эрланген (П. Лоренцен). Отвергая существование методически отличного начала познания, она подчеркивала преимущество практики (герменевтической аппликации) над теорией. Сближение между континентальной феноменологией и аналитической философией привело к образованию аналитической герменевтики. Новейшей фигурой герменевтики является американская радикальная герменевтика (Дж.Д. Капуто, Х.Дж. Силверман), инспирирована деконструкционизмом Дж. Деррида и американским прагматизмом, соединяющая в себе части онтогерменевтики Хайдегера (американский спор о Хайдегере), гадамеровскую интерпретацию произведения искусства. Рикеровскую интерпретацию текста, семиотику Бартеза и онтогерменевтическую программу так называемой метафизики присутствия. Представители этого направления (определяемого как постметафизического, побеждающего традиционные способы исследования метафизики и эпистемологии) апеллируют к отвержению ностальгии из-за авторитета правды, провозглашая «смерть автора» (его авторитета) и отсутствие дефинированного смысла самого текста. Радикализация герменевтики основывается на подчеркивании отсутствия стабильной, определенной и последней основы понимания и интерпретации. Направления герменевтики. Кроме юридической герменевтики к наиболее старым направлениям принадлежат – библейская герменевтика, которая со временем приобрела вид отдельной теологической дисциплины (экзегезы) и свойственного (герменевтического) подхода всей теологии. Герменевтическая теология XX века (герменевтическая теология), развитая главным образом протестантскими теологами, объединяла проблемы узко теологические с философскими, филологическими и гуманитарными. В современной теологии термин «герменевтика» может означать: провозглашение (кегугта) истин веры приспособленно к экзистенциальной ситуации слушателя, методологию теологии в виде рефлексии над теологическим методом, а также характеристический (герменевтический) способ занятия теологией. Новая «герменевтическая теология» была развита в протестантизме К. Бартом, Р. Бултманном, П. Тиллихом, Г. Эбелингом и Э. Фухсом. В рамках католической теологической герменевтики выделилась фундаментальная и вспомогательная герменевтика, описательно-пояснительная и нормативная, общая и специальная (догматическая, библейская, катехетическая). Католическая герменевтическая теология (Э. Шиллебек) рассматривает христианство как собрание разных языков, требующих интерпретации. Православная герменевтика обращается преимущественно к библейской герменевтике, целью которой является сохранение и развитие трудов Отцов Церкви. В гуманитарных науках герменевтика может означать практику интерпретации, собрания правил интерпретации, методику интерпретации и общую теорию интерпретации. Разницы между концепциями гуманистической имеют свое основание в изменчивости предмета («текста»), методах его интерпретации и философских основаниях. Современная философская герменевтика и герменевтика литературная имеют свое основание в теории интерпретации XVIII века. До сих пор является актуальным вопрос, основывается ли интерпретация на открытии мыслей и замысла автора текста в контексте всей его жизненной ситуации, или также (как считает Гадамер) речь идет об истине самого текста, как она сейчас явится интерпретатору в итоге слияния горизонтов интерпретатора и текста. Герменевтика литературная, как теория (имманентной) интерпретации литературного труда (Э. Штайгер, П. Шонди), практикуется в Германии также как эстетика рецепции (Г.Р. Яусс, В. Изер), во Франции вместе со структурализмом и постструктурализмом (Р. Бартез, Й. Деррида и Й. Фуко), в США как так называемая новая критика (Э.Д. Гирш, Р.Э. Палмер). Герменевтика культурная (Э. Кассирер) является практикой и теорией интерпретации культурных символов. Близкой к ней является религиозно-ведческая герменевтика (Р. Отто, Г. ван дев Леов), направленная на поиск так называемых трансисторических смыслов и ценностей а также на выяснение структурального единства и исторической разнородности религии а также религиозного опыта (sacrum принятого как элемента структуры человеческого одиночества). Герменевтика религиозно-ведческая, направленная на интерпретацию религиозных символов и мифов, находится также в программе школы в Чикаго (М. Элиад, Дж.М. Китагава). Анджей Бронк/**ДЕЛЕЗ ЖИЛЬ** (1926 – 1995), французский философ и историк философии. Профессор университета Париж – VII. Основные труды Д.: «Ницше и философия», «Логика единственного», «Различное и повторяющееся». Д. стремиться к разработке опыта философии становления, опирающейся на философскую традицию, на опыт художественного и литературного авангарда. Он называет художников «клиницистами цивилизации». Каждый из этих клиницистов максимально рискует, экспериментируя на себе, и этот риск дает ему право на диагноз. Философ может занимать в этой ситуации две позиции: либо резонерствовать по поводу уже поставленного диагноза, либо самому отважиться на опыт интеллектуальной диагностики. Д. решает в пользу второго. Он считает, что необходимо взять на себя риск творца, и тогда появится возможность мыслить этим опытом, войти в это событие, а не делать его объектом «незаинте-

ресованного» созерцания, которое разрушает опыт. Д. опирается на безличное и доиндивидуальное поле, которое нельзя определить как поле сознания. Трансцендентальную философию, пишет Д., роднит с метафизикой прежде всего альтернатива, которую они навязывают: или недифференцированный фон, бесформенное небытие, бездна без различий свойств, или индивидуальное суверенное Существо, высокоперсонализированная форма. Метафизика и трансцендентальная философия сходятся в понимании произвольных единичностей лишь как персонифицированных в высшем «Я». Будучи доиндивидуальными, неличностными, произвольные единичности, по Д., коренятся в иной стихии. Эта стихия называется по-разному (нейтральная, проблематичная), но за ней сохраняется одно общее свойство: индифферентность в отношении частного и общего, личного и безличного, индивидуального и коллективного и других аналогичных противопоставлений. Произвольная единичность, или сингулярность, неопределима с точки зрения логических предикатов количества и качества, отношения и модальности. Сингулярность, по Д., бесцельна, ненамеренна, нелокализуема. (Ермаков В.С. Справочник по истории философии: хронологический, персонифицированный. – СПб.: Издательство «Союз», 2003. 448 с.).

ДЭВИДСОН ДОНАЛЬД (1917-2003) — американский аналитический философ. Профессор Принстонского (1967— 1970), Рокфеллеровского (1970—1976), Чикагского (1976—1981) и Калифорнийского (1981-2003) университетов. Исследовательские интересы Дэвидсона охватывают широкий круг проблем в семантике, теории действия, философии сознания, онтологии и эпистемологии. В своем объяснении человеческих действий Дэвидсон стремится совместить их интенциональность (лат. *intentio* — стремление) и включенность в причинно-следственные отношения. Этой цели служит разрабатываемая им онтология событий. Будучи физическими событиями, человеческие действия каузально связаны с ментальными событиями (намерениями, желаниями и т.п.), однако эти связи не подчинены строгим законам, и каузальное объяснение любого конкретного действия человека строится с учетом рациональности и когерентности {лат. *cohaerens* — находящийся в связи) всей системы его верований, желаний и т.п. Эту свою позицию Дэвидсон определяет как «аномальный монизм». Образуя часть природы, подверженную каузальным взаимодействиям, ментальные события вместе с тем тождественны событиям в мозге, однако, согласно Дэвидсону, это тождество имеет место не между соответствующими типами событий, а между индивидуальными событиями в силу совпадения их причин и следствий. Важную роль в исследованиях Дэвидсона играет выдвинутая им программа создания формальной теории значения для естественных языков на базе экстенциональной логики. Центральная задача этой теории — показать, как приписываются значения предложениям языка. Разделяя идею Г. Фреге о том, что понимать предложение — значит знать условия его истинности, и, отталкиваясь от определения истины А. Тарского как критерия адекватности при приписывании значений, Дэвидсон связывает построение семантической теории с анализом логической формы предложений, который позволит определить условия истинности для каждого предложения в терминах истинностного значения его частей. Определенным шагом в реализации этой программы стал осуществленный Дэвидсоном анализ логической формы высказываний о действиях, предложений с индексальными выражениями, предложений, содержащих пропозициональные установки. По замыслу, теория значения в конечном счете призвана объяснить, как происходит понимание языка в процессе коммуникации. Понятие коммуникации играет важную роль в антиэмпиристской эпистемологии Дэвидсона, для которого основой познания является не чувственное восприятие, а intersубъективность и интерпретация. Реальность не конструируется из чувственных восприятий в соответствии с концептуальными схемами языка, а, напротив, язык, мышление и мир составляют неразрывные части единой intersубъективной структуры, и до включения в эту структуру как таковые не существуют. Кроме того, Дэвидсон предложил оригинальную концепцию метафоры, согласно которой, значение метафорических слов и словосочетаний следует понимать буквально, а употребление их является специфическим. (Философия. Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина.- М.: Гардарики, 2004)

ДЕЛЕЗ ЖИЛЬ (1926 – 1995), французский философ и историк философии. Профессор университета Париж – VII. Основные труды Д.: «Ницше и философия», «Логика единственного», «Различное и повторяющееся». Д. стремится к разработке опыта философии становления, опирающейся на философскую традицию, на опыт художественного и литературного авангарда. Он называет художников «клиницистами цивилизации». Каждый из этих клиницистов максимально рискует, экспериментируя на себе, и этот риск дает ему право на диагноз. Философ может занимать в этой ситуации две позиции: либо резонерствовать по поводу уже поставленного диагноза, либо самому отважиться на опыт интеллектуальной диагностики. Д. решает в пользу второго. Он считает, что необходимо взять на себя риск творца, и тогда появится возможность мыслить этим опытом, войти в это событие, а не делать его объектом «неинтересованного» созерцания, которое разрушает опыт. Д. опирается на безличное и доиндивидуальное поле, которое нельзя определить как поле сознания. Трансцендентальную философию, пишет Д., роднит с метафизикой прежде всего альтернатива, которую они навязывают: или недифференцированный фон, бесформенное небытие, бездна без различий свойств, или индивидуальное суверенное Существо, высоко-

коперсонализированная форма. Метафизика и трансцендентальная философия сходятся в понимании произвольных единичностей лишь как персонифицированных в высшем «Я». Будучи доиндивидуальными, неличностными, произвольные единичности, по Д., коренятся в иной стихии. Эта стихия называется по-разному (нейтральная, проблематичная), но за ней сохраняется одно общее свойство: индифферентность в отношении частного и общего, личного и безличного, индивидуального и коллективного и других аналогичных противопоставлений. Произвольная единичность, или сингулярность, неопределима с точки зрения логических предикатов количества и качества, отношения и модальности. Сингулярность, по Д., бесцельна, ненамеренна, нелокализуема. (Ермаков В.С. Справочник по истории философии: хронологический, персонифицированный. – СПб.: Издательство «Союз», 2003. 448 с.).

КЛОССОВСКИЙ (Klossowski) Пьер (1905 1995) – французский писатель, философ, психоаналитик, художник, литературный критик. С 1935 (совместно с Батаем и А. Бретоном) – участником “Союза борьбы революционных интеллектуалов”. В качестве своих предшественников признавал де Сада, Ницше, Фрейда, Батая. Центральным для понимания концепции К. является сборник его эссе “Сад, мой ближний” (1947), в котором он развивает идею “интегрального атеизма”, знаменующего собой, по его мнению, конец антропоморфного разума. Согласно К. рациональный атеизм лишь наследует нормы религий монотеистического типа, замещая теоцентризм антропоцентризмом. “Интегральный атеизм” утверждает, что вместе с “абсолютным гарантом” принципа идентичности (тео- или антропоцентризм) исчезает сам этот принцип, а также моральные и физические обоснования ответственности индивидуального “Я”. основным мотивом деятельности субъекта является “желание”, которое в отличие от “сексуальности”, остаётся неизменным на всей протяжённости развития психосоматической конституции индивида. Самосознание личности есть продукт воздействия нормативного языка социальных институтов, т.е. “языка власти”, на бессознательные волевые импульсы, характерные для естественного состояния человеческой природы. В результате первоначальная обстановка импульсных сил предстаёт в психике индивида в перевёрнутом виде, насильственно поддерживая строгую субординацию жизненных функций организма с целью дальнейшего воспроизводства человеческого рода. Для восстановления “истинной иерархии” прав и реабилитации “единичного” перед “всеобщим” К. считает необходимым устранения “цензуры нормативности”, укоренённой в сознании на уровне “представлений” критериев различия добра и зла, истины и лжи и т.п), непосредственно “действием”, причём текстуальным, а не социальным. Отказ от практики социальных реформ означает отказ от революции как насильственного внешнего принуждения и переход на иной онтологический уровень – индивидуального усилия в рамках самосознания личности. Такая стратегия предполагает длительную работу по культивированию индивидуального усилия “внутреннего порыва” в литературном опыте трансгрессивного преодоления преграды, препятствующей нормализации психического состояния индивида. При этом выход за пределы культурных регулятивов, укоренённых в сознании, на практике означает преодоление и “субъективности” как таковой, разложение самой структуры сознания и отказе от принципа идентичности. Индивидуальная структура личности оказывается не тождественна сама себе распадаясь на множество автономных, самодостаточных образований, отличных друг от друга психических состояний, которые нарушают симметрию в бесконечности “зеркальных отражений” индивидуального “Я”. Целостное представление о “едином” разрушается симуляцией “множественности” в режиме постоянного возобновления, актуальности становящегося “Я” и его “вечном возвращении” к самому себе, но уже в роли Другого, который не станет объектом манипулирования. К. автор книги “Ницше и порочный круг” (1969) и др. работ. (Всемирная энциклопедия философия, М., “АСТ”, 2001 г.).

КОНТ (Comte) ИСИДОР Огюст Мария Франсуа Ксавье (19.01.1798, Монпелье, - 5.09 1857, Париж), Французский философ, социолог, один из основоположников позитивизма. В 1814-16 Конт обучался в Политехнической школе в Париже, изучал математику и др. точные науки. В 1817-24 он занимал должность секретаря К.А. Сен-Симона затем репетитора и экзаменатора в Политехнической школе, а также давал частные уроки и читал платные лекции в т.ч. по математике и философии. В период сотрудничества с Сен-Симоном, Конт, испытав большое интеллектуальное влияние с его стороны, формулирует т.н. закон трех стадий и закон классификации наук. В соответствии с законом трех стадий любой индивид, общество, понятие, теория, область знания и т.д. проходят в своем развитии три стадии: Теологическую, метафизическую, позитивную. На теологической стадии человеческий разум стремится к познанию первопричин явления окружающей действительности и объясняет все происходящее деятельностью сверхъестественных существ (духов, богов и т.д.). На метафизической стадии человеческий разум стремится познать внутреннюю природу всех явлений, способ их образования и назначение. Окружающая действительность объясняется исходя из метафизических сущностей, или олицетворенных абстракций (напр., р-ния растут благодаря «вегетативной душе»). На позитивной (научной) стадии человеческий разум отказывается от поиска первопричин и претензий на познание внутренней природы явлений, сосредоточиваясь на исследовании законов - постоянных отношений существующих между наблюдаемыми явлениями. Знание законов должно позволить делать заключения относительно того, что должно

произойти. Как говорил Конт, нам надо «видеть чтобы предвидеть». Развитие наук также подвержено закону трех стадий. Кроме того, оно подвержено и действию закона классификации наук. Шесть основных абстрактных наук Конт расположил в строго определенном порядке: математика, астрономия, физика, химия, биология, социальная физика. Последовательность наук обосновывалось двумя критериями: историческим (чем ближе наука к началу списка, тем раньше она достигла позитивной стадии в своем развитии) и доматическая (каждая наука опирается на предыдущую). Из всех перечисленных наук только последняя, по мнению Конта, продолжала в его время оставаться на метафизической стадии. Отсюда Конт делает вывод о необходимости создания новой позитивной науки об обществе. Порвав с Сен-Симоном, Конт в конце 1820-х приступил к созданию шеститомного «Курса позитивной философии». V- VI т. «Курса...» он посвятил разработке социальной науки, для обозначения которой он предложил новое слово - «социология». По замыслу Конта, социология должна стать наукой изучающей законы строения и развития общества. Предмет социологии Конт формулировал как «порядок и прогресс». Соотв. социологию он делил на два раздела: социальную статику (изучающую строение и законы обеспечения порядка в обществе) и социальную динамику (теорию прогресса). Социология рассматривалась Контом как объективная, строгая и беспристрастная наука, основанная на наблюдениях и свободная предвзятых оценок и суждений, не поддающихся верификации. С сер. 1840-х Конт меняет свою точку зрения на социологию и превращает ее из науки, устанавливающей социальные законы, в «практическую науку», обосновывающую ряд преобразований, позволяющей ускорить вступление человечества на позитивную стадию развития. Отныне он рассматривает социологию как новую религиозную систему, объектом поклонения которой служит Великое Существо, т.е. Человечество. Социологом он отводит роль духовенства, а себя возвел в сан первосвященника новой религии. Свой проект Религии Человечества и связанных с его утверждением общественных преобразований Конт излагает в «Рассуждениях о совокупности позитивизма» (1848), «Системе позитивной политики» (1851-54), «Позитивистском катехизисе» (1852) и др. произв. Написанных в конце жизни. Последующие поколения ученых-социологов, приняв идею социологии как объективной науки, изучающей законы строения и развития общества, подвергли резкой критике религиозно-мессианские тенденции в творчестве Конта. В истории науки Конт вошел как основоположник позитивизма и «крестный отец» социологии. (Большая энциклопедия: В 62 томах. Т. 22. Под редакцией С.А. Кондратова - М.: ТЕРРА, 2006. С. 136-137).

КОЭН, Лоуренс Джонатан (род.1923) — английский философ, один из лидеров современной аналитической философии. С 1957 г. преподает в Оксфордском университете. Основные сочинения К.: «Является ли эпистемология науки разновидностью логики или истории науки?», «Принципы мирового гражданства», «Вовлечения индукции», «Вероятность и доказательство», «Диалоги о разуме». По мнению К., мир в середине XX в. Существенно отличается от социальных моделей Гоббса и Гегеля, исходивших из полной независимости национальных государств, но весьма далек и от модели сверхнационального государства. С начала 60-х гг. К. занимается главным образом исследованием способов концептуального анализа, в частности применительно к теологическому объяснению в биологии, фундаментальным понятиям юриспруденции, медицины и т.п. Он предпринял попытку синтезировать разные, но взаимосвязанные подходы к проблеме значения слова, разработанные в синхронической и диахронической лингвистике, в истории и социологии познания, в формальной логике и аналитической философии. Наибольший интерес, по К. представляет процесс изменения значения при установлении соответствия научных гипотез вновь открытым научным фактам. Для анализа таких ситуаций необходимо отделить проблему индукции от более широкой проблемы научного рассуждения и трактовать индукцию как способ получения нетривиальных обобщений. Для индукции, наряду с традиционным критерием индуктивного подкрепления, не меньшее значение имеют структурные критерии – типа простоты, успешности и т.п. Такой подход К. применил к анализу доказательства фактов в процессе судебного разбирательства, к исследованию психологии индуктивного и вероятного рассуждения. Оценивая состояние аналитической философии в середине 80-х гг., К. пришел к выводу, что трактовка аналитической философии как чисто лингвистической деятельности является слишком узкой: задачи философии неизбежно связаны с решением вопроса о том, что представляет собой разум, рациональность в той или иной конкретной ситуации. (Ермаков В.С. Справочник по истории философии: хронологический, персонифицированный. СПб.: Союз, 2003. – с. 369).

КРИСТЕВА (Kristeva) Юлия (род. 1941) - философ и писатель, профессор лингвистики и семиологии Университета Париж-VII. Выдвинула ключевую для постмодернизма концепцию интертекстуальности (статья «Бахтин, слово, диалог и роман», 1967, рус.пер. в журн. «Диалог. Карнавал. Хронотоп». Витебск, 1983, № 4), означающей особые диалогические отношения текстов, которые строятся как мозаика цитаций — результат впитывания и видоизменения других текстов в их ориентации на контекст. Специфика подхода, предложенного Кристевой, состоит в сочетании структуралистской «игры со знаками» и психоаналитической «игры против знаков». Оптимальным вариантом такого сочетания ей представляется художественная литература, которой она придает статус своего рода глобальной теории познания, ис-

следующей язык, бессознательное, религию, общество (литературе при этом отдается приоритет перед письмом как чересчур нейтральным). Предлагая постмодернистскую трактовку катарсиса (физиологическое истолкование очищения при помощи сострадания и страха), Кристева видит задачу литературы в освобождении от ужасного. Как в своих философско-эстетических эссе, так и в романах она исходит из того, что художественная сублимация противостоит смерти. И в этом плане метафизический опыт абсурда, пограничные ситуации депрессии и меланхолии как оплота ничто внутри бытия оказываются в конечном счете источником прекрасного, возвышенного, эстетического идеала. Художественный опыт лежит в основе религиозности, пережившей крушение исторических форм религии. Для работ Кристевой характерно сближение постфрейдистского и неомистского видения культуры: так, она пишет о сходстве психоаналитического сеанса с религиозной исповедью, основанной на словесной интерпретации, фантазмов, доверии и любви к исповеднику-врачевателю. (Новая философская энциклопедия в 4 томах / под ред. В. С. Степина. Москва: Мысль, 2001)

КУН (Kuhn) Томас Сэмюэл (1922—1995) - амер. историк науки и философ, один из лидеров исторического направления в философии науки. Первая его книга посвящена коперниканской революции. Наибольшую известность К. принесла кн. «Структура научных революций» (1962), отразившая переломный этап в развитии современных зап. эпистемологии и историографии науки, связанный с преодолением основных догм неопозитивизма. Концепция К. в значительной мере сложилась под влиянием историков науки — прежде всего А. Койре, Э. Мейерсона, Э. Мецжер, А. Майер. Работа пол. ученого Л. Флека «Возникновение и развитие научного факта» оказала влияние на разработку центрального для книги К. понятия парадигма. Концепция научной революции как изменения взгляда на мир и идея несоизмеримости парадигм во многом стимулировались работами в области гештальтпсихологии, лингвистики (гипотеза Б. Уорфа), логики (концепция онтологической относительности У. Куайна). Наиболее оригинальным вкладом К. является рассмотрение когнитивного аспекта науки в неразрывной связи с динамикой научного сообщества. Основной единицей измерения процесса развития науки у К. выступает парадигма — концептуальная схема, признаваемая в течение определенного времени научным сообществом в качестве основы его практической деятельности. Научная революция вызывается полной или частичной заменой парадигмы. Общий ритм этого процесса представляет собой диахроническую структуру, включающую ряд последовательных этапов: генезис науки (допарадигмальный период), нормальную науку (парадигмальный период), кризис нормальной науки, научную революцию (смена парадигм). Допарадигмальный период характеризуется соперничеством различных школ и отсутствием общепринятых концепций и методов исследования. На определенном этапе эти расхождения исчезают в результате победы одной из школ. С признания парадигмы начинается история научной дисциплины, представляющая собой развитие и совершенствование научной традиции. Парадигмальный период с определенными нормами и образцами научной деятельности К. называет «нормальной» наукой. Однако постепенно накапливаются различного рода «аномальные факты», которые не поддаются решению средствами принимаемой парадигмы. Это порождает состояние резко выраженной профессиональной неуверенности — кризис парадигмы. Банкротство существующих правил стимулирует поиск новых. Результатом является научная революция — полное или частичное вытеснение старой парадигмы новой. В «Дополнении» к новому изд. книги (1969) К. признал, что понятия «научное сообщество» и «парадигма» фактически определяются друг через друга. Чтобы избежать логического круга, К. счел целесообразным отделить понятие парадигмы от понятия научного сообщества. Анализ парадигмы должен начинаться с определенной группы ученых, занятых проведением научного исследования. Научное сообщество состоит из специалистов, связанных общими традициями образования и работы в определенной области. Парадигма (или семейство парадигм) обеспечивает прочность профессиональных связей членов научного сообщества и относительное единодушие их суждений и оценок. Учитывая отмеченную критиками неясность и расплывчатость термина «парадигма», К. в дальнейшем попытался эксплицировать его значение посредством понятия «дисциплинарная матрица». Такая матрица определяет, во-первых, принадлежность ученых к определенной дисциплине и, во-вторых, систему правил научной деятельности. Понятие дисциплинарной матрицы позволяет ответить на вопрос, каким образом осуществляется проецирование символических конструкций на сферу опыта. Абстракции могут соотноситься с реальностью посредством аналогий, т.е. использования уже решенных, задач в качестве эвристических моделей для решения задач в др. областях науки. (Энциклопедический словарь «Философия» под ред. Ивина А.А., Москва, изд-во «Гардарики», 2004).

ЛАКАНА ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. 1. Стадия зеркала. Статья "Стадия зеркала и её роль в формировании функции я" Лакана (1936, 1949) базируется на параметрах которые впоследствии стали чем-то вроде молитвы пост-структуралиста: а именно, что человеческая идентичность "децентрализована". Ключевым моментом наблюдения в эссе Лакана является поведение младенцев в возрасте 6 и 18 месяцев. В этом возрасте, отмечает Лакан, дети становятся способными узнавать своё зеркальное отражение. Это не беспристрастный опыт. Это - узнавание, которое приносит ребенку большое удоволь-

стве. Для Лакана мы можем только объяснить это "ликование" как доказательство того, как с учетом его зеркального отображения у ребенка есть его первое ожидание себя как цельного и отдельного индивида. До этого, утверждает Лакан (опираясь на современные психоаналитические наблюдения), ребенок немного больше чем "тело по частям," неспособный ясно отделить Я и Другие, и полностью иждивенца для собственного выживания (долго уникальный в животном мире) до его первого питания. Значения этого наблюдения относительно стадии зеркала, по мнению Лакана, являются далеко идущими. Оно переворачивает тот факт, что, если придерживаться этого наблюдения, тогда происхождение смысла личностной индивидуализации, как никоим образом не может считаться, выходит от "органического" или "естественного" развития, а ни какого либо внутреннего богатства, которое, как предполагают, было врожденным. Я есть Другой с низу до верху, по Лакану (повторение и развитие концепции эго, уже планировавшего во Фрейдовском Ego и Id). Правда этого изречения, как комментирует Лакан в "Агрессивности и Психоанализе," очевидна в инфантильной транзитивности: то явление в чем один младенец, пораженный другим все же, объявляет: "Я победил его!". Это более просто зарегистрировано в том факте, что это остается постоянной возможностью взрослого человеческого опыта для нас говорить и думать о нас во втором или третьем лице. То, что является решающим в этих явлениях согласно Лакану, то что эго — есть основа объекта: искусственное проектирование субъективного единства смоделировало на визуальных изображениях объектов и других, которым человек противостоит в мире. Идентификация с эго, таким образом продолжает Лакан, состоит в том, что лежит в основе неизбежного компонента агрессивности в поведении человека, особенно очевидном среди младенцев, и который Фрейд признал в своих «Трех Эссе по Сексуальности. 2. Желание это желание Другого. Именно на основе этого фундаментального понимания идентичности Лакан поддержал в течение своей карьеры, что желание это желание Другого. То, что он имеет ввиду в этой формулировке, не является мелочью, что люди желают других, когда они сексуально желают (наблюдение, которое не является универсальной истиной). Снова развивая теорию сексуальности Фрейда, Лакан утверждает скорее то, что показывает психоанализ - люди должны изучить как и что желать. Теория Лакана не отрицает, что младенцы всегда рождаются в мир с основными биологическими потребностями, которые нуждаются в постоянном или периодическом удовлетворении. Однако Лакан делает упор на то, что с очень раннего возраста попытки ребенка удовлетворить эти потребности становятся достигнутыми в диалектике его обменов с другими. Поскольку его самосознание всегда только накапливается из идентификации с изображениями этих других (или он непосредственно в зеркале, как своего рода другой), Лакан утверждает, что это очевидно принадлежит людям, чтобы желать — непосредственно — как или через другого или других. Мы получаем смысл его значения, когда мы рассматриваем такие социальные явления как моду. Поскольку ссора детей более охотно свидетельствует, что это полностью возможно для объекта стать желательным для индивидов, потому что они чувствуют, что другие желают этого, так же как когда желания этих других исчезнут, объект потеряет свое очарование. Лакан ясно формулирует эту децентрализацию желания, когда он утверждает, что то, что произошло с биологическими потребностями человека, - то, что они стали неотделимыми, и значительно подчинили превратности его требования о признании и любви к другим людям. События столь же "очевидно естественные", как прохождение или сдерживание табурета, он замечает в *Écrits*, становятся эпизодами в хронике отношений ребенка с его родителями, выразительными из его согласия или восстания. Голодный ребенок может даже отказаться съесть еду, если он чувствует, что эта еда предлагается больше как символ любви чем одна из неудовлетворенности его родителей или нетерпения. В этом свете важное обращение за помощью Лакана к теории игры также становится объяснимым. Для теории игры вовлекается попытка оформить возможности, доступные людям в ситуациях, где их решения относительно их желаний могут в принципе быть затронуты решениями других. Поскольку статья Лакана в *Écrits* на "Руководстве Обращения" обстоятельно объясняет, он берет это в качестве аналитической ситуации, теория Фрейда вокруг понятия переноса (см. Часть 2), является точно такой ситуацией. В том эссе Лакан сосредотачивается на мечте о жене мясника в Толковании сновидений Фрейда. Жена упомянутого "мясника" думала, что у нее была мечта, которая была доказательством недействительности теории Фрейда, что мечты всегда - закодированные выполнения желания. Как Фрейд комментирует, однако, эта мечта становится объяснимой, когда каждый рассматривает после того, как пациент вступил в анализ, как ее пожелания построены (по крайней мере, частично) относительно воспринятых пожеланий аналитика. В этом случае по крайней мере одно из пожеланий, выраженных мечтой, было желанием женщины, что мешало желаниям Фрейда. Таким же образом Лакан детализирует, как более глубокое не сознающее желание выражало в явном содержании мечты (который показал женщину, пытающуюся организовать званый обед только с одной частью копченого лосося), может только постигаться как закодированное выполнение желания, что ее муж не выполнил бы ее каждое желание, и оставил бы ее с неудовлетворенным желанием. 3. Эдипов комплекс, кастрация. Принцип, что желание - это желание Другого, является также решающим в том, как Лакан повторно формулирует теорию Фрейда социализации ребенка через разрешение его Эдипова комплекса на его пятом или шестом году жизни.

Лакан соглашается с Фрейдом, что этот случай является решающим и в развитии человека, и в этиологии любого возможного последующего психического заболевания. Однако, в попытке понять эту стадию субъективного развития, Лакан самостоятельно удаляется от акцента Фрейда на биологический орган члена. Лакан говорит вместо фаллоса. То, к чему прежде всего обращается Лакан, - то, что чувствует ребенок, что случается так, что мать желает. Поскольку собственное желание ребенка структурировано его отношениями с его первым воспитателями (обычно в Западных обществах мать), это - таким образом желание матери для Лакана, который является решающей долей в том, что выясняется с комплексом Эдипа и его решением. На первых годах жизни, ребенок посвящает себя попытке понять то, почему случается так, что мать желает, и делает так, чтобы попытаться быть фаллосом для матери - полностью удовлетворяющий объект любви. С течением времени в пять или шесть лет этот предмет желания, однако, будет вмешиваться отец, который, как правило, вмешивается в это прочное стремление Эдипа. Следующий отказ от стремления быть фаллической Вещью для матери, и не любым физическим явлением или его угрозой, то, что Лакан называет кастрацией, и это - таким образом функция, к которой он думает и мальчики и девочки обычно представляются. Принятие ребенком его кастрации отмечает разрешение своего комплекса Эдипа, Лакан держится, снова в тени Фрейда. Ребенок Эдип остается преданным его проекту попытки понять и выполнить это желание. Он соответственно чувствует отца как конкурента и угрозу его самым дорогим стремлениям. Из-за этого, в независимом теоретическом соединении, Лакан действительно уподобляет отношение отца-ребенка в этом пункте (по крайней мере, как это воспринято ребенком) к известной "борьбе смерти для чистого признания", драматизированного в Феноменологии Гегеля Духа. В этой борьбе, конечно, неизменно проигрывает ребенок. Но все поворачивается согласно теории Лакана, на том, составляет ли эта потеря сильное оскорбление для ребенка или, как в работе Гегеля "Светлости и Неволи" ее решение вовлекает основание договора между сторонами, связанными церимонией взаимно признанного Закона. 4. Законная и Символическая Идентификация. Закон отца, таким образом, в теории Лакана, как необходимый посредник между ребенком и матерью. Принятие кастрации ее суверенитет, осаждаст ребенка от этих двойственных попыток быть полностью удовлетворяющей Вещью для матери. Поскольку, язвительно замечает Лакан, когда ребенок принимает кастрацию, он принимает невозможность этого непосредственного удовлетворения его желания кровосмешения. Однако, если пойдет хорошо, то это уйдет с "документами, подтверждающими правовой статус в его кармане", которые гарантируют, что, когда время настает (и если это играет по правилам), у него, по крайней мере, может быть заместитель удовлетворения для его первого потерянного объекта любви. То, что произошло, в этом случае, то, что воображаемые идентификации человека (или "идеальные эго"), который исключительно характеризовал его детские годы, были добавлены идентификацией полностью различного заказа: что Лакан называет символической идентификацией с "идеалом эго." Это идентификация и в пределах чего-то, что не может быть замечено, затронуто, пожрано, или исправлено, а именно: слова, нормы и директивы его данного культурного коллектива. Символическая идентификация всегда идентификация с нормативно ограниченным способом организовать социально-межсубъективное пространство, в пределах которого предмет может взять свои самые длительные воображаемые идентификации: (Например, истерично-уязвимая женщина идентифицирует на символическом уровне с патриархальным способом структурировать общественные отношения между полами, за пределами которых ее воображаемая идентификация была бы бессмысленна). 5. Резюме. Так, чтобы повториться и подвести итог: философская антропология Лакана (его ответ на вопрос: что это должно быть человеческим?) вовлекает несколько важных переформулировок Фрейдистских принципов. Привлекая Гегеля, теорию игры, и современные наблюдения за младенческим поведением, он делает больший систематический акцент, который Фрейд делал на межсубъективной конституции человеческого желания. В этой особенности, по крайней мере, его философская антропология объединена с теми из философов, таких как Levinas, Nonneth и Habermas. Одинаково, с тех пор для желания человека Лакана "желание другого," то, что он спорит, находится под угрозой в социализации ребенка, его стремление быть полностью удовлетворяющим объектом для матери, функция, которая является наконец (или по крайней мере обычно) выполнена Имеющими закон словами отца. Человек, для Лакана, таким образом говорящее животное (что он называет *parole-etre*); желание которого становится "перемешаны" с императивами, и предусмотрены в пределах естественного языка его общества. Особенно, Лакан поднимает на определенных репликах в пределах текстов Фрейда, чтобы подчеркнуть диалектическую структуриацию человеческого желания относительно запретов на Закон. Если Закон отца лишает непосредственного доступа к тому, что ребенок берет, чтобы быть полностью удовлетворяющим объектом (как разъяснено выше), с этого момента, говорит Лакан, (по крайней мере, невротический), желание обязательно ясно сформулировано в промежутках того, что разрешено Другим. И это характеризуется врожденной и "фатальной" привлекательностью к тому, что ему запрещено как таковое, и которое является объяснением того, почему он сделал центральный акцент в течение своей карьеры на загадочном Фрейдистском понятии смертельно-го двигателя. (Перевод. International Encyclopedia of Philosophy Источник: www.iep.utm.edu)

ЛАКАТОС (Lakatos) Имре(1922—1974) — британский философ и историк. Родился в Венгрии. Во время Второй мировой войны участвовал в антифашистском движении Сопротивления. Свою настоящую фамилию (Липшиц) в период фашистской диктатуры Хорти сменил на Мольнар (Мельник), а после прихода к власти коммунистов — на Лакатош (Столяр). В Московском университете под руководством проф. С.А. Яновской работал над кандидатской диссертацией по философии математики. В кон. 1940-х гг. был обвинен в «ревизионизме» и более трех лет провел в заключении. После восстановления 1956 эмигрировал из Венгрии в Австрию, затем уехал в Великобританию (1958). С 1960 преподавал в Лондонской школе экономики, стал учеником и последователем К. Поппера. Внес крупный вклад в развитие философии и методологии критического рационализма. Лакатос предложил оригинальный вариант логики догадок и опровержений, применив ее в качестве рациональной реконструкции роста научного знания в содержательной «квазиэмпирической» математике 17—19 вв. С точки зрения Лакатоса, «математика не развивается как монотонное возрастание количества несомненно доказанных теорем, но только через непрерывное улучшение догадок при помощи размышления и критики, при помощи логики доказательств и опровержений». Позднее он пришел к выводу, что эта его рациональная реконструкция может быть переработана с учетом ее возможного применения к другим областям научного знания, в частности к анализу развития теоретической физики. В итоге ему удалось создать более универсальную концепцию роста «зрелой» науки — методологию научно-исследовательских программ, где результатом многократных попыток исследователей верифицировать и фальсифицировать испытываемую научную теорию оказывается процесс непрерывного улучшения ее исходного содержания с помощью дополнительных гипотез. Особое значение для создания моделей развития научно-теоретического знания Лакатос придавал исследованию истории науки. Методологический анализ, проводимый в целях выявления научности той или иной исследовательской программы, распадается, по его мнению, на следующие этапы: выдвигание рациональной реконструкции; сравнение ее с действительной историей соответствующей науки, а также критика рациональной реконструкции за отсутствие историчности и действительной истории — за отсутствие рациональности. В своих последних работах Лакатос предложил «нормативно-историографический вариант» методологии научных исследовательских программ в качестве общей теории сравнения конкурирующих логик научного исследования, где «реальная» история науки может рассматриваться как «пробный камень» ее рациональных реконструкций. Хотя Лакатосу так и не удалось в должной мере согласовать логико-нормативный характер своей реконструкции с реальным многообразием процессов роста научного знания, его методология исследовательских программ представляет собой одно из самых ярких достижений современной философии и методологии науки. Оставаясь всегда последовательным сторонником философского рационализма, он отстаивал позиции этого направления в интенсивной полемике 1960—1970-х гг. с Т. Куном, П. Фейерабендом и рядом других философов науки.. Перевод статьи из журнала —« The London school of economics and political science» (<http://www.lse.ac.uk/collections/lakatos//scienceAndPseudoscience.htm>) «Наука и псевдонаука» - это наиболее краткая публичное выступление Лакатоса касательно философской науки. В этом выступлении он обрисовывает в общих чертах свой особый взгляд на важность проблемы установления границ в философии и исторической науки, а именно, нормативная методологическая проблема различия науки и псевдонауки, и того, почему ее решение не просто проблема кабинетной философии, но также и одно из жизненного, социального и политического значения, и даже жизни и смерти непосредственно. Это говорит о том, что он рассматривал несоответствия предыдущих предпринятых решений, также как доказательный и как возможный индуктивизм, и как его собственная методология программ научного исследования решает некоторые из проблем, изложенных такими учеными исторической науки как Карл Поппер и Томас Кун. Он предлагает ученым расценивать успешное теоретическое предсказание ошеломляющих новых фактов - таких как возвращение кометы Халли или гравитационный изгиб световых лучей – как то, что разграничивает хорошие научные теории от псевдонаучных и выродившихся теорий, и несмотря на все научные теории, навсегда противостоявшие "океаном контрпримеров". Выступление включает в себя его необычный ошибочный анализ развития астрономической динамики Ньютона, любимого исторического примера Лакатоса его методологии. В своей речи на церемонии открытия LSE строящейся 15 ноября 2001, профессор Нэнси Картрайт FBA, Председатель Центра Философии Естественствознания и Социологии (CPNSS) описала философию науки Лакатоса, изданную почти 40 лет назад, как все еще незаменимую. 20-минутная речь это в сущности краткое резюме центрального тезиса того, что печально, оказалось последним ежегодным курсом лекций LSE Лакатоса по Научному Методу, данному осенью 1973, с их историческим стилем рассмотрения предыдущих предпринятых решений проблемы установления границ в пределах контекста истории догматизма против скептицизма, и часто акцентированный бурями смеха на многие характерные для него интеллектуальные шутки и забавные анекдоты всякий раз, когда он читал лекции аудитории. Полное содержание этого последнего курса лекций - но без бурь смеха - теперь издано в отредактированной форме как Глава 1 «За и против метода:

Имре Лакатос и Пол Фейерэбэнд», отредактированный Маттео Моттерлини, прессой Чикагского университета, 1999. Полные неотредактированные версии, которые транслитерировала Сандра Митчелл, от оригинальных записей лекций, доступны в Библиотеке LSE. Полная версия методологии Лакатоса, программ научного исследования была издана в «Критике и росте знания», отредактированного Имре Лакатосом и Аланом Масгрэйвом, издательством Кембриджского университета, 1970. Некоторые исторические примеры в методологии Лакатоса были изданы в «Методы и оценке в физике: критический фон к современной науке 1800 – 1905», отредактированный Колином Хоусоном и «Методом и оценкой в экономике», отредактированной доктором Спиросом Латсисом, оба изданные издательством Кембриджского университета, 1976. Множество публикаций по философии Лакатоса были изданы после его смерти, которые особенно увеличились за последние 5 лет, поскольку интеллектуальный мир постепенно начинает понимать глубину и историческое значение его философии, сконцентрированной в его диссертации «Доказательства и опровержения» и нескольких кратких монографиях. Последняя из этих публикаций Лакатоса: «Математика, методология и человек» (Венская Библиотека Института Круга) (отредактированный Kampis, Kvas, и Stoltzner) Kluwer, 2002, результат конференции в университете Eotvos, Будапешт (ноябре 1997).

МАРКСИЗМ – учение, у истоков которого стояли К. Маркс и Ф.Энгельс, а затем развитое или модифицированное их многочисленными последователями в различных странах в конце 19 и в 20 в. (К.Каутский, Э.Бернштейн, Р.Люксембург, К. Корш – в Германии; Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин – в России; П.Лафарг, Л. Альтуссер – во Франции; А. Лабриола, А. Грами, Г. дела Вольпе – в Италии; М.Адлер, О.Бауэр – в Австрии; Д.Лукач – в Венгрии; Х.К. Марриатеги – в Перу; Че Гевара, Ф.Кастро – на Кубе; Мао Цзэдун – в Китае; Козо Уно – в Японии и др.) Марксизм возник как результат критического осмысления противоречий критической цивилизации, «с одной стороны... классовых противоположностей между имущими и неимущими, наемными рабочими и буржуа, а с другой – царящей в производстве анархии» (Ф.Энгельс). В теоретическом отношении он исходил из трех основных источников – немецкой классической философии (Гегель и Фейрбах), английской классической политэкономии (Смит и Риккардо) и французского утопического социализма (Сен-Симон и Фурье). Нацеленный на коренное преобразование общества - ликвидацию капитализма и замену его коммунистической формацией, - марксизм обосновывает этот переход философской, экономической и социально-политической аргументацией, в связи с чем в нем обычно различают три основные части: философию, политэкономии и учение о социализме (или научный коммунизм). Поставив в центр своего внимания рабочий класс как основную силу революционного преобразования общественного строя, марксизм стремился соединиться с рабочим движением и фактически стал теоретической основой программ социал-демократических, а затем коммунистических партий во всем мире. После революции 1917 г. в России и аналогичных революций в ряде других стран марксизм превратился в официальную идеологию (марксизм-ленинизм), господствующую в СССР и странах Восточной Европы вплоть до рубежа 80 – 90-х гг. 20 в., в то время как социал-демократические партии отходили от марксизма. Маркс и Энгельс не оставили систематического изложения марксизма, ряд их работ остались незавершенными или рукописными. Систематизация марксизма, а вместе с тем его «канонизация» и нередко вульгаризация осуществлялись их последователями-марксистами, разделившимися на различные школы и течения («ортодоксальный марксизм, бернштейнианский ревизионизм, австромарксизм, ленинизм, троцкизм и др.). Марксизм приспособляли к потребностям массовой пропаганды, идеологической борьбы, к национальным особенностям той или иной страны, к различным практическим задачам. Соответственно в нем выделялись как главные или напротив, отбрасывались те или иные положения; он противопоставлялся тем или иным философским и социологическим концепциям или, напротив, дополнялся ими. Свои интерпретации марксизма давали его немарксистские исследователи, а также его многочисленные критики. (Философский словарь/Под. ред. И.Т.Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – С. 312-313.)

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ — одна из левых, наиболее радикальных версий марксизма, разработка которой принадлежит в первую очередь В.И. Ленину. В Советском Союзе и в др. странах т.н. социалистического лагеря М.-л. являлся ядром официальной коммунистической идеологии. М.-л. не только существенно упростил и огрубил марксизм, но и ввел в него целый ряд принципиально новых идей. Важные шаги в постоянно нараставшем процессе «очищения» концепции К. Маркса от элементов «спекулятивной философии» сделал уже Ленин, никогда, впрочем, не признававшийся в том, что в чем-то существенно отстает от ведущих идей марксизма. Радикальному упрощению М.-л. был подвергнут И.В. Сталиным, сведшим его к немногим, понятным для коммунистической элиты тезисам. Упрощение и идейное обеднение марксизма было вызвано объективными причинами: марксизм все более превращался из филос. концепции в основу идеологии массового, энтузиастического коммунистического движения. В итоге эволюции в М.-л. вошли следующие основные элементы: диалектический материализм, которым сам Маркс вообще не интересовался; исторический материализм, включенный в кон.

1970-х гг. в диалектический материализм и истолкованный как распространение принципов последнего на область общественных явлений; критический анализ капитализма, имевший целью приспособить старое описание капитализма к реалиям 20 в. и, вопреки фактам, отстаивать старую идею, что общий кризис капитализма продолжает углубляться; теория партии особого типа и связанного с партией революционного движения, развитая Лениным и не имеющая никакого отношения к ортодоксальному марксизму; коммунистическое пророчество, то объявлявшее построение коммунизма делом ближайших десятилетий, то отодвигавшее его на «исторически обозримый период». Коллективными усилиями советских «философов», закреплявшимися решениями съездов коммунистической партии, М.-л. была придана чрезвычайно простая, общедоступная форма. Исчезли многие темы, казавшиеся важными Марксу, в частности проблемы гуманизма, праксиса, отчуждения, гражданского общества, демократии, «всестороннего человека», «азиатской общественно-экономической формации» и др. При этом марксистская доктрина получила ортодоксальную форму, малейшее отступление от которой расценивалось как явный ревизионизм и сурово каралось. Догматизированный Лениным, Сталиным и их последователями марксистский дискурс обрел ясность, простоту и твердость. Он начинается с изложения законов диалектики (противоречие как источник всякого развития, скачкообразный переход количественных изменений в качественные, отрицание отрицания и восходящее развитие по спирали) и диалектики природы; затем следует исторический материализм (примат производительных сил и производственных отношений над всеми иными социальными отношениями); далее идет анализ капиталистического строя с целью проиллюстрировать истинность исторического материализма; из этого анализа выводится необходимость организации партии революционного действия и делается вывод не столько о неизбежном крахе капитализма, сколько о неотвратимой победе коммунизма и тем самым завершении предыстории человечества. Эта схема не только вошла во все учебники по марксистско-ленинской философии и научному коммунизму, но и являлась руководством для всех тех, кто занимался теоретическими проблемами философии и идеологии. На долю последних оставалась только некоторая детализация общей, не допускающей даже малейших отступлений схемы. «В Москве и в так называемых социалистических странах создали определенную доктрину, идеологический катехизис, возведенный в ранг государственной истины» (Р. Арон). По Марксу, диктатура пролетариата является необходимым средством для перехода от капитализма к коммунизму. Учением о «партии нового типа» М.-л., в сущности, свел диктатуру пролетариата к диктатуре революционной партии, полновластно контролирующей все стороны жизни коммунистического общества начиная с политики и экономики и кончая частной жизнью его членов. «...Диктатура пролетариата есть власть, осуществляющаяся партией, опирающейся на насилие и не связанной никакими законами» (Ленин). Находясь у власти, монополюльно правящая партия сочетает идеологию, призванную вызывать энтузиазм, с террором, постоянно внушающим страх. Партия предлагает новое решение всех экзистенциальных проблем, касающихся смысла истории и человеческой жизни, человеческого счастья, справедливости и т.д. Она обосновывает также новый кодекс моральных предписаний, в котором высшим долгом объявляется служение не обществу в целом, а какой-то узкой его части, и в первую очередь самой партии. «Партии нового типа» не было в марксизме. Маркс и Энгельс представляли себе коммунистическую партию похожей на другие политические партии, и в особенности на партии рабочего класса. «Коммунисты не являются особой партией, противопоставляющей себя другим рабочим партиям... Они не выставляют никаких особых принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение» («Манифест Коммунистической партии»). Другим важным моментом, в котором М.-л. отошел от марксизма, была трактовка предпосылок победы социалистической революции. Согласно Марксу, успех последней возможен только при условии, что она происходит одновременно в наиболее развитых капиталистических странах. М.-л. выдвинул положение о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране, если последняя является отсталой, по преимуществу крестьянской страной. Теория «перманентной революции» Л.Д. Троцкого, развивавшаяся им начиная с 1905, отрицала промежуток между антифеодальной (демократической) и антикапиталистической (социалистической) фазами революции и утверждала неизбежность перехода от фазы национальной к фазе интернациональной: начавшись в России, революция непременно должна выйти за ее границы. Ленин долгое время отклонял формулировку Троцкого, но в 1917 согласился с тем, что революция в России добьется успеха, только если вслед за нею вспыхнет интернациональная революция: «Для окончательной победы социализма усилий одной страны, особенно такой отсталой крестьянской страны, как Россия, недостаточно, для этого требуются усилия пролетариата нескольких развитых стран». Положение о возможности победы социализма в одной отдельной стране, в частности в России, было выдвинуто Сталиным. Однако последний приложил все усилия для того, чтобы отказаться от своего авторства. Он приписал эту идею Ленину, для чего потребовалась фальсификация высказываний как Ленина, так и Троцкого. Отказавшись от авторства, Сталин получил возможность резко противопоставить «ленинизм», включающий веру в возможность построения социализма в одной России, «троцкизму», преподносимому как пораженческая, антиленинская позиция. Согласно Марксу, любая социальная революция развивается

следующим образом: материальные условия производства растут и зреют до тех пор, пока они не вступят в конфликт с социальными и правовыми отношениями и, вырастая из них как из одежды, не разорвут их. Политическая же революция может привести только к тому, что один набор правителей уступит свое место другому, а это — всего лишь простая смена лиц, осуществляющих государственное управление. Октябрьская революция 1917 опровергла рассуждения Маркса о характере «грядущей революции». Однако М.-л. вместо того, чтобы признать это опровержение, переинтерпретировал как общую теорию социалистической революции, так и Октябрьские события с тем, чтобы привести их в соответствие. В результате данная теория утратила всякое эмпирическое содержание и сделалась в принципе нефальсифицируемой. Сходным образом М.-л. трансформировал ключевые позиции марксизма о соотношении базиса и надстройки, о социализме как коротком переходном периоде от капитализма к коммунизму и др. Все эти изменения позволили в конечном счете «интерпретировать марксизм в таком духе, от которого сам Маркс пришел бы в бешенство» (Г.П. Федотов). Маркс настаивал на том, что его концепция является открытой и должна постоянно трансформироваться под воздействием новых социальных факторов, а не застыть в догмах и стереотипах. Под влиянием политической ситуации М.-л. изменил духу изначального «открытого марксизма» и превратил его в конце концов в схоластику, равнодушную к изучению социальной проблематики постиндустриального общества. Процесс разложения М.-л. как ядра коммунистической идеологии начался в 1960-е гг. В условиях, когда разрядилась атмосфера страха, составлявшая главную особенность сталинизма, стало заметно, что коммунистический энтузиазм постепенно изнашивается и его нужно поддерживать особо завлекательными обещаниями. Первым глубинным свидетельством ослабления М.-л. явилась новая программа коммунистической партии, провозгласившая, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Обещание наступления коммунистического изобилия уже в ближайшие десятилетия говорило о непонимании теоретиками М.-л. не только процессов, шедших в советской экономике, но и самой сути коммунизма. Вера в реальность построения коммунизма стала быстро угасать с кон. 1970-х гг. «...Убогая, хотя и относительно мягкая брежневская эпоха подорвала веру в идеалы гораздо сильнее, чем пронизавший все общество тотальный, непредсказуемый и в высшей степени разрушительный сталинский террор, который по крайней мере можно было воспринимать как леденящее душу драматическое предвестие рождения нового общества, пришествия нового человека» (Э. Гэллнер). Включение в новую, брежневскую конституцию особой статьи о «руководящей и направляющей роли» коммунистической партии было явным свидетельством растущей слабости коммунистической идеологии и обслуживающего ее М.-л. Раньше правящая партия, необходимая коммунистическому обществу как воздух, была почти незаметна в делах гос-ва; теперь она сделалась одним из элементов государственного механизма. Ее руководящая роль, выполняемая ею все хуже и хуже, могла стать объектом критики. Прямое разложение коммунистического режима и в самом деле началось с требования устранить из конституции статью об особой роли коммунистической партии. Одним из признаков нарастающего кризиса М.-л. было также то, что начиная уже с 1960-х гг. в советской философии все в большем числе стали появляться работы, не связанные непосредственно с традиционной проблематикой диалектического и исторического материализма. Эти работы были посвящены логике, философии науки, истории философии и т.д. Непременное упоминание классиков М.-л. оказывалось в них по преимуществу формальным. Понятия «марксистско-ленинская философия» и «советская философия» все более расходились. Целый ряд советских философов 1970—1980-х гг. не имел уже к М.-л. никакого отношения. К моменту наступления — при М.С. Горбачеве — второго этапа либерализации оказались окончательно подорванными два основных постулата М.-л.: убеждение в том, что коммунизм способен опередить капитализм в сфере экономики, и убеждение в нравственном превосходстве идеалов коммунизма. М.-л. оказался явно не способным ответить на вопросы, вставшие перед Советским Союзом и др. социалистическими странами в кризисный период кон. 1980-х гг. Даже вопрос о том, построен ли наконец в Советском Союзе социализм, о полном утверждении которого так много говорилось со втор. пол. 30-х гг., стал звучать в это время весьма остро и смело. Этот злополучный вопрос так и остался без ответа: с началом 90-х гг. интерес к нему был потерян. Стало очевидно, что Россия неожиданно вступила на путь «строительства капитализма», который всегда был для М.-л. неразрешимой загадкой. История стран, пытавшихся построить совершенное коммунистическое общество, хорошо показала внутреннюю парадоксальность М.-л. Созданный в качестве теоретического обоснования такого общества, он оказался в конечном счете идеологическим обоснованием тоталитарных коммунистических режимов. М.-л. иррационален в том смысле, что он ставит перед собой одну цель, а достигает прямо противоположного, несовместимого с нею результата. («Философия. Энциклопедический словарь» под ред. А. А. Ивина. Москва, 2004. с. 479-481.)

МАХ ЭРНСТ (18 февраля 1838, Турас, Австро-Венгрия — 19 февраля 1916, Хар, близ Мюнхена) — австрийский физик и философ. Окончил Венский университет (1860) Профессор физики и математики университетов в Граце, Праге, Вене. Физические исследования Маха посвящены проблемам экспериментальной и теоретической механики, акустики и оптики. Отказавшись от представлений об абсолют-

ном пространстве, времени и движении классической механики, предпринял попытку построить эту науку на основе постулата, согласно которому движения тел могут быть определены лишь относительно других тел («принцип относительности Маха»). Этот постулат сыграл важную роль в становлении теории относительности А. Эйнштейна. Мах интересовался вопросами физиологии слуха и зрения, а также механизмами вестибулярного аппарата, что было во многом связано с его философскими интересами — попытками разработать теорию познавательного процесса на основе достижений физиологии органов чувств и психологии. В соответствии со своими позитивистскими установками Мах считал, что совокупность его представлений о познавательном процессе может быть охарактеризована не как философская концепция, а скорее как результат специализированных научно-методических исследований научной деятельности, которые призваны сделать научные исследования более эффективными. Размежевание «позитивной» науки от философии (которая, по его мнению, по природе своей наукой не является и представляет собою совокупность искусственных систем и способов рассуждения, не представляющих научной ценности) и «очищение» научного мышления от «метафизических» (т. е. философских и тем самым ненаучных) предпосылок и включения Мах считал важнейшим условием прогресса подлинного знания. Мах считал, что в конечном счете процесс познания начинается с ощущений, и потому весь состав знания может и должен быть редуцирован к «чувственному опыту». Никаких «скачков» в познавательном процессе быть не должно (это запрещено «законом экономии мышления», который связан с «принципом непрерывности опыта», провозглашенным еще «первым позитивизмом»). Поэтому понятие следует трактовать как «общее представление», и принципиальной разницы между чувственным и рациональным знанием не существует. Понимание механизмов познания может быть достигнуто прежде всего обращением к самоочевидному содержанию и развитию собственного опыта, а также путем исследования реальной познавательной деятельности других людей. Материал для таких исследований составляет биология, история науки и психология (в частности, изучение развития детской психики). Познавательный опыт, согласно Маху, составляет лишь часть целостного жизненного опыта. На первоначальном уровне формирования опыта единство опыта очевидно: здесь еще нет четкого различения «внутреннего» и «внешнего», «субъекта» и «объективного мира» (об этом свидетельствуют как данные детской психологии, так и «критический анализ опыта», в ходе которого осуществляется редукция его «вторичных» образований к чувственной первооснове). Разделение «нейтрального» изначального опыта на «субъективное» и «объективное» возникает как вторичный эффект в процессе развития жизненного опыта. Оно практически полезно, но онтологическое противопоставление субъекта и объекта, превращение их в две самостоятельные реальности, «мир внешний» и «мир внутренний», является «метафизической» ошибкой. Следствием такой ошибки Мах считал, в частности, атомистическую концепцию в физике, поскольку она признает в качестве подлинной реальности такие «сущности», которые не могут быть редуцируемы к ощущениям. Поэтому, по мнению Маха «атом» (как и кантовская «вещь в себе») — «мнимое понятие». Развитие познания, как и всего жизненного опыта кумулятивно и вместе с тем предпосылочно («апперцептивно» и «ретенционно»). Иначе говоря, любое знание исторично: новое «наслаивается» на прежнее, но при этом его характер во многом определяется предыдущими этапами. Убедительным примером является история понятий механики. Любое знание всякое понятие, т. о., есть синтез: сознание «склеивает» моменты опыта, присоединяя последующее к предыдущему. В результате поток опыта преобразуется в совокупность предметов, которые суть «комплексы ощущений». Простейший (и важнейший) вид синтеза — приписывание комплексу ощущений имени. Имя — удобный («экономичный») «акустический» признак предмета; благодаря ему предмет сохраняется в памяти. Хотя в дальнейшем к комплексу ощущений присоединяются другие признаки, имя предмета остается неизменным и потому в знании имя оказывается «ядром» предыдущего единства. Однако «изначальный» мир при этом сразу «бессубъектен», и «беспредметен», и «непонятен». О нем в принципе не может быть «вспоминания», поскольку продвижение к истокам, последовательное снятие следов синтеза, заканчивается там, где начинается первый шаг синтеза. Здесь исчезают и Я, и «мир», растворяясь в «потоке опыта». Концепция Маха получила название «махизм» и стала ядром «физического идеализма». (Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН. Т. II. — 2010. — С. 516.)

МИЛЛЬ ДЖОН СТЮАРТ (1806 — 1873) — английский философ, экономист, общественный деятель. Милль родился в Лондоне. Его отец Джеймс Милль, написавший «Историю Британской Индии», дал ему блестящее образование. В десять лет он уже бегло говорил по-гречески и по-латыни, в одиннадцать прочитал книгу своего отца. В 1823-1858 гг. служил в Ост-Индской компании. В «Автобиографии» дал полное описание своих ранних лет. В двадцатилетнем возрасте испытал сильную депрессию, которую приписал истощению эмоций. Его выздоровление началось тогда, когда он расплакался над книгой, которую читал, и понял, что еще не перестал чувствовать глубоко. Философские взгляды Милля формировались под воздействием Карлейля, Бентама, Конта. Он считается самым крупным английским философом XIX в., который пропагандировал и развивал доктрину утилитаризма. В работе «Утилитаризм» Милль рассматривает принцип полезности в моральной теории, который дает руководство к тому, как

жить добродетельно. Принцип пользы утверждает, говорит он, что действия являются правильными в той пропорции, в какой способствуют счастью, и неправильными в пропорции, в которой отвращают от счастья. Счастье желательно, и доказательство этого состоит в том, что люди действительно желают его: каждое доброе дело человека — счастье для этого человека и общее счастье. Милль стремился преодолеть возражения, которые были сделаны бентамовскому варианту этического утилитаризма. Бентам утверждал, что каждый ищет свое собственное удовольствие и что удовольствие есть величайшее добро, и на основании этого обвинял людей в том, что они действуют эгоистически. Милль утверждает, что хотя мы действительно стремимся получить удовольствие, но это не означает, что мы действуем эгоистически, так как многие люди совершают поступки, которые явно не могут быть определены как эгоистические. Он также пересмотрел взгляд Бентама на удовольствие, уравнивавший все удовольствия, и полагал, что существуют удовольствия более высокие и более низкие. В последней главе «Утилитаризма» он рассмотрел критику идеи, согласно которой счастье — самая высокая моральная ценность. Возражение состояло в том, что счастье не может быть самой высокой ценностью потому, что существует много ситуаций, в которых мы ставим справедливость выше счастья. На это Милль представил целый набор аргументов, в которых показал, что хотя справедливость действительно находится на высоком уровне в иерархии человеческих ценностей, счастье и стремление к нему остаются принципом, который господствует в человеческом поведении. В сочинении «Система логики силлогистической и индуктивной» (1843) Милль рассматривает индуктивную логику как общую методологию наук. В первой книге «Системы...» он исследует то, что называет «природой утверждения». Он проводит различие между общими и единичными именами, конкретными и абстрактными, а также коннотативными и неконнотативными терминами. Его главное утверждение состоит в том, что термины обозначают только частное и что общий термин, такой, как «человечество», не обозначает сущности, отличной от индивидов, которые вместе составляют род человеческий. Во второй книге рассматриваются силлогистические суждения. Главный интерес Милля — рассмотреть индукцию, которая заключается в том, что мы переходим от знания известного к знанию неизвестного, а не от прошлого к будущим событиям. В своих философских взглядах Милль стоял на позициях феноменалистического позитивизма. Он полагал, что все наше знание происходит из опыта, предмет которого — наши ощущения. Испытав воздействие Конта и разделяя некоторые его взгляды, Милль тем не менее не принимал его социально-политических воззрений, считая, что тот защищает систему духовного и политического деспотизма и игнорирует свободу личности. В связи с этим он написал очерк «О свободе», главной темой которого являлось утверждение, что мы можем вмешиваться в действия других людей только в том случае, если они наносят кому-либо вред. В этом очерке Милль выступал за открытые дискуссии и демократический индивидуализм. (Блинников Л. В. Великие философы: Учебный словарь-справочник. 2-е изд. М.: Издательская корпорация «Логос», 1997. С. 236–238.)

МИЛЛЬ, Джон Стюарт — английский философ, психолог и социолог; р. 20.5.1806 (Лондон) – ум. 8.5.1873 (Авиньон), сын философа Джеймса Милля; особенно известен своей системой индуктивной и дедуктивной логики («System of Logik, ratiocinative and inductive», 1843, 1875, нем. изд. 1849, 1877, рус. пер.: Система логики силлогистической и индуктивной, 1899, 1914); продолжал традиции классического эмпиризма английской философии, развив его в английский позитивизм (в противоположность религиозно-недогматическому позитивизму Конта). Милль наряду с Контом и Ардиго – наиболее значительный позитивист XIX в. Согласно учению Милля, основу всей философии составляет психология, которая устанавливает, что реально даны только соответствующие ощущения и представления о переходах или будущих возможных ощущениях. Понятия – это просто (языковые) названия (терминологические). Милль отвергает силлогизм Аристотеля. Внешний мир в этом смысле – постоянная возможность схожих ощущений. Единственным источником познания является опыт, единственно допустимым приемом познания – индукция; она же лежит в основе умозаключений логики и аксиом математики; она должна устанавливать не причины, а только законы явлений. Милль различает науки о природе (историческую науку он также стремится отнести к «наукам о природе») и науки о духе (moral sciences) – психология, «этология», наука об обществе и дает первую обстоятельную теорию экспериментального метода. Задачей этики, по Миллю, является моральное преобразование общества в смысле удовлетворительного компромисса между индивидом и обществом. Моральные ценности не являются врожденными, интуитивными (или априорными), неизменными, напротив, они эмпиричны и изменчивы. Для Милля («Utilitarianism», 1864, нем. изд. 1976, рус. пер. «Утилитарианизм», 1866-1869) высшей целью нравственного поведения является, как и по Бентаму, содействие возможно большему счастью всех. Исходя из этических принципов, Милль религиозно воспринимает высшую, божественную сущность; но космические события, по Миллю, затрудняют веру во всемогущество этого Бога. Милль высказал определенную точку зрения также и в отношении многих других проблем: парламентаризма (в 1866-1868 он был депутатом палаты общин), экономической и колониальной политики (он был одно время служащим Ост-

Индской компании), по ирландскому вопросу, по женскому вопросу. (Философский словарь: Основан Г.Шмидтом. М.: Республика, 2003. – с. 274).

МОДЕРНИЗМ (франц. *Modernisme*, от *moderne* – современный, новейший) – совокупность нереалистических, авангардских направлений в искусстве 20 века. М. претендовал на место либеральной неореалигии, в которой главное место отводилось бы искусству как форме самовыражения человека (отсюда провозглашаемое в М. право художника выбирать сюжет и формальный язык). М. руководствовался логикой линейного процесса; место традиции занимала мода (соответствие своей эпохе), к художнику предъявлялось требование быть постоянным новатором. Искусство структурировалось категорией времени (стало «современным»), но не места: оно приобретало интернациональный характер, значение местных школ снижалось. Одной из причин возникновения М. был разрыв искусства 19 в. с традиционными источниками финансовой поддержки (церковью и аристократией) и начало зарождавшегося рынка искусства. В этих условиях свобода художника проявлялась как отчуждение: в М. он впервые противостоял зрителю, искусство стало не популярно в массах, появилось разделение на искусство коммерческое и серьезное (высокое). Последнее представляло собой род фундаментальной науки, недоступной обывателю, служило консолидации новой элиты и создало систему собственных институций (музеи, галереи, журналы). В визуальном искусстве истоки М. восходят еще к 1840 – 60-м, к текстам Ш. Бодлера о французской журнальной графике, где он выступил с понятием «художника современной жизни», к архитектору стальных конструкций, к живописи Г. Курбе и Э. Мане. В станковом искусстве 19 в. Идеология раннего М. реализовалась в рамках реализма; создание собственного языка М. началось с импрессионизма. Крестьянской России 19 в. идеология М. была в основном чужда, хотя ее отчасти разделяли передвижники. На рубеже 19 – 20 вв. язык М. был импортирован с Запада (локальные варианты стиля модерн, импрессионизма и сезаннизма), после чего, в 1900 – 20-е и в тесной связи с политической и экономической модернизацией страны, в России был создан собственный М., один из самых оригинальных в мире. Его наиболее радикальную часть, амбиции которой достигали стремления размыть границы искусства в принципе, принято называть рос. авангардом. Первая стадия зрелого М. (1880 – 1910-е, в России 1900 – 10-е) в области станкового искусства быстро двигалась по траектории постимпрессионизм – кубизм – абстракция, и произв. искусства принимали все более аскетический облик. Так решалась задача освобождения художественных средств (линия, плоскость, цвет) от объекта изображения – они сами стали таким объектом (плоская картина сообщает о плоскостности как сути живописи вообще). Эстетика М. базируется на выводе Гегеля о том, что в 19 в. искусство больше не может быть непосредственным и «приходит к собственному понятию», к самоосмыслению. Моделью творчества становится не позитивное «создание» (имитирующее божественное творение), но критическое высказывание, обнаружение отчуждений и границ (между изображением и реальностью, языком и смыслом, художником и языком). Наиболее радикально этот отрицающий и одновременно теоретический характер М. сказался в геометрической абстракции К. Малевича и А. Родченко. Однако российский М. с самого начала включал в себя и сильные антимодернистские импульсы – лозунги неоархаизма, противостояния прогрессу, требования уничтожить время и причинность. Они стали заметны в 1900 – 10-е у российских футуристов (Н. Гончаровой, И. Зданевича, А. Крученых, М. Ларионова), у К. Малевича, М. Матюшина, В. Татлина, позднее у Эль Лисицкого. Идеология М. была Россией заимствована и это позволило российским художникам сразу применить модернистский метод описания границ к самому М. Они занялись осознанием и преодолением границ рациональности (в теории «зауми», речи подсознания), критичности (в лозунге близости к своему материалу), индивидуализма (в требовании растворения художника в массе) и аскетизма формы (в своем стремлении к синтезу, что часто проявлялось в обращении к фигуративным формам на полпути к абстракции или уже после нее). В этом российский авангард стал одним из первых примеров критики М. с более радикальных позиций, которая во второй половине 20 в. получила название «постмодернизм». Вторая стадия М. во всем мире наступила около 1917 и продолжалась до Второй мировой войны 1939 – 45. В архитектуре и дизайне на основе геометрической абстракции создавался стиль интернационального М. (в российской архитектуре – братья Веснины, К. Мельников, И. Леонидов и др.). В станковом же искусстве М. уже не нуждался в абстракции. Основным приемом в дадаизме, сюрреализме, российском конструктивизме – не уничтожение изображения, но работа с готовыми изображениями, цитатами и реальными предметами. Практика *ready made* (манипуляции вещами массового производства) была открыта в 1917 М. Дюшаном и после Второй мировой войны 1939 – 45 стала методом столь же распространенным, как в 19 в. живопись с натуры. В СССР (где вещей индустриального производства было немного) более важна оказалась манипуляция готовыми образами прессы и рекламы: фотомонтаж стал языком совет. М. в 1920 – 30-е. К этому моменту в СССР усилиями наиболее радикальных художников был выдвинут проект «советского искусства» как М. в новых социальных условиях, где нет отчуждения граждан друг от друга, искусства от жизни и зрителя от искусства. Это должен был быть М. без индивидуализма (создаваемый коллективом для массового и коллективного зрителя); без критического, отрицающего характера (культивирующий позитивное отношение к реальности и, в частности, власти); на-

ходящийся вне коммерческого буржуазного пространства (в таком М. не должно было быть станковых картин, предназначенных для продажи, - местом для искусства становилась журнальная страница). Это отчасти продолжало установки российского М. 1910-х, но шло значительно дальше. Наиболее ярким течением, реализовавшим эту амбициозную программу, был конструктивизм 1920 – 30-х в фотографии и фотомонтаже (Г. Клуцис, Л. Лисицкий, А. Родченко). Параллельно усиливалось представление (также уже высказанное в 1910-е российскими футуристами) о том, что будущее уже наступило, в особых современных формах нужды нет, а советское искусство есть синтез всего созданного человечеством. Эта антимодернистская теория достигла кульминации в доктрине «социалистического реализма» 1930 – 50-х. После Второй мировой войны 1939 – 45 язык М. стал рассматриваться во всем мире как оплот индивидуализма и антитеза тоталитаризму; наступила волна неомодернизма, проявившегося прежде всего в новой абстракции (в СССР – с конца 1950-х). Как и российский М. 1910-х, советский неомодернизм конца 1950 – 60-х включал в себя идеологию новаторства, техники и прогресса и одновременно – критику этой идеологии с универсалистских позиций (группа «Движение», О. Рабин, М. Рогинский, В. Слепая, М. Чернышов, В. Янкилевский и др.). Во второй половине 1960-х в связи с ростом влияния во всем мире идеологии постмодернизма, в советском искусстве начал возрастать скепсис относительно ценностей современного, все более отчетливой становится критика утопии М. Однако советский постмодернизм (соц-арт В. Комара и А. Меламида, школа московского концептуализма И. Кабакова, Э. Булатова и др.), как и вообще постмодернизм, продолжал оставаться частью М. в том смысле, в котором это слово описывает все искусство 20 в., видящее свою задачу в создании критического текста. Более того, советский постмодернизм 1960 – 80-х восстанавливает критический статус искусства, отвергнутый в российском конструктивизме. (Большая энциклопедия: В 62 томах. Т. 30. Под редакцией С.А. Кондратова - М.: ТЕРРА, 2006. – С. 129 – 130.).

НЕОМАРКСИЗМ – многогранный термин, обращающийся к критическому возрождению марксистской теории в послевоенный период и чаще всего используемый для того, чтобы обозначить работу в радикальной экономической политике, которая попыталась объединить революционные стремления и концепции марксизма с некоторыми элементами немарксистской теории, особенно с работами Кейнса. Хотя сам термин "неомарксистский" иногда применяется к тем фигурам (например, к членам Франкфуртской Школы), которые объединили верность марксистским критическим и политическим целям с осознанием ограничения марксизма перед лицом таких явлений как фашизм или массовая культура, он, кажется, был сначала введен для того, чтобы охарактеризовать мыслителей – таких как Джоан Робинсон, Пол А. Баран, и Пол М. Свизи – тех, кто стремился возобновить критический анализ экономической политики в ситуации, отмеченной ростом глобальных корпораций, антиколониальной борьбы за национальное освобождение и в условиях политики американского империализма. Принимая во внимание то, что следуя различиям, предложенным Перри Андерсоном, послевоенная обеспокоенность марксизма в сфере культуры и политической субъективности может быть поставлена под эгиду “западного марксизма” (в противоположность “классическому марксизму”), неомарксизм является полезным обозначением, чтобы размышлять над уместностью марксистских категорий для понимания изменившихся условий накопления капитала и политического развития.. (Blackwell Encyclopedia of Sociology. Edited by: George Ritzer www.blackwellreference.com.)

НЕОМАРКСИЗМ - неоднородное и противоречивое филос. и социологическое течение, пытавшееся приспособить марксизм к реалиям 20 в. Иногда проводится различие между Н. в узком смысле и Н. в широком смысле. В Н. в узком смысле включаются западноевропейские сторонники социальной теории К. Маркса (в особенности из Германии, Австрии, Италии и Франции), в частности те, кто стремился дополнить марксизм элементами неогегельянства, философии жизни, экзистенциализма, фрейдизма, структурализма, филос. герменевтики и др. К Н. в широком смысле относятся все филос. социологические течения, формирование которых происходило в той или иной мере под влиянием идей Маркса («марксизм после Маркса»). К Н. в узком смысле обычно причисляют франкфуртскую школу, соединение марксизма с неофрейдизмом (Э. Фромм, Г. Маркузе, В. Райх), попытки дополнить марксизм экзистенциализмом (Ж.П. Сартр, М. Мерло-Понти), соединение марксизма со структурализмом (Л. Гольдман), с филос. герменевтикой (Ю. Хабермас) и др. Ясных оснований, по которым можно было бы разграничить Н. в узком смысле и Н. в широком смысле, нет. Уже к нач. 20 в. внутри рабочего движения наметились две полярные тенденции — социал-демократическая и коммунистическая. Для первой были характерны отход от гегелевских элементов в марксизме, интерпретация последнего в духе позитивизма

или неокантианства. Социал-демократическая тенденция привела в конечном счете к современной социал-демократии, отказавшейся от идей диалектики, пролетарской революции, диктатуры пролетариата и исключившей ссылки на Маркса из своих программных документов. Коммунистическая тенденция в рабочем движении и в марксизме привела к преобразованию последнего в России в марксизм-ленинизм, в Китае — в маоизм, в Сев. Корее — в доктрину «чучхе», и т.п. Все эти версии Н. воспринимали Маркса с существенной поправкой на гегелевскую диалектику и сводили диктатуру пролетариата к диктатуре единственной в стране правящей коммунистической партии. Коммунистический Н. отличался крайним догматизмом: отступая во многих принципиальных пунктах от марксизма, он на словах уверял, что не отказывается ни от одной строчки из написанного Марксом. Социалистическая революция в России опровергла учение Маркса о «будущей мировой революции» и показала, что марксизм применим не столько в развитых капиталистических странах, как считал сам Маркс, сколько в странах формирующегося капитализма. Коммунистический Н. пересмотрел как марксистскую теорию «пролетарской революции», так и соотношение между экономикой и политикой в странах «победившего социализма». В размежевании социал-демократического и коммунистического Н. особую роль сыграли работы Э. Бернштейна (1850—1932), указавшего в кн. «Проблемы социализма и задачи социал-демократии» (1889) на теоретически наиболее уязвимые моменты марксизма. Ухудшения экономической ситуации, предсказанного «Манифестом Коммунистической партии», не произошло. Нет пролетаризации среднего слоя, ужесточения классовых конфликтов, учащения экономических кризисов. Диалектика, являющаяся, по Бернштейну, «самым коварным элементом марксизма», привела последний к смешению экономических и социальных факторов с моральными, к неверному пониманию природы гос-ва, которое представляется, с одной стороны, как чисто репрессивный орган, действующий от имени собственников, а с др. — как поистине чудотворная сила. Необходима ревизия марксизма, обнаружившего свою несовместимость с новыми историческими фактами. Следует бороться не за революцию, а за государственные реформы, способные в конце концов с помощью демократии преобразовать существующее общество. «Демократия есть начало и конец в одно и то же время. Она — средство введения социализма и форма реализации социализма... Демократия в принципе уничтожает господство класса, даже если она пока не в состоянии упразднить классы вообще... Демократия есть высшая форма компромисса». Бернштейн начинал как марксист, именно ему Ф. Энгельс доверил редактирование и публикацию своих работ после смерти. Социал-демократическое движение нач. 20 в. оказалось не готово к радикальной ревизии марксизма. В 1904 съезд Второго Интернационала осудил ревизионизм Бернштейна. Менее радикален в своих усовершенствованиях марксизма К. Каутский (1854—1938). Он вносит в марксизм элементы социал-дарвинизма, настаивает на новом истолковании диалектики, подвергает сомнению экономический детерминизм Маркса: «Ни материальными предпосылками, ни духовной активностью нельзя пренебрегать. Более того, нельзя даже сказать, что для них характерно отношение причины и следствия, скорее они взаимно обуславливают друг друга, постоянно переплетаясь». Каутский не считает революцию, совершенную большевиками в России, социалистической. Еще одной ветвью Н. является т.н. австромарксизм, сформировавшийся в нач. 20 в. Его представители (М. Адлер, К. Реннер, Р. Гильфердинг, О. Бауэр и др.) отрицают существование непреложных законов социального развития и сводят идею социализма к этическому постулату и ценностной максиме. Австромарксизм интерпретирует идеи Маркса в свете неокантианства и требует разделения в марксизме научного (описательного) и этического (прескриптивно-го). Прогресс, социализм и т.п. истолковываются как ценности. Книга Г. Лукача (1885—1971) «История и классовое сознание» (1923) впервые подняла ставшие весьма популярными в более позднем Н. проблемы овеществления и отчуждения. В условиях товарного производства капиталистического общества овеществление становится универсальным. Поэтому глава о товарном фетишизме в «Капитале» Маркса выражает, по Лукачу, самую суть исторического материализма как самопознания пролетариата. Овеществление сообщает любому отношению между индивидами характер вещи, «призрачную предметность». Лукач отрицает приложимость диалектики к природе, но видит в диалектике единственное средство для преодоления «дилеммы бессилия» — дилеммы фатализма чистых законов и этики чистой интенции. К. Корш (1886—1961) в кн. «Марксизм и философия» (1930) указывает, что ленинская версия марксизма неверна в своей основе. Диктатура пролетариата оказалась на самом деле диктатом партийной верхушки над пролетариатом. Социалистическое сознание не может быть привнесено извне в

борьбу пролетариата за свое освобождение. Позднее в кн. «Карл Маркс» (1938) Корш сводит основные идеи марксизма к трем простым принципам: все существующие социальные условия изменчивы и представляют собой объект изменения (принцип изменения); экономические категории марксизма не универсальны, а характеризуют только определенный период развития капитализма (принцип спецификации); материалистическая теория социальной революции является мощным рычагом социальной революции (принцип критики). К Н. близка «философия надежды» Э. Блоха (1885—1977). Человек изначально устремлен в будущее, и этот первобытный импульс, определяющий и человеческую, и природную реальности, проявляется в жизни человека как надежда или желание, а в онтологическом плане как возможность или «еще-не-бытие». Надежда расширяет горизонт человека и является путем к его освобождению. «Где есть надежда, там есть религия», причем религия не только как продукт отчуждения человека, но и как протест против отчуждения, против неподлинного частичного существования. В Италии Н. был представлен А. Лабриолой (1843—1904), А. Грамши (1891—1937) и др. Грамши, в частности, полагал, что Октябрьская революция произошла вопреки прогнозам Маркса и являлась на самом деле революцией против «Капитала». Марксизм должен истолковываться поэтому не как спекулятивная доктрина, а как философия практики и прежде всего как философия революционной практики, говорящая о борьбе за власть класса подчиненного и класса руководящего. История обнаруживает себя скорее не в развитии производительных сил, а в борьбе двух гегемонии, или культурных моделей. Во взаимодействии социальных сил роль базиса, т.е. основания общества, играет надстройка, все прочие ин-ты вторичны. Во Франции Н. довольно популярен в 1950—1960-е гг. А. Лефевр (1901—1979) отстаивает идею, что неокapитализм изменил природу рабочего класса, лишил его революционных потенций и превратил в класс потребителей общества мнимого благосостояния. Л. Гольдман (1913—1970) пытается очистить марксизм, и прежде всего теорию культуры, от диалектического материализма. Р. Гароди (1913—1975) считает марксизм объединением идей человека-творца И.Г. Фихте и социально-исторических условий его развития. Систему Сталина — Брежнева Гароди отказывается называть «социалистической» и пишет о советских руководителях: «Неспособные ассимилировать даже минимальную инициативу снизу, отвергая любую попытку обновления, они несут полную ответственность за теоретическую дегенерацию марксизма и преступную практику полицейской власти в России и странах-сателлитах. Больше всего они боятся социализма с человеческим лицом». В последней своей кн. «Танец жизни» (1973) Гароди высказывается за «открытое общество», не впадающее ни в тоталитаризм, ни в индивидуализм и дающее простор творчеству, пророчествам и утопиям. Л. Альтюссер в кн. «За Маркса» (1965) и «Читая «Капитал» (1965, в соавт. с Э. Балиба-ром и Р. Этабле) противопоставляет науку как дескриптивную теорию реальности и идеологию как волю, надежду, ностальгию. Маркс переходит от идеологии к науке лишь в 1845 («Тезисы о Фейербахе» и «Немецкая идеология»), когда оставляет все разговоры о сущности человека, отчуждении и т.п. Благодаря этому эпистемологическому перелому марксизм становится не только антигуманизмом, но и антиисторизмом. Гуманизм есть идеология, поскольку говорит о человеке «воображаемом»; теоретический антигуманизм уничтожает филос. миф о человеке и тем самым делает возможным научное познание человеческого мира и путей его трансформации. Альтюссер подвергает сомнению диалектику, которую поздний Маркс якобы заменил положением о серии «изломов истории» и идеей «сюрдетерминации» — общим эффектом взаимодействия всех конкретных обстоятельств, создающих специфические противоречия. Положением, что экономическое противоречие есть детерминанта и в то же время нечто обусловленное, Альтюссер пытается прикрыть экономический детерминизм марксизма. Мерло-Понти в работах «Гуманизм и террор» (1947) и «Приключения диалектики» (1955) соглашается с марксистской критикой капитализма и считает, что свобода человека поправа во всех современных социальных системах: революции истинны как движения, но ложны как режимы, поскольку приходящий к власти революционный класс перестает быть прогрессивным. Мерло-Понти отказывается субординировать взаимодействующие друг с другом экономические, правовые, моральные, религиозные и иные отношения. Сартр в кн. «Критика диалектического разума» (т. 1, 1960; т. 2, незаверш., 1985) выступает программой экзистенциального обоснования исторического материализма, в котором он видит «самую решительную попытку осветить исторический процесс в его тотальности». В марксистско-ленинской философии усилия Сартра переосмыслить марксистскую концепцию социально-исторической практики в духе идеи «экзистенциального проекта» характеризовались

как «волюнтаристическая деформация исторического материализма». В Германии Н. представлен также франкфуртской школой, просуществовавшей около сорока лет и оказавшей большое влияние на интеллектуальную атмосферу Зап. Европы. Х. Патнэм обращает внимание на связь между новой франкфуртской школой (Ю. Хабермас, К.О. Апель и др.) и американским прагматизмом в лице У. Джеймса и Ч.С. Пирса. В 1960—1970-е гг., во время последнего всплеска Н. в Зап. Европе, неомарксистские тенденции проявились и в странах т.н. лагеря социализма. В Венгрии это была «будапештская школа», в которую входили А. Хеллер, М. Вайда, Д. Маркуш, Ф. Фехер, А. Хегедуш и др. В Югославии весьма активной являлась группа «Праксис», сложившаяся вокруг одноименного журнала и включавшая Г. Петровича, Л. Враницкого, Р. Супека, М. Марковича, С. Стояновича и др. Неомарксисты Вост. Европы делали акцент на раннем Марксе и «демократическом социализме» («социализме с человеческим лицом»). В Советском Союзе также появились намеки на необходимость «фундирования» ортодоксального марксизма. Наиболее отчетливо они выразились в работах Э.В. Ильенкова и шедших в русле его идей Г.С. Батищева, В.А. Лекторского и др. Этот «доморощенный Н.», как его точно охарактеризовал Ю.Н. Давыдов, не отличался филос. эрудицией и сосредоточивал свои усилия как раз на том, от чего стремился уйти зап. Н.: на обосновании тождества бытия и мышления, на разработке особой диалектической логики, на «ленинской диалектике» и «ленинском социализме», искаженных якобы последующими наслоениями. Н. не имел сколько-нибудь существенного влияния в США. «До шестидесятых годов в Америке, — говорит Р. Рорти, — не было марксистской традиции; здесь люди просто не читали Маркса и не читают его до сих пор... Европейскому мышлению присущ определенный пиетет, не позволяющий игнорировать Маркса. Вы должны найти что-нибудь положительное в его творчестве, пусть даже только в ранних сочинениях. В Америке этого никогда не было. Я хочу сказать, что здесь никого не интересует, читали ли вы Маркса или нет...» . В 1970-е гг. Н. потерял почти всех своих сторонников в Зап. Европе. С постепенным разложением коммунистических режимов в странах бывшего лагеря социализма Н., как и сам марксизм, также все более становится историей. Несмотря на горячие уверения представителей Н. в верности «аутентичному Марксу», оказалось, что они делали ту же работу, что и прямые противники марксизма: все с большей силой и очевидностью обнажали расплывчатость и внутреннюю рассогласованность концепции Маркса, предсказывавшей скорый и неизбежный переход от капитализма к коммунизму. К кон. 20 в. сама реальная социальная история явственно обнажила как несовременность и утопичность марксизма, так и невозможность к.-л. образом приспособить его к новой социальной реальности. (Философия Энциклопедический словарь. Редакторы Л. Б. Родкина, О.М. Фролова).

НЕОПОЗИТИВИЗМ, или логический позитивизм (логический эмпиризм) — одно из основных направлений философии 20 в., соединяющее основные установки позитивистской философии с широким использованием технического аппарата математической логики. Основные идеи Н. были сформулированы членами Венского кружка в сер. 1920-х гг. Эти идеи нашли поддержку у представителей львовско-варшавской школы, Берлинской группы философов, у ряда амер. представителей философии науки. После прихода к власти в Германии фашистов большая часть представителей Н. эмигрировала в Англию и США, что способствовало распространению их взглядов в этих странах. В математической логике неопозитивисты увидели тот инструмент, который должен был послужить критике традиционной философии и обоснованию новой филос. концепции. При создании последней они отталкивались от идей, высказанных Л. Витгенштейном в его «Логико-философском трактате». Витгенштейн полагал, что мир устроен так же, как язык классической математической логики. Согласно его представлениям, «мир есть совокупность фактов, а не вещей». Действительность распадается на отдельные «атомарные» факты, которые могут объединяться в более сложные, «молекулярные» факты. Атомарные факты независимы один от другого: «Любой факт может иметь место или не иметь места, а все остальное останется тем же самым». Атомарные факты никак не связаны друг с другом, поэтому в мире нет никаких закономерных связей: «Вера в причинную связь есть предрассудок». Поскольку действительность представляет собой лишь различные комбинации элементов одного уровня — фактов, постольку и наука должна быть не более чем комбинацией предложений, отображающих факты и их различные сочетания. Все, что претендует на выход за пределы этого «одномерного» мира фактов, все, что апеллирует к связям фактов или к глубинным сущностям, должно быть изгнано из науки. Нетрудно увидеть, что в языке науки имеется много предложений, которые очевидно не отображают фактов. Но это свидетельствует лишь о том, что в научном и тем более в повседневном языке много бессмысленных предложений. Для выявления и отбрасывания таких бессмысленных предложений требуется логический анализ языка науки. Именно это должно стать главной задачей философов. Идеи Витгенштейна были переработаны и развиты чле-

нами Венского кружка, гносеологическая концепция которых опиралась на следующие принципы. 1. Всякое знание есть знание о том, что дано человеку в чувственном восприятии. Атомарные факты Витгенштейна неопозитивисты заменили чувственными переживаниями субъекта и комбинациями этих чувственных переживаний. Как и атомарные факты, отдельные чувственные впечатления не связаны между собой. У Витгенштейна мир есть калейдоскоп фактов, у неопозитивистов мир оказывается калейдоскопом чувственных впечатлений. Вне чувственных впечатлений нет никакой реальности, во всяком случае, мы ничего не можем сказать о ней. Т.о., всякое знание может относиться только к чувственным впечатлениям. Опираясь на эту идею, неопозитивисты выдвинули принцип верифицируемости: всякое подлинно научное и осмысленное предложение должно быть сводимо к предложениям, выражающим чувственно данное; если некоторое предложение нельзя свести к высказываниям о чувственно данном, то оно лежит вне науки и бессмысленно. 2. То, что дано нам в чувственном восприятии, мы можем знать с абсолютной достоверностью. Структура предложения у Витгенштейна совпадала со структурой факта, поэтому истинное предложение было у него абсолютно истинно, т.к. оно не только верно описывало некоторое положение дел, но в своей структуре «показывало» структуру этого положения дел. Поэтому истинное предложение не могло быть ни изменено, ни отброшено. Неопозитивисты заменили атомарные предложения Витгенштейна «протокольными» предложениями, выражающими чувственные переживания субъекта. Истинность протокольного предложения, выражающего то или иное переживание, также является несомненной для субъекта. Совокупность протокольных предложений образует твердый базис науки, а сведение всех остальных научных предложений к протокольным служит гарантией несомненной истинности всего научного знания. 3. Все функции знания сводятся к описанию. Если мир представляет собой комбинацию чувственных впечатлений и знание может относиться только к чувственным впечатлениям, то оно сводится лишь к фиксации этих впечатлений. Объяснение и предсказание исчезают. Объяснить чувственное переживание можно было бы, только апеллируя к его источнику — внешнему миру. Неопозитивисты отказались говорить о внешнем мире, следовательно, отказались от объяснения. Предсказание должно опираться на существенные связи явлений, на знание причин, управляющих их возникновением и исчезновением. Неопозитивисты отвергли существование таких связей и причин. Т.о., как и у О. Конта или Э. Маха, здесь тоже остается только описание явлений, ответ на вопрос «как», а не «почему». Из этих основных принципов гносеологии Н. вытекают некоторые др. его особенности. Сюда относится, прежде всего, отрицание традиционной философии, которая всегда стремилась сказать что-то о том, что лежит за ощущениями, стремилась вырваться из узкого круга субъективных переживаний. Неопозитивист либо отрицает существование мира вне чувственных переживаний, либо считает, что о нем ничего нельзя сказать. В обоих случаях философия оказывается ненужной. Единственное, в чем она может быть хоть сколько-нибудь полезна, так это в анализе научных предложений и в разработке способов их сведения к протокольным предложениям. Поэтому философия отождествляется с логическим анализом языка. С отрицанием традиционной философии тесно связана терпимость Н. к религии. Если все разговоры о том, что представляет собой мир, объявлены бессмысленными, а вы, тем не менее, хотите говорить об этом, то безразлично, считаете вы мир идеальным или материальным, видите в нем воплощение воли Бога или населяете его демонами — все это в равной мере не имеет к науке никакого отношения, а является сугубо личным делом каждого. Еще одной характерной особенностью Н. является отрицание им какого бы то ни было развития в мире. Если мир представляет собой совокупность чувственных переживаний или лишенных связей фактов, то в нем не может быть развития, ибо развитие предполагает взаимосвязь и взаимодействие фактов, а это как раз и отвергается. Все изменения, происходящие в мире, сводятся к перекombинациям фактов или ощущений, причем это не означает, что одна комбинация порождает другую: имеет место лишь последовательность комбинаций во времени, но не их причинное взаимодействие. Дело обстоит так же, как в игрушечном калейдоскопе: встряхнули трубочку — стеклышки образовали один узор; встряхнули еще раз — появился новый узор, но одна картинка не порождает другую и не связана с ней. Столь же плоским оказывается и представление о развитии познания. Мы описываем факты, их комбинации и последовательности комбинаций; мы накапливаем эти описания, изобретаем новые способы записи и... этим все и ограничивается. Знание, т.е. описание фактов, постоянно растет, ничего не теряется, нет ни потрясений, ни потерь, ни революций. Такое представление о развитии знания получило название «наивно-кумулятивной модели» развития науки. Невозможность осуществить сведение научного знания к протокольным предложениям, сравнение неопозитивистской модели развития науки с реальной историей научного познания выявили ошибочность основоположений Н. Внутренние проблемы и трудности, возникшие при разработке неопозитивистской концепции, оказались непреодолимыми, и к нач. 1960-х гг. Н. растерял всех своих сторонников. В наследство последующей философии он оставил стремление к ясности, точности, обоснованности филос. положений и отвращение к туманным рассуждениям, лишенным к.-л. основания. (Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. — С. 566-567.)

НЕОТОМИЗМ — наиболее авторитетное течение современной католической философии, базирующееся на учении Фомы Аквинского. В разработке онтологических проблем теоретики неотомизма опираются на установки, традиционные для аристотелевско-томистской традиции. Божественное бытие невыразимо при помощи категорий и запечатлевается лишь специфическими надкатегориальными определениями — трансценденталиями, к числу которых относятся основные его «клики» — единство, истина, благо и красота. Сопричастный Богу сотворенный мир природы и культуры также изначально наделяется ценностным измерением. В Боге имеет место тождество его сущности и существования. В сфере сотворенного бытия сущности предшествует существование, даруемое свыше, что дает основание ряду представителей неотомизма говорить о своеобразном «экзистенциализме» Фомы Аквинского. Последний полагал, что в разуме Творца присутствуют сущностные образцы — формы вещей. Наследуя этот тезис, неотомисты говорят о том, что Бог, создающий мир из ничего, изливает в него собственную экзистенциальную полноту и одновременно строит его сообразно с определенными сущностными образцами. Экзистенциальная интерпретация связи божественного бытия и сотворенного мира, предпринятая еще Жильсоном и Маритеном, стала общепринятой в неотомизме. Многообразие сотворенного бытия интерпретируется при помощи идеи гилеморфизма: каждое конкретное образование рассматривается как состоящее из формы и материи. Материя предстает в философии неотомизма пассивным началом, возможностью, требующей для своей актуализации наличия формы. Иерархическая упорядоченность — важнейшая черта сотворенного бытия, его ступени: первоматерия, неорганическая природа, мир растений и животных, человек, царство «чистых духов» — ангелов. Неотомизм провозглашает существование аналогии Бога и его творения, позволяющее, исходя из творения, до некоторой степени судить и о самом Творце (принцип аналогам бытия). Наряду с традиционными доказательствами бытия Бога стали популярными и доказательства, опирающиеся на экзистенциальный опыт личности и идею изначальной теонимичности человека. Теория познания неотомизма различает истину онтологическую и логическую. Если первая — продукт соответствия вещи интеллектуальному замыслу Бога, то вторая связана с познавательной деятельностью человека, его субъективностью. Каждый материальный объект может рассматриваться под различными углами зрения, т. е. представлять как формальный объект, интересующий познающего субъекта. Подобное разграничение позволяет утверждать возможность взаимодополнительности обыденного, научного, религиозно-философского и богословского видения одних и тех же материальных объектов. Познание рассматривается как процесс дематериализации содержания, полученного субъектом при постижении реальности. При этом в действие вступают различные душевные способности индивида. «Познавательные формы» чувственного порядка варьируются по степени обобщенности и являют собой итог функционирования совокупности внешних и внутренних чувств. Активный интеллект осуществляет обработку чувственных образов и приводит к образованию «познавательных форм» высшего порядка — понятий. Неотомисты активно обсуждают роль механизма опосредования в процессе познания. Если сторонники умеренно-непосредственного реализма (Жильсон, Маритен и др.) отрицали возможность усвоения учения Канта и иных версий трансцендентальной философии, ищущих доопытные, априорные основания познания, экзистенциальные константы человеческого бытия, то приверженцы умеренно-опосредованного реализма (Корет, Ранер, де Фриз и др.) активно ассимилировали методологический инструментарий и категориальный аппарат кантианства, феноменологии, экзистенциальной герменевтики. Целостность человеческого знания предстает в гносеологии неотомизма как обладающая иерархическим строением и отнюдь не противоречащая Откровению. На первой ступени познания неотомисты обычно располагают естествознание и философию природы, при этом заимствуя нередко тезисы логического позитивизма, постпозитивизма, французского неорационализма и герменевтики. Наука трактуется как дающая лишь объяснение эмпирических феноменов, в то время как философия природы притязает на мировоззренческий синтез ее данных, опираясь на метафизику. Вторая ступень принадлежит математике, а третья отводится метафизике, анализирующей проблемы бытия. Теология выступает как единство познавательного и практического отношения к миру. К практическому; заинтересованному познанию неотомисты относят также мораль, искусство и гуманитарные дисциплины. Над ними возвышается религиозная этика, эстетика, философия истории и иные отрасли философского знания, также занимающие подчиненное положение по отношению к метафизике и теологии, а следовательно, зависимые от Откровения. Человек трактуется в антропологии неотомизма как сложная субстанция, состоящая из души и тела. Душа — формообразующий по отношению к телу принцип — предстает основой личности. Телесное начало связывается с индивидуальностью. Личность в своих действиях направляется «естественным законом», призывающим творить добро и избегать зла. Стремясь к благу, личность обретает совокупность интеллектуальных, моральных и теологических добродетелей, культивировать которые и призвана общественная жизнь. Вопрос о творческой активности человека, создающего культурно-исторический мир, находится в центре внимания теоретиков трансцендентального неотомизма (Войтыла, Корет, Лотц, Мюллер, Ранеридр.), сочетающих традиционные томистские положения с видением человеческого бытия, сложившимся в экзистенциальной герменевтике Хайдеггера.

ра и Гадамера, в философской антропологии Шюера, Плеснера, Гелена, в персонализме Рикёра и др. Источник культуросозидающей деятельности человека, его непрерывного самопревосхождения — трансценденции — выводится ими из ее устремленности к божественному Абсолюту. Для неотомизма характерно сочетание традиционного для христианства провиденциально-эсхатологического видения общественного развития, истории и их анализа в свете современных проблем. Общество («град земной») трактуется как объединение личностей и одновременно как «сверхличность»; в своей эволюции ему надлежит следовать вечным ценностно-нормативным принципам, которые могут обрести различные толкование и звучание в зависимости от контекста социальной ситуации. С осуществлением этих принципов неотомисты связывают обеспечение в контексте различных сообществ многообразия форм собственности, примирения противоречий между социальными слоями и классами, политического плюрализма и прав граждан, демократических свобод в сочетании с приматом общечеловеческих культурных ценностей. Неотомисты настойчиво проводят мысль о важности «третьего пути» общественного развития, пролегающего между «капиталистическим индивидуализмом» и «марксистским коллективизмом». Диалог Церкви («града божьего») и общества понимается как средство внесения высших религиозно-нравственных ценностей в культуру современности. Неотомизм признает фундаментальную ценность «мирской» истории, наличие в ней имманентной цели, связанной с совершенствованием человечества и его культуры. Вместе с тем для современного неотомизма характерен религиозно-критический пафос утверждения несовместимости абсолютного гуманизма христианства с любыми вариантами светского гуманизма. В качестве действенных средств смягчения противоречий современности неотомисты рассматривают евангелизацию культуры и экуменическое сближение религий. (Новая философская энциклопедия в 4 т. — т.3. под ред. Степина В.С. — Москва 201

НЕОФРЕЙДИЗМ — направление в психологии, психиатрии, социологии и философии, получившее распространение преимущественно в США. В зарубежной литературе неопрейдизм часто называют «неопсихоанализом» или «культурным психоанализом». Основными представителями неопрейдизма являются Г. Салливан, К. Хорни и Э. Фромм. К неопрейдизму также нередко относят А. Кардинера, Ф. Александера и некоторых других представителей психоанализа. Названные ученые отдают предпочтение разным приоритетам в своей творческой деятельности и области теоретических интересов. Если Салливан, Хорни и Александер — практикующие психоаналитики, чьи работы так или иначе связаны с проблемами психопатологии и психотерапии, то интересы Кардинера концентрируются в области этнографии, а Фромм получил известность благодаря своим произведениям социально-психологического и философского содержания. В то же время всех их объединяет приверженность определенным идеям и установкам фрейдизма (прежде всего психологизм в подходе к общественным явлениям), а также стремление переосмыслить учение Фрейда в плане его большей социологизации. В этом отношении почва для неопрейдизма была подготовлена первыми «раскольниками» внутри психоанализа — А. Адлером, О. Ранком, В. Райхом, К. Юнгом. Все они, за исключением Райха, отвергли фрейдовский биологизм, сексуальный детерминизм и инстинктивизм, придавали меньшее значение бессознательному. Райх, сохранив приверженность идее сексуальной детерминации неврозов, сделал из нее более радикальные, чем Фрейд, социально-политические выводы. Он выдвинул концепцию социального (невротического) характера, которая была подхвачена Фроммом. Значительное влияние на формирование неопрейдизма оказали этнопсихологические изыскания этнографов Р. Бенедикт, К. Дюбуа, Б. Малиновского, Р. Линтона, М. Мид, Э. Сапира, И. Халлоуэла. Так, Малиновский пришел к выводу о том, что эдипов комплекс в том виде, в каком его описал Фрейд, отнюдь не имеет универсального распространения, а Бенедикт и Мид продемонстрировали пластичность человеческой природы, считавшейся у Фрейда неизменной, и строгую зависимость особенностей психики от особенностей культуры. В качестве таких формирующих индивида особенностей культуры в центре их внимания находились приемы ухода за детьми, отличные у разных народов. Такие специфические приемы образуют у всех представителей данной этнокультурной общности типичные черты характера, которые А. Кардинер назвал «базовой личностью». Концепция базовой личности давала возможность не только перейти от культуры к индивиду, но и позволяла вывести первую из последнего, рассмотрев культуру в качестве проекции вовне базовой личности. К. Хорни, эмигрировавшая в 1932 г. в США, обратила внимание на то, что подоплека невротических конфликтов у пациентов в Новом Свете существенно отличалась от того, что раскрывалось в ходе анализа пациентов в Германии и Австрии. Осмысление этих фактов привело Хорни к отказу от фрейдистской теории инстинктов и к признанию социокультурной обусловленности психопатологии. Помимо чрезмерной биологической ориентации к числу глубочайших методологических ошибок Фрейда она отнесла склонность к дуалистическому и механико-эволюционистскому мышлению («Невротическая личность нашего времени», 1937 г.; «Новые пути в психоанализе», 1939 г.). В то же время Хорни осталась приверженной идее бессознательной, эмоциональной мотивации человеческого поведения, понимая бессознательное несколько отлично от Фрейда. Она тоже признавала выдающимися открытиями последнего концепцию вытеснения-сопротивления, феномен перенесения и метод свободных ассоциаций.

Сохранив таким образом ядро психоаналитического метода, Хорни интерпретировала его с позиций своего «культурного» подхода. Всякая психопатология, по ее мнению, относительна и специфична для данной культуры. Каждый невроз вызывается внутренними конфликтами, в основе которых лежат мотивы и побуждения, связанные с социальным окружением индивида, хотя существует и общий неспецифический фактор, создающий для него предпосылку, — это возникающее в детстве чувство страха, беспомощности перед враждебным миром («базовая тревожность»), которое может быть смягчено или усугублено воспитанием. В таком случае у индивида развивается множество защитных реакций, выражающих невротическую направленность его характера. Хорни описала несколько разновидностей невротического характера и проанализировала вызывающие их конфликты, типичные для «американского» образа жизни. Идеи и методы Г. Салливана складывались в 20-е гг. независимо от европейской школы психоанализа. Имея дело преимущественно с шизофренией, а не с неврозами, он разработал собственные методики и теоретический инструментарий, получившие наименование «межличностной психиатрии». В характерной для неофрейдизма манере он стал искать источник психопатологии в динамике межличностных отношений. В процессе воспитания, считал он, в зависимости от характера отношений с воспитателями у индивида складывается либо чувство уверенности в себе, либо чувство тревоги (т. е. опасение межличностной несостоятельности). Устранение этого чувства тревоги и становится главной целью внутриспсихической динамики, в ходе которой складывается личность человека. Человеческое «Я» формируется как система отраженных оценок окружающих, а под ними, считал Салливан, скрывается невидимое «подлинное Я», «самость», т. е. изначальные способности, которые смогли или не смогли реализоваться в данной культурной среде. Необходимо отметить, что внутриспсихическая динамика для Салливана, как и для всякого психоаналитика, неосознаваема. Здесь он близок к Фрейдю, используя аналогичные фрейдовскому «бессознательному» в «предсознательному» понятия «диссоциация» и «частичное внимание». Салливан признавал и бессознательную мотивацию поведения (Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Республика, 2001. — с. 374 - 375).

ОСТИН Джон (26.3.1911, Ланкастер, - 8.2.1960, Оксфорд), английский философ. Представитель лингвистической философии. Образование получил в Оксфорде, где впоследствии был профессором философии. Основную цель философского исследования видел в преодолении неверного употребления отдельных слов и выражений философами, в прояснении выражений обыденного языка, полагал, что в результате может возникнуть новая самостоятельная наука, которая впитала бы в себя философию и лингвистику — «лингвистическая феноменология». Основное внимание О. было направлено на анализ таких понятий, как «знать» и «истинный». Согласно О., сказать, что я что-то знаю, не значит просто утверждать это что-то. Утверждать что-либо равносильно, строго говоря, фразе: «Я полагаю, ¹ что это так». Так что если человек что-то утверждает, то его можно спросить, знает он это или нет. Специфический характер познания выявляется в тех возражениях, с которыми может столкнуться наша претензия на знание. Прежде всего могут быть поставлены под сомнение наш прошлый опыт и наши нынешние возможности. Считал, что на самом деле никогда нельзя быть уверенным в своих собственных ощущениях. Мы не только можем их неправильно назвать, но и можем испытывать серьезную неуверенность относительно них. Например, мы можем просто быть недостаточно знакомы с данным ощущением, чтобы судить о нём, или мы можем пытаться «распробовать ощущение» более полно. Кроме того, добавляет О., за термином «знать» обычно следует не прямое дополнение, а придаточное предложение с союзом «что», и если этот акт полностью осознан, различия между знанием об ощущениях и другими видами знаний теряют всякое значение. Общее философское возражение против всех претензий на знание, согласно О., выражается в следующем рассуждении: знание не может быть ошибочным, а «мы, по видимому, всегда или практически всегда подвержены ошибкам». Такое возражение обнаруживает внутреннюю связь между глаголом «знать» и такими «исполнительными» словами, как «обещать», которая лишает это слово силы. Фраза «я знаю» не является просто описательной. В некотором отношении она является важной, «ритуальной» фразой, подобно фразам «я обещаю», «я делаю», «я предупреждаю». Прилагательное «истинный», по О., не должно применяться ни к суждениям, ни к словам. Истинными могут быть лишь высказывания. Высказывание является истинным лишь в том случае, когда положение дел, с которым оно соотносится посредством разъяснительных соглашений, однотипно тому положению дел, с которым употреблённое предложение соотносится посредством описательных соглашений. Всякая попытка сформулировать теорию истины как образа оказывается неудачной вследствие конвекционного (от копнения — соглашение) характера отношения между символами и того, к чему этот символ относится. О. считает, что многие фразы, которые рассматриваются как высказывания, вообще не должны рассматриваться как истинные или ложные, напр., формулы в исчислении, определения, оценочные суждения, цитаты из литературных произв. и др. Также в центре внимания О. находилась проблема возможности познания «чужого сознания» — сознания другого человека и отражение этого сознания в языке. О. считал, что вера в существование сознания других людей естественна, обоснований требует сомнение. Мы очень часто знаем, что испытывает другой человек, хотя не можем наблюдать его

чувства. О. является создателем теории речевых актов. В поисках границы между осмысленным и бессмысленным высказыванием ввёл понятие «перформативного высказывания» — отражающее конкретное исполнение отдельных намерений («я обещаю что») и «конструирующее» — к к-рым применимы понятия истины (или правдоподобия) и ложности. Речевой акт, согласно О., является трёхуровневым образованием; в ходе использования его языковым средством высказывание выступает как локутивный акт, в отношении к поставленной цели и ряду условий его осуществления речевой акт выступает как иллюкутивный акт, в отношении к своим результатам речевой акт выступает как перлокутивный акт. Главным в этой схеме являлось понятие иллюкуции, так как локуцией традиционно занималась семантика, а перлокуцией — риторика. О. не вводил понятие иллюкутивного акта, он лишь привёл примеры; вопрос, ответ, информирование, уверение, предупреждение, команда, назначение, критика. Теория речевых актов оказала большое влияние на развитие лингвистики и логики. Основные произв.: «Логика и язык» (1953), «Философские статьи» (1961), «Как сделать печи словами» (1965), «Защита для оправданий» (1956). (Большая энциклопедия: В 62 томах. Т. 30. Под редакцией С.А. Кондратова - М.: ТЕРРА, 2006. С. 416-417).

ПЕРСОНАЛИЗМ - направление философии, признающее личность первичной творческой реальностью и высшей духовной ценностью, а весь мир проявлением творческой активности верховной личности (Бога). Как самостоятельное философское течение персонализм оформился во Франции в начале 1930-х. В 1932 в Париже вышел первый номер журнала «Эспри». Вокруг журнала объединились люди различных интеллектуальных ориентаций, размышлявшие о судьбе человека и цивилизации в ситуации глубокого духовного кризиса. Новизна французского персонализма состояла в том, что его сторонники, будучи католическими мыслителями, признали равное право на существование различных мировоззрений, в том числе и атеистического. «Эспри» создавался как журнал, поддерживавший плюрализм мнений и оценок. Руководимый философами-католиками, он не стал собственно католическим изданием, а объединил вокруг себя людей разных религиозных конфессий с целью выработки адекватного миропонимания ситуации 1920—30-х. Вместе с экзистенциализмом, феноменологией, неотомизмом персонализм составил целую эпоху в философской жизни Франции. История персонализма неразрывно связана с именем Э. Мунье, основоположником движения и руководителем печатного органа персоналистов — журнала «Эспри». Одной из центральных проблем философии персонализма стал вопрос об универсальном развитии человека и человеческой личности, что, собственно, и дало название этому учению. Внимание персоналистов сосредоточилось на кризисе самого человека, проблеме реального человеческого существования, остро вставшей именно в 20 в., вопросе о месте человека в историческом процессе, в познании и преобразовании действительности, о духовном содержании личности, условиях подлинного человеческого взаимопонимания и взаимодействия людей. Сторонники «Эспри» апеллировали к духовным истокам человека и человечества, стремились разработать такой социальный идеал, где общественная жизнь индивидов совпала бы с их личностной жизнью, а люди в своей деятельности руководствовались бы духовными ценностями. Наиболее яркое представление об истоках французского персонализма может дать анализ его отношения к античной и средневековой философии. В качестве корней этого течения можно считать учение Сократа, Августина, а закономерными наследниками этих учений представляются Н.Бердяев, А.Бергсон, М.Шелер. Концепция Августина — одна из первых систем христианского персонализма. Он обратился к анализу внутреннего мира человека. Опровергая скептиков, Августин утверждает, что наиболее достоверным знанием мы обладаем о своём внутреннем опыте. Для Августина этот внутренний мир является, скорее, полем битвы различных чувств и побуждённой воли, чем областью холодной деятельности рассудка. Одновременно внутренний мир — это место диалога человека с Богом; поэтому он — самое ценное в человеке, центр его существа, его «личности». «Внутренний» человек Августина стал прообразом многих религиозно-антропологических построений, в том числе и персонализма. На этическую концепцию персонализма оказала влияние этика М.Шелера, развитая в его фундаментальном труде «Формализм в этике и материальная этика ценностей». Влияние идей М. Шелера на кружок «Эспри» было опосредованно творчеством ученика М. Шелера П. Ландсберга, обогатившего французский персонализм более широким толкованием понятий «личность», «акт», «вовлечённость», во многом восходящих к феноменологии М. Шелера. Во Франции идеи персонализма, помимо Э. Мунье, разрабатывали Ж. Лакруа, автор работы «Персонализм как антиидеология» (1972), Ш. Ренувье, написавший книгу «Персонализм» (1903), в которой «персональность» признавалась высшей философской категорией. Впервые понятие «персонализм» употребил американский философ Б. Боун; одна

из его работ так и называлась — «Персонализм» (1903). Наряду с Дж. Райсом, У. Хоккингом, Э. Брайтменом, Б. Боун был ведущим теоретиком англо-американского персонализма. В России идеи этого учения разрабатывали Н. Бердяев, Л. Шестов, Н. Лосский. Среди современных отечественных историков французского персонализма следует назвать И. Вдовину. /Большая энциклопедия. В 62 т. Т. 36.—М, 2006: TERRA.— С. 239-240.).

ПОЗИТИВИЗМ (от лат. *positivus* — положительный) — филос. направление 19—20 вв., подчеркивающее надежность и ценность положительного научного знания по сравнению с философией и иными формами духовной деятельности, отдающее предпочтение эмпирическим методам познания и указывающее на недостоверность и шаткость всех теоретических построений. В своем развитии П. прошел три этапа, сохраняя при этом некоторые основные особенности, которые и позволяют говорить о нем как о едином направлении филос. мысли. Родоначальником П. считается О. Конт. Рассматривая историю человеческого познания и умственное развитие отдельного индивида, Конт пришел к убеждению в том, что человеческий интеллект в своем развитии проходит три стадии: «В силу самой природы человеческого разума всякая отрасль наших познаний неизбежно должна в своем движении пройти три различных теоретических состояния: состояние теологическое, или фиктивное; состояние метафизическое, или абстрактное; и, наконец, состояние научное, или позитивное». Когда-то люди объясняли явления окружающего мира с помощью мифа и религии, затем человеческий разум возвысился до филос. (метафизического) объяснения; в 19 в. филос. объяснение должно уступить место научному познанию мира. Отсюда вытекает негативное отношение к философии, характерное для П.: философия уже сыграла свою роль в развитии человеческого познания и должна уступить место науке. В этом же причина высокой оценки науки и научного подхода: только наука способна дать позитивное знание о мире, она должна схватить все сферы человеческой деятельности и обеспечить им прочное основание. Для Конта, как и для П. вообще, главным в науке являются факты — твердые, несомненные, устойчивые факты. Основное дело науки — собирать эти факты и систематизировать их. Миф, религия, философия стремились объяснять явления, указывая на некоторые сущности, лежащие за явлениями и порождающие их. Религия видит в мире проявление божественной воли, философия ищет причины чувственно воспринимаемых вещей и событий в сфере невоспринимаемых сущностей. Но все рассуждения о причинах, полагали позитивисты, как религиозные, так и филос., весьма недостоверны, поэтому надежнее всего ограничиться простой констатацией фактов, не занимаясь спекулятивными размышлениями насчет их возможных причин. «Истинный позитивный дух состоит преимущественно в замене изучения первых или конечных причин явлений изучением их непреложных законов; другими словами, в замене слова «почему» словом «как» (Конт). Т.о., основным методом научного познания оказывается наблюдение, а главной функцией науки — описание: «Все здравомыслящие люди повторяют со времен Бэкона, что только те знания истинны, которые опираются на наблюдения». (Конт). Стремление Конта и его последователей освободиться от умозрительных спекуляций и опереться на надежное знание имело под собой вполне определенную историческую почву. Идеи фр. просветителей 18 в. привели в конечном итоге к революционному потрясению Франции и к кровавым наполеоновским войнам, длившимся более четверти века. Учение Г.В.Ф. Гегеля о том, что развитие природы обусловлено саморазвитием абсолютного духа, находилось в резком противоречии с научным подходом к изучению природы. Все это порождало подозрительное отношение ко всяким идеям, выходящим за пределы того, что доступно простому и надежному наблюдению. Это отношение и выразил нарождающийся П. Именно поэтому он получил широкое распространение как раз в среде ученых. Однако его популярность была обеспечена, прежде всего деятельностью двух англ. последователей Конта — Г. Спенсером и Дж.С. Миллем. Их работы определили облик и многие характерные черты нового филос. направления: подчеркивание безусловной надежности и обоснованности эмпирического знания — знания фактов; настороженное отношение к теоретическому знанию, включая обобщения, законы, теории; склонность к инструменталистскому истолкованию теоретического знания; превознесение науки в ущерб философии и др. формам духовной деятельности. Эти черты сохранились и в т.н. втором П., который приобрел широкую популярность в научных кругах в кон. 19 — нач. 20 в. Лидером П. в этот период становится Э. Мах, придавший П. новую форму, получившую название «махизм», или «эмпириокритицизм». Вместе с Махом идеи П. в этот период разрабатывали нем. физико-химик В. Ф. Оствальд, швейц. философ Р. Авенариус, фр. физик П. Дюэм, рус. философы А.А. Богданов, П.С. Юшкевич, В.М. Чернов. Мир, с т.зр. Маха, состоит из элементов, которые представляют собой соединение физического и психического. Поэтому в отношении физического мира и человеческого сознания эти элементы нейтральны: они не включаются полностью ни в первый, ни во второй. Эти элементы однородны, равнозначны, среди них нет более важных, более фундаментальных или существенных: «Весь внутренний и внешний мир составляется из небольшого числа однородных элементов...» Учение о нейтральных элементах мира должно было, по мысли Маха, преодолеть крайности материализма и идеализма и разрешить противоречия между этими направлениями в философии. Поскольку все

элементы мира абсолютно равноправны, между ними нет отношений «сущность — явление», «причина — следствие». Связи в природе не настолько просты, чтобы каждый раз можно было указать на одну причину и одно следствие: «в природе нет причин и нет следствия. Природа нам только раз дана» (Мах). Единственный вид отношений, существующий между элементами, это — функциональные отношения. Поэтому следует считать устаревшими такие понятия, как «причина», «вещь в себе», «сущность» и «заменить понятие причины математическим понятием функции». Следствием такого плоскостного видения мира, при котором в нем усматривают лишь однородные элементы и функциональные связи между ними, является дескриптивизм в теории познания: все функции познания, в т.ч. и научного, сводятся к описанию. И это вполне естественно, ибо если из мира изгоняются закон и сущность, то объяснение и предсказание оказываются невозможными. «Описания... — говорит Мах, — сводятся к определению численных величин одних признаков на основании численных величин других признаков при помощи привычных численных операций». Это и есть идеал научного познания. «Но пусть этот идеал достигнут для какой-нибудь области фактов. Дает ли описание все, чего может требовать научный исследователь? Я думаю, что да!» Последовательно развивая эту т.зр., Мах и научные понятия истолковывает как «определенный род связи чувственных элементов». Законы науки также оказываются не более чем описаниями. Точно также истолковывается и научная теория: «быстрота, с которой расширяются наши познания благодаря теории, придает ей некоторое количественное преимущество перед простым наблюдением, тогда как качественно между ними никакой существенной разницы нет ни в отношении происхождения, ни в отношении конечного результата». Причем теория оказывается худшим видом описания, ибо она дальше всего отстоит от своего объекта. Однако мы вынуждены пользоваться теориями, ибо они в сокращенном и сжатом виде аккумулируют в себе громадные множества отдельных описаний, которые трудно было бы запомнить и воспроизвести. В использовании теорий проявляется принцип экономии мышления, который Мах считает фундаментальным принципом, регулирующим развитие человеческого познания. Махизм, или «второй П.», был порожден кризисом классического естествознания, неспособностью ученых понять новые явления с помощью старых средств, безотказно служивших им почти двести лет. На первых порах в среде ученых распространилось мнение о том, что наука не должна ставить перед собой гордую задачу постижения истины. В философии это мнение нашло выражение в плоской и пессимистической философии Маха и его сторонников. Однако ученые скоро оправались от шока, вызванного открытием целой лавины новых непонятных явлений, и приступили к поискам новых средств объяснения и понимания. Философия Маха быстро потеряла сторонников и отошла в область истории. Третий всплеск интереса к П. проявился в сер. 1920-х гг., когда сформировался и быстро завоевал широкую популярность неопозитивизм, или логический П. Его отличительная особенность состоит в том, что при сохранении основных установок позитивистской философии он широко использует аппарат математической логики для формулировки и решения филос. проблем. («Философия. Энциклопедический словарь» под ред. А. А. Ивина. Москва, 2004. с. 657-658.).

ПОЗИТИВИЗМ (франц. positivisme, от лат. positivus — положительный). В истории философии термином «позитивизм» обозначается особое философское течение, которое оформилось в 1830-е гг. и сохранило влияние вплоть до нашего времени, пройдя при этом три исторических стадии — «первого» («классического») позитивизма, «второго» позитивизма (эмпириокритицизма) и «третьего» позитивизма (неопозитивизма). Основателем течения был О.Конт; он ввёл в философский обиход и сам этот термин. С именем Конта связаны два главных принципа науки 19 в.: 1) признание относительности всякого «позитивного» («фактического») знания, и 2) стремление к накоплению и обобщению посредством систематизации и классификации «научных фактов». Под последними Конт понимал не только данные наблюдения, эксперимента и измерения, но и то, что может быть реконструировано как их источник (их «скрытая» причина), а также «законы», которые определял как «устойчивые факты природы». К разряду «позитивных» он относил знания человека о самом себе, включая сознание. Однако при этом он отвергал самонаблюдение как источник такого знания; основу такого знания составляет восприятие телесного поведения людей и их социальных отношений. Поэтому базисной наукой он объявил социологию. Обращаясь к этическим проблемам, он трактовал как «позитивное» также «полезное» и «доподлинно известное». Т.о., позитивное знание есть знание всего того, что «есть на самом деле», «в действительности». Поэтому позитивная наука — это «наука о действительном», о том, что существует «для нас», как явление, которое должно быть описано без всяких «метафизических домыслов», вроде «вещи-в-себе», «абсолютной субстанции» или «абсолютного субъекта». Подобные изыскания Конт вслед за Шеллингом называл «негативной философией». Согласно Конту, подлинное, «позитивное» знание всегда относительно из-за неизбежной всякого знания с чувственными восприятиями. Вследствие этой «относительности к познающему» позитивное («опытное») знание не может быть абсолютным уже потому, что сам процесс вос-

приятия – это не что иное, как временная последовательность явлений и их пространственная координация. Отсюда следует вывод, что бытие как совокупность фактов дано «имманентно». Точка зрения имманентности – принцип позитивной науки в противоположность метафизике, которая верит в возможность постижения трансцендентного, т.е. находящегося за пределами мира явлений. Однако наряду с «конкретными фактами», с которыми имеют дело «позитивные науки» (включая социологию), Конт признавал в качестве «абстрактных фактов» также и математические формулировки, посредством которых наука фиксирует временную последовательность и пространственные отношения мира явлений. Основываясь на принципе относительности позитивного знания, Конт оценивал и религию, и «метафизику» как знание «фиктивное», хотя и считал их неизбежными моментами развития духа: согласно его «основному закону», всякое знание проходит три стадии – теологическую, метафизическую и позитивную (которым соответствуют три стадии в развитии общества). Следуя классическому идеалу, своей важнейшей задачей Конт считал систематизацию знания: «позитивные» знания должны быть представлены в форме энциклопедии, а принципы построения этой системы, изучая логику научного исследования и его методы, формулирует «позитивная философия», которая, по сути, есть «теория науки». Наиболее впечатляющих успехов в построении такой теории в рамках классической позитивистской программы достиг ученик Конта Дж.С.Милль. единственным адекватным методом научного исследования Милль считал индукцию, которую он также называл экспериментальным методом. Его «методологической» предпосылкой является «принцип непрерывности» – оправданное опытом утверждение, что бытие постоянно, что оно остается одним и тем же. В свою очередь главной задачей науки логики является оправдание этого принципа. Противопоставляя свою позицию «догматическому эмпиризму», Милль называет ее «философией опыта»: научные утверждения должны выдерживать проверку на соответствие «фактам опыта». Но это не значит, что все сводится непосредственно к данным наблюдения и эксперимента. Наука не состоит только из чувственных данных – она нуждается также в законах и гипотезах о законах («теориях»), которые суть нечто большее, нежели совокупности фактов – ведь случайные наблюдения сами по себе, не будучи включенными в теоретический контекст, не могут свидетельствовать ни в пользу, ни против гипотезы о законе. Не соглашаясь со своим учителем, Милль считает источником позитивного знания также и самонаблюдение – ведь оно открывает нам особую область фактов, коль скоро, несмотря на принятие физического объяснения температуры, цветов и запахов посредством их редукции к движению молекул, колебаниям или давлению, мы все-таки вынуждены признать специфические ощущения тепла, цвета и запаха в качестве действительно существующих явлений, фактов сознания. Науку о таких фактах Милль называет психологией. Ее он считает базовой и ставит на место прежней «метафизики», поскольку, обращаясь к ней, можно, во-первых, получить важный аргумент в пользу «принципа непрерывности» опыта, а во-вторых, сформулировать другой важнейший принцип позитивного знания – «принцип сознания». Согласно ему, только то, что осознано, может быть признано существующим. Иначе говоря, в качестве позитивных фактов существует только то, что осознано. Здесь Милль продолжает традицию английского эмпиризма, философии Юма и Беркли, согласно которой «быть – значит быть воспринимаемым»; правда, в соответствии с «принципом непрерывности» он изменяет эту формулу на следующую: «все, что есть, – это совокупность комплексов впечатлений, которые мы можем иметь». Новые открытия в науке (прежде всего в физике и психологии) вызвали кризис оснований классического позитивизма. Следствием было возникновение его обновленной формы – эмпириокритицизма. Прогресс теоретической физики в 20 в. в свою очередь обусловил дальнейшую трансформацию позитивистской программы, смещение фокуса интересов с проблем источника знания на область анализа науки и логической структуры теорий. На смену «второму» позитивизму в 1920-х гг. пришел «третий» – неопозитивизм. Некоторые установки позитивистской программы (правда, редуцированной до исследования закономерностей исторического развития научных теорий и методов) сохранил постпозитивизм, который не утратил своего влияния вплоть до наших дней. (Новая философская энциклопедия: В 4 т. – Москва: Мысль, 2010. – Т.3. – С.256-257).

ПОППЕР КАРЛ РАЙМУНД (1902—1994) — брит, философ и социолог. До 1937 жил в Вене, в 1937 — 1945 — в Новой Зеландии, с 1946 до сер. 70-х гг. — проф. Лондонской школы экономики и политических наук. Испытал влияние логического позитивизма, но свою филос. концепцию — критический рационализм, теорию роста научного знания (фальсификационизм) — построил как антитезу неопозитивизму. В противовес стремлению логических эмпиристов сформулировать критерии познавательного

значения научных утверждений на основе принципа верификации П. выдвинул в качестве одной из осн. задач философии проблему демаркации — отделения научного знания от ненаучного. При решении этой проблемы он выступил как крайний антииндуктивист, полагая, что индуктивным методам нет места ни в обыденной жизни, ни в науке. Методом демаркации, по П., является фальсификация — принципиальная опровержимость (фальсифицируемость) любого утверждения, относимого к науке. Он отказался также от узкого эмпиризма логических позитивистов и их поисков абсолютно достоверной основы знания. Согласно П., эмпирический и теоретический уровни знания органически связаны между собой; любое научное знание носит лишь гипотетический, предположительный характер, подвержено ошибкам (принцип «фаллибилизма»). Рост научного знания состоит в выдвижении смелых гипотез и осуществлении их опровержений, в результате чего решаются научные проблемы. Для обоснования своих логико-методологических и космологических концепций П. использовал идеи неodarвинизма и принцип эмерджентного развития: рост научного знания рассматривается им как частный случай общих мировых эволюционных процессов. Выдвинутая П. теория «трех миров» утверждает существование нередуцируемых друг к другу физического и ментального миров, а также мира объективного знания. П. — один из создателей дедуктивно-номологической схемы объяснения, в соответствии с которой некое утверждение считается объясненным, если его можно дедуктивно вывести из совокупности соответствующих законов и граничных условий. Опираясь на идеи логической семантики Тарского, он предложил способ определения истинного и ложного содержания научных теорий (гипотез); разработал оригинальную интерпретацию вероятности как предрасположенности и др. Реализация программы построения теории роста научного знания натолкнулась на серьезные трудности, связанные с абсолютизацией П. принципа фальсификации, отказом от признания объективной истинности научного знания, конвенционализмом в трактовке оснований знания и отрывом объективного знания от исторически развивающегося познающего субъекта. Доказана также внутренняя противоречивость предложенного им критерия оценки правдоподобности научных теорий. Филос. работы П. последних лет в осн. посвящены разработке теории сознания (к-рую он пытается строить с позиций эмерджентизма на основе резкой критики физикалистского редукционизма), защите рационализма в противовес иррационалистическим и релятивистским тенденциям совр. философии, а также доказательству невозможности индуктивной интерпретации исчисления вероятностей. В области социальной философии П. выступил с критикой марксизма (к-рому он приписывал «профетические» функции) и историзма. Он отрицает объективные законы общественного развития и возможность социального прогнозирования. Идеалом для него выступает открытое об-во. Идеи П. получили развитие в концепциях Лакатоса, У. Бартли, Дж. Агасси, а также в различных вариантах критического рационализма (Х. Альберт, Х. Шпинер и др.). Их влиянием отмечены и те концепции, к-рые стремятся опровергнуть фальсификационизм (напр., Куна, Фейерабенда). Осн. соч.: «Логика научного исследования» (1935), «Открытое общество и его враги» (1945), «Нищета историцизма» (1957), «Предположения и опровержения» (1963), «Объективное знание» (1972). В. Н. Садовский, Н. С. Юлина

ПОСТМАРКСИЗМ — социофилософское течение, основывающееся на трудах и идеях, предложенных Карлом Марксом, однако ставящее под критическое рассмотрение ключевые элементы марксистской теории. Свое развитие постмарксизм начинает от событий «красного мая» 1968 г., когда «официальный марксизм» традиционных левых был дискредитирован и появилась необходимость поиска новых путей развития. Термин "постмарксизм" предложил философ-марксист С. Стоянович для того, чтобы показать в каком виде марксизм может существовать в конце XX столетия, после краха реального социализма. Постмарксизм однозначно отказывается от притязаний на роль универсальной философской системы и признает, что ни одной системе современности не под силу объяснить сегодняшнюю плюральную действительность. Он отказывается и от всяких идеологических симпатий, определяющих "избирательный подход" к творчеству Маркса и Энгельса. Постмарксисты полагают, что необходим пересмотр наследия марксизма из новой перспективы. Но при таком пересмотре должен приниматься во внимание факт "цельности" творчества Маркса. Главное для постмарксизма не упорствование в своей позиции, а стремление сохранить истину путем новых сочетаний, компромиссов, взаимодополнений. Наиболее известными представителями постмарксизма являются Э. Лаклау и Ш. Муфф. Наиболее важной книгой Лаклау является *Hegemony and Socialist Strategy*, написанная им в соавторстве с Шанталей Муфф. Он отбросил марксистский экономический детерминизм и понятие классовой борьбы как решающего антагонизма в обществе. Вместо этого они призвали к радикальной демократии антагонистического плюрализма, где могут быть высказаны все противоречия. Среди компонентов постмарксизма можно выделить следующие: 1. Социализм был неудачей и все «всеобщие теории» общества обречены на ту же участь. Идеологии лживы (кроме постмарксизма!), потому что они отражают мир мысли, в котором доминирует одна половая/расовая система. 2. Упор марксизма на социальные классы есть «редукционизм», поскольку классы постепенно исчезают; принципиальные политические разногласия имеют чисто культурную природу и коренятся в различных идентичностях (раса, пол, этнос, сексуальные предпочтения). 3. Госу-

дарство – это враг демократии и свободы, коррумпированный, и неэффективно обеспечивающий социальное благосостояние. На его место должно прийти «гражданское общество», поборник демократии и социальных перемен.

4. Центральное планирование ведет к бюрократии и само является ее продуктом. Оно препятствует обмену товарами между производителями. Рынок и рыночный обмен, возможно немного регулируемый, дает большее потребление и более эффективное распределение.
5. Традиционная борьба левых за государственную власть развращает и ведет к авторитарным режимам, которые подчиняют гражданское общество своему контролю. Местная борьба по местным вопросам местными организациями – единственное демократическое средство перемен, за исключением просьб/давления на национальные и международные власти.
6. Революции всегда заканчиваются плохо или вообще невозможны: социальные трансформации угрожают вызвать авторитарную реакцию. Альтернатива – борьба за демократическую передачу власти, консолидация вокруг борьбы за избирательный процесс.
7. Классовая солидарность – это часть прошлых идеологий, отражающих более раннюю политику и реальность. Классов больше не существует. Есть мелкие «площадки», где отдельные группы (идентичности) и местные сообщества участвуют в самопомощи и взаимных действиях по «выживанию», основанных на взаимодействии с внешними силами. Солидарность – это межклассовый феномен, гуманный жест.
8. Классовая борьба и классовое противостояние не приводят к ощутимым результатам; они заканчиваются поражением и не могут решить насущные проблемы. Сотрудничество с правительством и международными организациями на деле приводит к увеличению производительности и к развитию.
9. Антиимпериализм – еще одно выражение из прошлого, пережившее свое время. В сегодняшней глобализированной экономике нет возможности противостоять экономическим центрам. Мир все более взаимозависим, и в этом мире требуется все большее международное сотрудничество по передаче капитала, технологии и ноу-хау от «бедных» к «богатым» странам.
10. Лидеры народных организаций не должны быть ориентированы исключительно на организацию бедных и разделять их условия жизни. Внутренняя мобилизация должна основываться на внешнем финансировании. Профессионалы должны разрабатывать программы и находить внешнее финансирование, чтобы организовать локальные группы. Без внешней помощи местные группы и профессиональные карьеры распадутся. Постмарксисты как правило пытаются защищать марксизм, доказывая, что коммунистический эксперимент в России не является частью марксистского наследия. Дж. Макмёртри (Канада) ссылками на работу К. Маркса «К критике политической экономии. Предисловие», отмечает, что коммунистические опыты начались в стране, уровень развития производительных сил которой не мог стать основой нового социалистического экономического порядка. А по Марксу, напоминает Дж. Макмерти, «Новые, более высокие производственные отношения не возникают до тех пор, пока материальные условия их существования не вызрели в недрах старого общества». Большевицкая революция и советский деспотизм были органистическим результатом лишь русской истории, идеологические доктрины этой революции и всех последующих коммунистических экспериментов следует искать не в марксизме, а в ленинизме. Ленин лишь мобилизовал колоссальную энергию народа создал тоталитарную партию и навязал своей стране жёсткую, никакими принципами не связанную, тоталитарную диктатуру. Этого оказалось достаточно для победы над врагами, но недостаточно для достижения цели. Одна из основных причин этих ошибок Ленина была в том, что он не был философом отчуждения и «даже хорошим философом вообще», не знал «работ молодого Маркса». Он «сконцентрировался на проблеме классовый борьбы, понятой как беспощадная борьба за власть... самой характерной чертой Ленина была железная воля осуществить, во что бы то ни стало коммунистическую утопию» Эти установки ленинизма противоречат положению Маркса о том, что коммунистическое общество может быть построено только на базе развитых индустриальных производственных сил. Поэтому сегодня, по мнению постмарксистов, нужно осознать, что реставрацией капитализма в постсоциалистических странах произошел не столько крах марксизма как футурологической теории общественного развития, а крах ленинизма с которым, начиная со Сталина, стали отождествлять марксизм. Но сегодня не только необходимо вернуть марксизму его аутентичный вид, и «отреставрировать» теорию Маркса. Нужно придать теории Маркса второе дыхание, ввести ее в контекст сегодняшней практики. Футурологические заявления Маркса вытекали из анализа капитализма XIX в. и основывались на выводе о том, что противоречия между условиями роста производственных сил и условиями роста капиталистической прибыли могут быть разрешены лишь путем захвата пролетариатом государственной власти. Современное развитое капиталистическое общество благодаря непрерывным усилиям и вмешательству государства нашло иные пути ослабления или разрешения противоречия между интересами производственных сил и капиталистической собственностью (на нем, собственно, делал основной акцент Маркс), и нашло способ избежать тупика массовой безработицы и неизбежного при этом краха циклов воспроизводства. Постмарксистская концепция социализма должна учитывать, что командно-бюрократический социализм сталинского типа не может быть альтернативой современному капитализму. Сам идеал социализма требует разработки. Наверное, этот идеал будет далек от «рыночного социализма», «социализма с человеческим лицом», «общества смешанной экономики». Но вопрос о том, каким должен быть этот будущий

социализм, еще далек от своего окончательного разрешения. (Марксистская философия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tezis.info>.— Дата доступа:05.10.10; Марксизм, неомарксизм, постмарксизм [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.speleoastronomy.org>.— Дата доступа:05.10.10; Марксистская критика постмарксистов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.left.ru>.— Дата доступа:05.10.10)

ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ. В некотором отношении постструктурализм – парадоксальный термин. С одной стороны он обозначает форму мысли или практику критики, которая ставит вопрос о традиционных понятиях начала, преемственности и идентичности; с другой стороны это неявно исторический термин по отношению к предшествующему ему структурализму. По сути дела ни один из авторов не брал на себя ответственность за развитие постструктуралистских теорий и терминологии и не использовал этот термин. Это запоздалый термин, который используется преимущественно в англо-говорящих странах, несмотря на то, что он фактически характеризует влияние «французских» литературной, философской и психоаналитической теорий и особенно работ философа Жака Дерриды. Структурализм и постструктуралистская критика. Структурализм был сложным интеллектуальным движением, который с возникновением постструктурализма использовался как термин, обозначающий выбор радикального критического анализа. Центральная идея структурализма восходит к утверждению Фердинанда де Соссюра о том, что лингвистический признак не является представительным для существовавшей ранее идеи или предмета, но скорее является результатом различий: только отличаясь от всех остальных признаков в системе данный признак получает то, что мы понимаем как его «значение» или «идентичность». Упор, прежде всего, делается на структуру, на систему различий, что создаёт возможность индивидуальных признаков. В более или менее аналогичной форме один человек, как структуралист, ищет как получить правила или грамматику мифов, ритуалов, свадебных обрядов, обычаев и т.д. Работа антрополога Клода Леви-Стросса является наиболее известным вкладом структуралистов в историю человеческой мысли; также можно вспомнить работы Романа Якобсона в лингвистике, А. Дж. Греймаса в структурной семантике и Роланда Барта, Жерарда Женетта, Цветана Тодорова в литературной критике. Структурализм являлся разнообразным и всегда самокритичным феноменом; чтобы кратко подвести итог, можно сказать, что структурализм делает акцент на систематическом и законном представлении идентичности или значения, в то время как постструктурализм сам обращается к статусу систематичности или структурирования. Популярность термина «постструктурализм» может быть частично понята как задержавшийся эффект академической конференции, проведённой в 1966 г. в Университете Джона Хопкинса, на протяжении которой Деррида, тогда ещё молодой и малоизвестный философ, прочитал доклад «Структура, признак и игра в рассуждении о гуманитарных науках». Привлекая примеры из работ Леви-Стросса, Деррида предложил поиск критического анализа «неявной метафизики постструктурализма», утверждая, что «структура» предполагает наличие «центра», который всегда может быть показан одновременно как внутри, так и снаружи структуры. Понятие структуры подавляет фактическую нестабильность структуры и поэтому участвует в метафизической традиции, которую Деррида определяет как «логоцентризм»: «определение Бытия как присутствия» и последовательного подчинения различий. Деконструкция. Концепция постструктурализма тем не менее сохраняет близкую ассоциацию с «деконструкцией»: с работами Дерриды, литературного теоретика Пола де Мана, а также философов или литературных критиков, на которых они повлияли. Постструктурализм в этом смысле обращает внимание на нестабильность учредительных или выраженных систем. Подрывая авторитет Соссюра, Деррида устанавливает повторение, или, как он называет, повторяемость признака как условие возможности значения. Для функционирования признак должен быть повторяемым при отсутствии любого эмпирического или определённого говорящего и в неопределённом количестве в различных контекстах. Таким образом, можно говорить о том, что идеальность или формальность признака (т. е. его «идентичность», его независимость от конкретных контекстов или способов использования) происходит не от необыкновенного значения или сущности (хотя это является именно логоцентрической иллюзией), а от повторения, перемещения и различий. Чтобы значение появилось оно должно происходить, что парадоксально, от того, что Деррида называет *différence – difference*, которое во французском языке позволяет слову обозначать и временное, и пространственное различие. Эта радикальная критика признака подкрепляет общеизвестный интерес Дерриды к бинарной оппозиции между речью и письмом. В западной традиции речь ещё со времён Платона ценилась больше, чем письмо, потому что говорящие присутствуют при произнесении речи, в то время как писатели нет. Эта кажущаяся фундаментальной намеренность речи является важной для феноменологии Хассерлеана – традиции, в которой обучался Деррида. Письмо, исходя из традиции, постоянно характеризуется как второстепенное по отношению к речи, как придаток и, более того, является несовершенным, так как написанное может быть неверно прочитано, процитировано без учёта контекста и так далее. Эта иерархическая бинарная оппозиция, тем не менее, является уязвимой в том отношении, что речь и письмо принадлежат к различным разновидностям знака. Речь возможна только благодаря эффективности знаков, которые, как и написанные знаки, могут

быть процитированы, вырваны из контекста и так далее. Бинарная оппозиция «речь/письмо» оказывается второстепенной по отношению к общему положению значения, которое Деррида называет «архиписьмом» или «общим письмом» чтобы подчеркнуть, что оно характеризуется особыми качествами, которые постплатоническая традиция ограничила зависимым термином «письмо». Полностью изменяя и переписывая такие открыто или закрыто загруженные противоположности, Деррида ищет объяснение для продукции метафизических систем, чтобы объяснить возникшие моменты насилия или избытка и чтобы обеспечить утвердительную концепцию роли «случая» при определении значения. Исходя из работы Дерриды, нестабильность процесса определения значения возникает не просто как обязанность, но также как возможность для критического переосмысления политики, истории, субъективности и этики. Эта критика должна появляться и «снаружи», и «внутри» метафизического процесса. С одной стороны, разум (logos или ratio) не может быть просто ликвидирован: как отмечает Деррида, «нет смысла в том, чтобы пытаться встряхнуть метафизику без понятия о метафизике. У нас нет языка – ни синтаксиса, ни лексики – который был бы чуждым для этой истории». Определённое переосмысление является тем не менее возможным благодаря нестабильности, которая сопутствует метафизике с самого начала. Деконструкция – это расчётливая попытка осуществить такое переосмысление. В этом контексте необходимо кратко упомянуть в чём-то отличный словарь Поля де Мана, так как его работа имела существенное влияние «Деконструктивные» тексты де Мана 1970-х и ранних 1980-х гг. составляют критику феноменологии и её категории сознания; тем не менее для де Мана эта критика приняла форму повторного открытия классических теорий риторики. В некотором смысле в словаре де Мана эквивалентом difference является ирония (irony). Но ирония понимается не как умственное отношение или определённая риторическая уловка (т.е. говоря одно и подразумевая другое), но как необходимое отклонение вписанное в возможности языка как «систематическое уничтожение понимания», которое осторожное прочтение влечёт за собой. По де Ману у нас нет выбора, мы можем лишь наследовать лингвистические шаблоны; всё же, чем более внимательно мы читаем, тем более эти шаблоны остаются необоснованными и ненадёжными. Важно отметить, что эти утверждения не предполагают отмены процедуры осторожной логической аргументации. Также необходимо сделать акцент, оглядываясь на работу де Мана, на том факте, что эти огромные эпистемологические вопросы всегда возникают из специфического акта чтения или интерпретации. Суммарный взгляд на деконструкцию – такой какой она была представлена выше – вводит в заблуждение не только потому что он упрощает сложные аргументы, но и потому что он создаёт ложное представление о том, что эти аргументы были предложены как абстрактная правда. Скорее всего, они представляют вопрос о чтении, который возникает из непреодолимого единства акта чтения. Теоретики постструктурализма. Сложно представить определение постструктурализма, в котором нет ссылки на работы Дерриды и де Мана. Тем не менее этот термин чаще всего употребляется в более широком смысле и включает авторов, чьи работы незначительно связаны, или даже противопоставлены, понятию «деконструкция». В этом случае понятие «постструктурализм» отражает его полноценность. Хотя этот термин обманчиво делает акцент на устаревшем термине «структурализм», он подчёркивает тот факт, что в работах Дерриды есть контекст и история, и что многие авторы и тексты внесли большой вклад в современные англо-американские дебаты о «теории». Как любое интеллектуальное явление постструктурализм возник из множества традиций. Деррида пишет: «Если бы мы хотели выбрать несколько названий в качестве признаков, мы без сомнения процитировали бы критику метафизики Ницше, критику концепций Бытия и правды, для которых мы заменили концепции игры, интерпретации и признака (признака без предоставления правды); Фрейдистскую критику присутствия, которая включает критику сознания субъекта, самоидентификацию и самообладание; и наиболее радикальную деструкцию метафизики, онто-теологии, определения Бытия Хайдеггера». Позже, с 1930-х до начала 1960-х гг. и после, такие писатели как Жорж Батайль, Морис Бланшот и Эммануэль Левинас играли критическую роль в постановке таких вопросов, которые поколение Дерриды подняло бы снова при подъёме структурализма. Как предлагалось ранее, число ключевых фигур структурализма, таких как Жак Лакан и Ролан Барт, легко ранжируется под главенством постструктурализма, хотя разница между этими временными категориями специфична. Несмотря на то, что работа Барта слишком бессистемна, объяснения терминов «структурализм» и «постструктурализм» были бы неполными без ссылки на его литературные и культурологические эссе, которые с 1950-х и до его смерти в 1980 г. были жизненно важны для парижской интеллектуальной сцены. Барт, как и Деррида, и Джулия Кристева, некоторое время ассоциировался с авангардным журналом *Tel Quel* писателя Филлипа Соллера, который являлся вероятной институциональной матрицей для «французского происхождения» постструктурализма. Французский психоаналитик Жак Лакан предложил лучший пример ограничения терминологии. Когда-то считавшийся структуралистом Жак Лакан сегодня обыкновенно включается в обсуждения постструктурализма. Исходя из выбора текста и способа его прочтения, термин может быть либо подтверждён, либо опровергнут. Рассматриваемые как «возвращение к Фрейду», работы Лакана передают Фрейда в свете лингвистики Сесюра и диалектики Гегеля, и таким образом понимают фрейдистское «бессознательное» не как резерву-

ар индивидуальной энергии, либидо и так далее, а чисто как межсубъективный феномен. Для Лакана бессознательное « структурировано так же как и язык», потому что язык делает возможным такое явление как желание, которое противопоставляется прелингвистическому термину «потребность» и нарциссистскому термину «требование»; желание является нестабильным, потому что лингвистический маркер не имеет под собой никаких оснований. Признаком этой беспочвенности является фаллос – беспорный объект желания, который полностью отрицается говорящим субъектом. Многие споры по работам Лакана вращаются вокруг вопросов: является ли фаллос признаком радикальных различий или скрыто необыкновенным признаком и усиливают ли идеи Лакана критику феминизма или же наоборот ослабляют её. Другими словами, встаёт вопрос, отражают ли работы Лакана культурно обусловленный статус полового равенства или они подтверждают мужской престиж. Теория Лакана безусловно имела большое влияние на различные сферы гуманитарных наук, частично на литературную критику и на исследования в областях феминизма и полов. Многие постструктуралисты находились под влиянием Лакана: марксистский философ Луис Альтуссер, который изменил концепцию «идеологии» согласно с идеями Лакана; феминистский философ Льюис Иригарэй, который отошёл от идей Лакана в 1970-х гг. для того, чтобы заняться радикальной критикой патриархата; философ и психоаналитик Джулия Кристева, чьи работы были частично сфокусированы на доэдиповских условиях субъективности. Ранние заметки Кристевой развили идею «семиотического» для того чтобы описывать так называемую изношенную грань языка – ритмы и артикуляцию, характерные для долингвистической сферы материнско-детских отношений. В более поздних работах она продолжила рассматривать пересечение языка и психоанализа, фокусируясь на вопросах, которые были подняты так называемой «пограничной линией» или нарциссистскими беспорядками, которые поставили под сомнение статус языка. Имя Мишеля Фуко наиболее часто связывается с Лаканом и Дерридой в спорах о «французской теории». Он демонстрирует адаптационную способность понятия «постструктурализм» с тех пор как его работы рассматривались как альтернатива «деконструкции» Дерриды и, в меньшей степени, как противовес методологии психоанализа. Фуко, как и все философы указанные здесь, ставит под вопрос традиционный престиж «субъекта» в Западной мысли, и просит нас переосмыслить субъективность, подразумевая намерение, как эффекты межличностных кодов. Кроме того в своих ранних работах Фуко акцентирует внимание на конкретном контекстном производстве человеческой идентичности. Сексуальность, например, – как и само человеческое тело – показывается в работах Фуко не как данное от природы качество, но как продукт рассуждений, практики и установок, которые возникли исторически. Способность Фуко извлекать новые объекты для исторического исследования (и таким образом освещать идеологический, неэмпирический статус дисциплины, называемой «историей») помогла его работам повлиять на гуманитарные науки и на определённые области социальных наук, частично на социо-культурную антропологию. В последнее время Американская Академия обратила внимание на некоторых влиятельных философов из поколения Дерриды, в частности на Жана Франсуа Лиотарда, автора многочисленных книг по постмодернизму, этике и искусству, и в некоторой степени на Гилле Делёза, который в 1972 году опубликовал совместно с Феликсом Гваттари книгу «L'anti-Oedipe: capitalisme et schizophrénie», содержащую междисциплинарную критику капитализма и психоанализа. Решительно отказываясь от преимуществ Западной традиции, «L'anti-Oedipe» является постструктуралистским трудом, который получил широкое признание в США. Наследие постструктурализма, если не брать в расчет работы Дерриды, Кристевой, де Мана, Лакана, Фуко и других, наиболее заметно в развитии социокультурных исследований и в разработке теоретических моделей, которые должны исследовать культурное воспроизводство идентичности через призму сексуальности, пола и класса. «Постструктурализм», благодаря его предполагаемому определению, называет событие и частью прошлого, и обитателем будущего, и это положение всё ещё ждёт своего осмысления. (Encyclopedia Americana: International edition. Vol. 22 – Grolier Incorporated, Danbury, Connecticut, 1995. P. 460-461.)

ПРАГМАТИЗМ (от греч. pragma – дело, действие) – течение амер. мысли, в котором фактор практики используется в качестве методологического принципа философии. Возникло в 1870-е гг., оформилось в пер. пол. 20 в. и как тенденция сохранилось и в настоящее время. С П. связано творчество разных по своей стилистике мыслителей – Ч. Пирса, У. Джеймса, Дж. Мида, Дж. Дьюи, Ф. Шиллера (Великобритания), натуралистов, прагматических аналитиков, неопрагматистов и др. Термин «П.» в философию ввел Пирс. В статье «Как сделать наши понятия ясными» (1878) он использовал его для способа определения значения понятий в зависимости от процедур его исследования и практических последствий. У Пирса область применения прагматического метода была ограничена практикой научного сообщества. Джеймс заимствовал идею П. у Пирса и, соединив ее с утилитаризмом Дж.С. Милля, придал ей общепризнанное философское значение для решения экзистенциальных гносеологических, этических и религиозных вопросов. Под «прагматическим методом» Джеймс имел в виду сопряжение понятий и верований с их работо-

способностью (или их «наличной стоимостью») в потоке опыта индивида. Данный метод был призван отсеять надуманные проблемы от важных, прояснить, какие объекты следует принимать за существующие, а какие нет, и тем самым решить (или снять) филос. проблемы и уладить филос. споры. С его помощью Джеймс считал возможным снять вопрос об истине как соответствии реальности. В теориях следует видеть не отражение реальности, а верования, которые в одном потоке опыта могут быть ложными, а в др. – истинными. Понятия «истина», «благо», «правильное» имеют функциональный и адаптивный характер: «Истинное – это способ нашего мышления, соответствующий обстоятельствам (expedient), так же как «правильное» – это наш соответствующий обстоятельствам способ поведения» (У. Джеймс. Прагматизм. СПб., 1910). Англ. прагматист Шиллер усилил антропологические и персоналистические мотивы джеймсовского варианта П. (Schiller F.C.S. *Studies in Humanism*. London, 1930). Вместе с тем, возражая Джеймсу, он считал, что опыт не является нейтральным, его содержание нагружено целями, потребностями, эмоциями человека. Свидетельством истинности суждения являются вытекающие из его принятия благоприятные для нас последствия; однако далеко не все, что работает, является истинным, а только то, что служит познавательным, моральным и гуманистическим целям. П. Дьюи роднит с П. Джеймса борьба с умозрительной метафизикой, апелляция к эмпиризму здравого смысла, антидуализм и антифундаментализм, отказ от противопоставлений суждений факта и суждений ценности, внимание к проблеме обоснования знания. Вместе с тем П. Дьюи более объективистский и сциентистский, в нем в большей мере задействованы социоисторицистские подходы и дарвиновские идеи естественного отбора и приспособления к среде. Дьюи не придерживался методологического монизма. Предложенная им организмическая и процессуальная трактовка опыта предполагала применение разнообразных методов – функциональных, операциональных, экспериментальных, прагматических, контекстуальных, являющихся, по большому счету, разновидностями филос. критической рефлексии. Прагматический метод рассматривался как составная часть исследования (inquiry), состоящего в превращении неопределенной проблемной ситуации в ситуацию определенную, целостную и поддающуюся разрешению. Цель исследования – решение – достигается путем мыслительных экспериментов и естественного отбора наиболее эффективных и практичных гипотез. «Практичность», или «прагматичность», – это правило соотношения понятий, гипотез, выводов с вытекающими из них последствиями. Последствия могут быть разными, как практически-прикладными, так и эстетическими, моральными, воображаемыми (Dewey J, *Essays in Experimental Logic*. Chicago, 1916). Выступив против гегелевского объективизма и кантовского гносеологизма и формализма, против «пассивно отражательных» и «сущностных» концепций познания, Дьюи отверг понятие «объективная истина». Истину следует понимать как инструментально принятое «верование» (belief) в рамках того или иного контекста. Вместе с тем «верование» требует intersубъективного удостоверения практических последствий и должно быть «подтвержденным утверждением» (warranted assertibility). П., контекстуализм, экспериментализм Дьюи во многом несли отпечаток его социалреформистских взглядов и одновременно служили методологическими ориентирами социально-политической философии. Мид понимал под П. прежде всего деятельностный и контекстуальный подход к решению проблем. В отличие от Пирса, не интересовавшегося социальной философией, и Джеймса, для которого она была на периферии его интересов, у Мида, так же как у Дьюи и С. Хука, она была одной из центральных. Он более детально, чем Дьюи, исследовал понятие «социальность», сделав его ключевым в своих филос. построениях (Mead G.H. *The Philosophy of the Act*. Chicago, 1938). Потребность в познании возникает из необходимости разрешения проблемной ситуации, детерминирующей смыслы высказываний, познавательные инструменты и предполагаемые результаты. Представления об истинном, должном, благом формируются в сообществах людей и проникнуты социальностью. (Идеи Мида о социальности в дальнейшем были использованы в «социологии познания».) Хотя прагматисты в рамках инструментализма обращались к проблематике логики научного исследования, они специально не занимались интерпретацией формальных систем (исключением, пожалуй, является Ч. Моррис), вне их интересов остались технические проблемы языка и значения (это не относится к Пирсу). Данное обстоятельство сыграло свою роль в том, что «лингвистический поворот», совершенный в США аналитически ориентированными философами, вытеснил классический П. с авансцены академической жизни. Однако многие характерные для прагматической традиции подходы сохранились в виде реинтерпретаций и получили дальнейшее развитие в филос. натурализме (Хук, Э. Нагель, Э. Эйдел, С. Лампрехт, Э.

Крикорян и др.), в прагматическом анализе, в различных синтетических прагматистско-позитивистских и неопрагматистских концепциях. Наиболее активным защитником амер. прагматической и натуралистической традиции был Хук. В ранний период творчества, находясь под сильным влиянием марксизма (позднее он стал интеллектуальным лидером США в критике ленинско-сталинской разновидности марксизма и коммунизма), он попытался соединить интерпретации практики у Маркса и Дьюи и применить социал-реформистски истолкованный П. к политическим, этическим и образовательным проблемам. Позднее Хук занимался оснащением прагматической рефлексии техникой логического анализа и экзистенциальными проблемами. Одним из видных представителей прагматической ветви аналитической философии был У.О. Куайн. Он перевел все филос. вопросы на языковой и интертеоретический уровень; напр., вопрос о существовании к.-л. объектов имеет смысл только в каркасе языка теории, постулирующей их существование. Как логические, так и эмпирические предложения должны проверяться не по одному и не ситуативно, как это было у Дьюи, а как части целостной теоретической системы, в рамках которой они имеют свой смысл. Речь может идти только об оправдании всей системы, а оно может быть только прагматическим (Quine W.V.O. *Word and Object*. Cambridge (Mass.); New York; London, 1960). М. Уайт – др. представитель прагматического анализа – по ряду вопросов был близок Куайну, но выступал за более широкий синтез П. и неопозитивизма. Уайт обосновывал внутреннюю связь онтологии, логики и этики: между суждениями ценности и суждениями факта нет дихотомии, поскольку и в последних наличествует этический элемент. Любые проверки знания сродни этическим процедурам и понятие «истина» несет на себе этическую нагрузку. Философ-аналитик Д. Дэвидсон видит ошибку Куайна (так же как Дьюи и Мида) в том, что язык (и концептуальные схемы) у него выступает чем-то третьим между сознанием и нейтральной реальностью. Дэвидсон предложил вообще отбросить идею языковой конвенции как посредника между сознанием и природой; язык имеет отношение не к отражению реальности, а к социальной коммуникации. В духе Дьюи он утверждает, что истина строится не на основе общезначимого критерия, а на принципе доверия (*charity*) к носителям др. языка и др. концептуальных схем (Дэвидсон Д. *Об идее концептуальной схемы* // *Аналитическая философия. Избр. тексты*. М., 1993). Х. Патнэм, разочаровавшись в результатах собственных доказательств «естественного реализма», предлагает заменить категорию «истина» понятием «пригодность» (*fitness*). В отличие от философов-аналитиков, выбирающих из прагматического наследия отдельные идеи, Р. Рорти предлагает по-новому посмотреть на ницшеанские мотивы Джеймса, историцизм Дьюи и общий для этих мыслителей антифундаментализм – с т.зр. вклада в постмодернизм (Rorty R. *Consequences of Pragmatism*. Minneapolis, 1982). В предложенном Рорти постмодернистском варианте неопрагматизма философии отказано в статусе теоретического знания, ее роль ограничена «коммуникативным разговором» и «литературной критикой». Идеологию объективизма и истины, доминировавшую в зап. культуре, Рорти предлагает заменить этноцентристской идеологией солидарности с верованиями своего сообщества. [Философия: энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М., Гардарики, 2004. – с. 678–680].

ПСИХОАНАЛИЗ — метод лечения психических заболеваний, разработанный З. Фрейдом, а также комплекс гипотез и теорий, объясняющих роль бессознательного в жизни человека и развитии человечества. Несмотря на то, что многие психоаналитики стремятся подчеркнуть научный (и в этом смысле нефилософский) статус психоанализа, учение Фрейда с момента возникновения не только претендовало на обобщения философского характера, но и включало установку на создание своеобразной философии человека. Организационное оформление психоанализа началось в 1902 с образования кружка единомышленников, затем переросло в Венское психоаналитическое общество и, наконец, завершилось распространением психоаналитического движения во многих странах Западной Европы и Америки. В психоанализе исследуется не просто внутренний мир человека, а та сфера психического, в рамках которой происходят наиболее существенные и значимые процессы и изменения, оказывающие воздействие на организацию всего человеческого бытия. Онтологическая проблематика смещается в плоскость психики. Реальностью признается психическое, имеющее свою собственную природу и подчиняющееся особым закономерностям развития, далеко не всегда имеющим аналог в физическом мире. Исследование психически реального, выявление закономерностей функционирования человеческой психики, изучение внутренних коллизий и драм, разыгрывающихся в глубинах человеческого бытия, — таковы существенные моменты психоаналитической философии. Она опирается на гипотезу о существовании бессознательного пласта человеческой психики, в недрах которого происходит особая жизнь, еще недостаточно изученная, но тем не менее реально значимая и заметно отличающаяся от процессов сферы сознания. В психоанализе исследуются содержательные характеристики бессознательного психическо-

го. Бессознательное сравнивается с большой передней, где находятся все душевные порывы, а сознание — с примыкающей к ней узкой комнатой, салоном. На пороге между передней и салоном стоит страж, пристально разглядывающий каждое душевное движение и решающий вопрос о том, пропустить ли его из одной комнаты в другую. Если душевное движение допускается в салон, то оно может стать сознательным, когда привлечет к себе внимание сознания. Передняя комната — обитель бессознательного, салон — вместилище предсознательного, и только за ним расположена келья собственно сознательного. Таково одно из пространственных, или топических, представлений психоанализа о человеческой психике. В 20-е гг. психика понимается как состоящая из трех слоев, или инстанций, — Оно, Я, Сверх-я. Бессознательное Оно представлено в качестве унаследованного человеческой организацией глубинного слоя, в недрах которого скрыты потаенные душевные движения, напоминающие старых демонов и выражающие безотчетные влечения человека. Сознательное Я — посредник между Оно и внешним миром, инстанция, предназначенная для содействия в деле оказания влияний этого мира на бессознательную деятельность индивида. Сверх-я — инстанция, олицетворяющая собой императивы долженствования и запреты социокультурного характера. Я пытается подчинить себе Оно. Если это не удастся, то Я подчиняется Оно, создавая лишь видимость своего превосходства над ним. Сверх-я тоже может властвовать над Я, выступая в роли совести или бессознательного чувства вины. В итоге Я оказывается в тисках многообразных противоречий, являясь «несчастливым», подверженным тройкой угрозе: со стороны внешнего мира, вожделий Оно и строгости Сверх-я. Учение о «несчастном Я» направлено против светских и религиозных иллюзий о человеке как о внутренне непротиворечивом существе. Душевная жизнь человека непрерывно потрясается конфликтами. Их разрешение связано с защитными механизмами, позволяющими приспособляться к внешнему миру. Человек руководствуется в жизни двумя принципами. Первый — «принцип удовольствия» — внутренне присущая каждому индивиду программа функционирования психических процессов, в рамках которой бессознательные влечения автоматически направляются в русло получения максимального удовольствия. Второй — «принцип реальности», корректирующий ход протекания психических процессов в соответствии с требованиями окружения и задающий ориентиры, способствующие избежанию потрясений, связанных с невозможностью непосредственного и сиюминутного удовлетворения влечений. Однако защитные механизмы подобного рода, эффективные по отношению к внешней реальности, не всегда способствуют разрешению глубинных конфликтов, обусловленных психической реальностью. В лучшем случае происходит вытеснение социально неприемлемых порывов и желаний в сферу бессознательного. При этом создается лишь видимость разрешения внутриспсихических конфликтов, ибо вытесненные в бессознательное желания человека в любой момент могут вырваться наружу, став причиной очередной драмы. Разрешение внутренних конфликтов должно достигаться путем сознательного овладения желаниями, непосредственного их удовлетворения или сублимацией. Практика психоанализа направлена на выявление и анализ патогенного материала, получаемого в процессе расшифровки «свободных ассоциаций», толкования сновидений, изучения ошибочных действий (опiski, оговорки и т. д.) и тех «мелочей жизни», на которые, как правило, не обращают внимания. Познание бессознательного является в психоанализе не чем иным, как припоминанием, восстановлением в памяти человека ранее существовавшего знания. Психоаналитически истолкованное сознание оказывается воскрешением знания-воспоминания, вытесненного в предсознательное в силу нежелания или неумения человека распознать за символическим языком бессознательного те его внутренние стремления и желания, которые нередко ассоциируются с какими-то скрытыми демоническими силами. Психоанализ объясняет настоящее, сводя его к прошлому, к детству человека, опираясь на постулат, согласно которому источником бессознательного является нечто, связанное с сексуальными отношениями в семье между детьми и их родителями. Познание бессознательного завершается обнаружением в нем Эдипова комплекса — первоначальных сексуальных влечений. В психоаналитической философии просматривается стремление к выявлению нравственных оснований человеческого бытия. Расшифровка символического языка бессознательного, толкование сновидений, обнаружение симптомов болезненного расщепления внутреннего мира личности — все это приводило к признанию «злого», «дурного» начала в человеке. Другой аспект состоит в том, что развертывание бессознательного психического сопровождается не только соскальзыванием к низшему, животному началу человеческого существа, но и деятельностью по созданию высших духовных ценностей жизни, будь то художественное, научное или иные виды творчества. Психоанализ обратил внимание на подавление культурой сексуальных влечений человека и связал «культурную мораль» с ростом невротических заболеваний. В психоаналитической философии рассматривается комплекс проблем и культурного, и социального характера. Обсуждаются проблемы «коллективных неврозов» и «невротической культуры», антисоциального поведения индивидов и психологии масс, «культурного лицемерия» общества и регулирования человеческих отношений в нем, «корпоративный дух» и трудовая деятельность и т. д. Однако социокультурная проблематика преломляется, как правило, через семейно-сексуальные отношения, получает такую трактовку, которая легко вписывается в психоаналитическое толкование бытия человека в мире как непрекращающейся борь-

бы между «инстинктом жизни» (Эросом) и «инстинктом смерти» (Танатосом). Философское осмысление психоанализа характерно для целого ряда направлений современной западной философии, о чем свидетельствует разработка таких концепций, как «психоаналитическая философская антропология» (Л. Бинсвангер), «экзистенциальный психоанализ» (Э. Фромм), «психоаналитическая герменевтика» (А. Лоренцер), а также ряда «синтетических» философско-антропологических учений, сочетающих отдельные идеи психоанализа с «феноменологией духа» Гегеля (П. Рикер) или феноменологией Гуссерля (Л. Раухала). (Новая философская энциклопедия в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.- научн. фонд; Научно ред. совет: предс. В. С. Степин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. Т. III. – 692, [2] с. с. 383-384.).

РАССЕЛ БЕРТРАН (р.1872), один из наиболее ярких представителей позитивизма в XX веке, определявший характер, как логического позитивизма, так и аналитической философии. Б.Рассел учился и затем преподавал в Кембриджском университете. Философию Рассел понимал в духе позитивизма, отказывая ей в собственном предмете и в собственном методе. Рассел определяет философию, если это можно назвать определением как «ничейную землю между наукой и теологией». По сути, он понимает традиционную философию как метафизику и стремится к тому философию как метафизику и стремится к тому, чтобы освободить науку, и прежде всего язык, от метафизических понятий. Свою философию Рассел называл логическим атомизмом. Имеется в виду установка на то, чтобы разложить процесс познания, на простейшие, далее не делимые единицы - логические атомы, которым соответствуют у него метафизические атомы. В своей борьбе с «метафизикой» Рассел разработал, по крайней мере, две специальные теории, теорию дескрипций и теорию типов. Они сыграли важную роль в философии и науке XX века. Со времён древних циников радикальный эмпиризм отрицает реальность общего. Идея субстанции, с которой в классической философии связано единство и целостность мира, есть главное, с чем борется Рассел. Ведь субстанция, согласно классическим представлениям, есть некоторое всеобщее основание всего сущего. Но как в таком случае быть с общими именами, такими как «человек», «растение», «животное», «скорость», «сила», «масса» и другими? Что бы ответить на этот вопрос и избежать при этом реализма, признающего реальное существование всеобщего, Рассел и придумал свою теорию дескрипций. «Дескрипция»- это описание. Общие имена, по Расселу, не обозначают что-либо конкретное, а описывают. И эти описания Рассел представляет как пропозициональные функции – $P(x)$. Такие выражения, по его убеждению, только по видимости являются именами реальных сущностей, а на самом деле они – только описания. Например, общее имя человек обозначает « x , который есть человек». На место x мы можем поставить имя конкретного индивида и тогда получим «Иванов есть человек». В методологии Рассела характерным образом проявляется отступление от деятельностного подхода, выработанного в классической философии, к подходу созерцательному. При первом подходе противоречие понимается как внутренний принцип осуществления деятельности. При втором – оно оказывается «парадоксом». Именно последнее и произошло, когда логики и математики в конце XIX века уточнить понятие числа. А именно число попытались определить через понятие множества. Но уже при их простом сопоставлении можно заметить, что понятие множества статично, а понятие числа динамично: число это счёт. Именно от этого абстрагировались логики и математики при определении числа. Поэтому число оказалось у них редуцированным к множеству, а именно оно было определено как множество множеств, эквивалентных какому-то множественному - эталону. Но такое определение содержит в себе явный порочный круг: число определяется через множество – эталон, которое, следовательно, является определённым множеством, но определить мы его можем, только включив его в множество всех множеств, эквивалентных ему же. Это противоречие и было обнаружено Расселом и получило название «парадокса Рассела». Однако говорить с полной определённой о том, что противоречие, которое обнаруживается в процессе определения величин, есть противоречие в самих вещах, было бы не совсем верно. Но нельзя также сказать, что это процесс так же произволен, как чисто словесная, номинальная дефиниция. Такое противоречие возникает «на полпути» между субъектом и объектом, так что на долю первого выпадает ограниченность, а на долю второго - выходение за каждую постигаемую им определённую, в дурное бесконечное. Для краткости стоит сказать только одно: если абстрагироваться от исторического происхождения числа и процесса его практического употребления, не проанализировав ни тот, ни другой процесс, то число будет казаться вещью совершенно «иррациональной», и его абстрактный анализ породит неразрешимые противоречия, наподобие «парадокса» Рассела.

РЕВИЗИОНИЗМ (от позднелатинского *revisio* – пересмотр), теоретическое направление, критически относящееся к первоначальной интерпретации марксистской теории. Этот термин появился в период Второго Интернационала и ассоциировался с критикой Э.Бернштейном теоретических посылок и политической стратегии марксизма. Бернштейн утверждал, что вывод К.Маркса относительно неизбежного кризиса капитализма реально не подтверждается. Монополистический капитал оказался жизнеспособным в отношении кризисов производства и использовал монополистическую экспансию в качестве предохранительного клапана для прибавочной стоимости. Не наблюдалось ни социальной поляризации, ни

всё большего обнищания рабочего класса, формировался новый средний класс, а крестьянство не исчезло. Бернштейн полагал, что движение к социализму в рамках существующей демократической системы станет возможным при условии, если массовые социалистические партии будут стремиться к предвыборному сотрудничеству с др. прогрессивными силами. Он находился под влиянием фабианских идей относительно расширения роли государства. Бернштейн утверждал, что он лишь умозрительно представил перспективу ситуации в Германии и Англии. Впоследствии термин «ревизионизм» получил негативное значение, им клеймили любую серьёзную попытку новой интерпретации классической марксистской теории, если в ней усматривалась реформистская направленность. (Большая энциклопедия в шести десяти двух томах. М.:Терра, 2006. – С. 138)

РЕНАН, ЭРНЕСТ ЖОЗЕФ (22.02.1823 – 2.10.1892). Французский философ, филолог и историк религии. С 1879 г. был членом Французской академии наук. Известен главным образом своими трудами по истории христианства – «История происхождения христианства» (8 томов), в которую входят: «Жизнь Иисуса», «Апостолы», «Святой Павел», «Антихрист», «Евангелия», «Христианская церковь», а также «Марк Аврелий» и «История израильского народа» (5 томов). В области филологии известен его труд «История семитических языков». Склоняясь к позитивизму, Р. в своих философских воззрениях отрицал значение философии как самостоятельной науки. Он говорил: «Философия – это приправа, без которой все блюда кажутся безвкусными, но которая сама по себе не годится для пищи». По Р., цель развития мироздания, совершающегося по естественным законам, есть Бог, означавший у него господство разумного начала в мире. Воплощением такого начала выступает совершенный, гениальный человек. Остальная масса является лишь необходимым условием существования избранных. Р. считал, что мудрец должен увлекаться всем – и ничем в особенности. По своим политическим взглядам Р. был противником демократии и крайне отрицательно относился к Парижской коммуне. Признавая нравственное значение религии, Р. видел в ней целительную, утешающую иллюзию и рассматривал её в целом как выражение нравственных и духовных особенностей народа. (Справочник по истории философии: хронологический, персонифицированный. – СПб.: изд. «Союз», 2003. стр.174).

СЁРЛЬ, ДЖОН РОДЖЕРС (р. 1932), американский философ. Родился в 1932 в Денвере (шт. Колорадо) в семье менеджера компании АТ&Т. В годы Второй мировой войны семья жила в различных городах Восточного побережья, где Сёрль сменил несколько средних школ, в том числе экспериментальную школу при Колумбийском университете. В 1949–1952 учился в Висконсинском университете, затем, после получения Родсовской стипендии, – в Крайст-Чёрч-колледже Оксфордского университета у Дж.Остина. После получения магистерской степени (1955) преподавал философию и работал над диссертацией; докторскую степень получил в Оксфорде в 1959. С 1959 по настоящее время – в Калифорнийском университете (Беркли), профессор с 1967; в 1973–1975 возглавлял отделение философии. В качестве приглашенного профессора читал лекции в университетах многих стран мира. Член Американской академии гуманитарных и точных наук с 1976; почетный доктор ряда университетов. Сёрль широко цитируют в лингвистике, искусственном интеллекте и когнитивной науке. В 1960–1970-х годах Сёрль занимался главным образом развитием предложенной Дж.Остином теории речевых актов. Итоги работы по исследованию речевых актов были подведены в монографиях Речевые акты: очерк философии языка (1969), Выражение и значение: исследования по теории речевых актов (1979) и Основания иллокутивной логики (1985). В центре внимания первой работы Сёрля Речевые акты (1969) – различие между «иллокутивным» и «пропозициональным» содержанием речевых актов. Если пропозициональное содержание некоторого утверждения – например, утверждения «идет дождь» – состоит в суждении, что идет дождь, то его иллокутивное содержание заключается в (неявном) обязательстве говорящего представлять вещи такими, каковы они есть. Если пропозициональное содержание приказа состоит в характере действия, которое некто должен выполнить, то его иллокутивное содержание заключается в попытке побудить к этому действию. Согласно Сёрлю, речевые акты не существуют сами по себе – именно благодаря связи с сознанием они способны представлять («репрезентировать») существующие в мире вещи. Теория репрезентативного содержания языка должна основываться на соответствующей теории сознания. Сёрль использует в этой связи понятие интенциональности, т.е. направленности сознания на предметы. Носителями интенциональности он в противовес традиционным теориям считает не убеждения и желания, а восприятия и действия. В ходе дебатов, вызванных его теорией, Сёрль выдвинул тезис, что в интенциональном содержании восприятий имеется момент саморефлексии: если, например, человек видит дерево, то само содержание этого визуального восприятия предполагает существование дерева. Начиная с 1980-х годов интересы Сёрля сместились в область философии сознания и мышления, он стал, наряду с Д.Деннетом (р. 1942) и Х. Патнэмом (р. 1926), ведущим специалистом по философским аспектам искусственного интеллекта. Начало этому этапу положила быстро ставшая хрестоматийной статья Разум, мозг и программы (1980), в которой Сёрль обратился к критике теоретических притязаний искусственного интеллекта как исследовательского направления и, в частности, к критике классического «теста Тьюринга» и основанных на нем представлений о возможности моделирования человеческого понима-

ния естественного языка. Предложенный в 1950 Тьюрингом бихевиористский критерий (способность реагировать на речевые стимулы неотличимым от реакции человека способом), по мнению Сёрля, не является достаточным критерием понимания: так, при наличии исчерпывающего руководства (т.е. программы) по переходу от вопроса на китайском языке к ответу на китайском же человек способен поддерживать диалог на китайском языке, не понимая при этом по-китайски ни слова; между тем именно так действуют современные компьютерные диалоговые системы. Этот мысленный эксперимент, получивший название «Китайская комната», вызвал интенсивную дискуссии, не завершённую и поныне. Идеи статьи были развернуты в публичных лекциях 1984, опубликованных как книга Разум, мозг и наука (1984). Другие книги Сёрля 1980–1990-х годов посвящены социальному контексту функционирования человеческого разума, что можно рассматривать как философское обобщение теории речевых актов.

СЛОТЕРДАЙК ПЕТЕР (р. 1947) - немецкий философ. В работе «Критика цинического разума» (1983), закрепившей за ним репутацию сторонника постмодернизма, Слотердаик утверждает, что слабость философии 20 в. заключалась в попытке связать категории любви и знания. Философия говорила о любви к знанию и о знании через любовь. Это привело на деле к силе без знания и к знанию без силы. Слотердаик полемизирует с концепцией Т. Адорно и М. Хоркхаймера, изложенной в их «Диалектике Просвещения». Основной изъян просвещения для Слотердайка заключается в субъективном аспекте критики идеологии, низводящей оппонента до уровня вещи и рассчитанной на уничтожение противника. Для разрешения конфликта между знанием и властью он предлагает «средний путь» - через создание иного образа разума, просвещения и субъективности. для Слотердайка доминантой современной культуры, как на личностном, так и на институциональном уровне, является цинизм - просвещенное ложное сознание, или обновленное несчастное сознание, в котором просвещение «работает» с успехом, но без толку. Это сознание усваивает уроки просвещения, но не хочет и не способно применять их на практике. Здоровое и ничтожное одновременно, это сознание не чувствует потребности в идеологии, его ложность уже рефлексивно амортизирована. Повседневный, «диффузный» цинизм состоит в том, что человек знает лучшее, а делает худшее. Ситуацию распространения массового цинизма Слотердаик анализирует на материале политической и культурной жизни Германии времен Веймарской республики. Возможность преодоления цинизма Слотердаик усматривает в возрождении традиции кинизма от Диогена до Швейка, в этом «воплощении самого сопротивления», противоположном современному понятию стабильности, ориентированной на самосохранение и рационализацию капиталистической культуры. В этой традиции Слотердаик видит ориентир для левой интеллигенции после ухода со сцены Франкфуртской школы и глубокого кризиса западного марксизма. Сочинения: Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001; Мыслитель на сцене. Материализм Ницше // Ницше Ф. Рождение трагедии. М., 2001; Сферы. Т. 1-2. СПб., 2005; Literatur und Organisation von Lebenserfahrung. Autographien der Zwanziger Jahre. München, 1978; Kritik der zynischen Vernunft. Bde. 1-2. Fr./M., 1983; Der Zauberbaum. Fr./M., 1985; Kopernikanische Mobilmachung und ptolemäische Abrüstung. Fr./M., 1987; Zur Welt kommen - zur Sprache kommen: Frankfurter Vorlesungen. Fr./M., 1988; Eurotaoismus: Zur Kritik der politischen Kinetik. Weltfremdheit. Fr./M., 1994; Die Verachtung der Massen. Versuch über Kulturkämpfe in der modernen Gesellschaft. Fr./M., 2000; Die Sonne und der Tod. Dialogische Untersuchungen mit Hans-Jürgen Heinrichs. Fr./M., 2001; Tau von den Bermudas. Über einige Regime der Phantasie. Fr./M., 2001; Im Weltinnenraum des Kapitals. Fr./M., 2005; Zorn und Zeit. Politisch-psychologischer Versuch. Fr./M., 2006; Gottes Eifer. Vom Kampf der drei Monotheismen. Fr./M., 2007. (Современная западная философия. Энциклопедический словарь / Под ред. О. Хеффе, В.С. Малахова, В.П. Филатова при участии Т.А. Дмитриева. Ин-т философии. - Москва: Культурная революция, 2009. – С.332.)

СПЕНСЕР ГЕРБЕРТ (27 апреля 1820, Дерби — 8 декабря 1903, Брайтон) — английский философ, один из родоначальников позитивизма и социологической науки, а также пропагандист эволюционного учения. Дарвин считал С. своим предшественником, так как тот за семь лет до опубликования Дарвином «Происхождения видов» высказал гипотезу об изменчивости видов. Широкое распространение получила Спенсеровская идея плавного эволюционного прогресса. Спенсер явился основоположником органической школы в социологии. Хотя Конт уже опубликовал тогда свои социологические работы, С. не был с ними знаком и создавал спую социологическую теорию самостоятельно. Оба ученых определили предмет и сформулировали методы новой дисциплины. Достоинством работ С. был анализ развития ряда социальных институтов на конкретном материале антропологии и этнографии. Тем самым он не только заложил основы методологии, но и дал практический образец социологического анализа общественных явлений. Многие подходы к изучению общества он взял из естественных наук. Важным источником его творчества были работы английских экономистов XVIII в., особенно Томаса Мальтуса и Адама Смита (1723—1790). Не только С., но и Дарвин заимствовали идею выживания наиболее приспособленного у Мальтуса, однако дали ей оптимистическое толкование. Большое значение имело для С. учение английского утилитаризма. С. еще более усилил индивидуализм Бентама. Как проповедник крайнего буржуазного либерализма он следовал принципу *laissez-faire* всю свою жизнь. Уже в первой своей книге «Соци-

альная статика» (1831) С. сформулировал «закон равной свободы», согласно которому «каждый человек может провозгласить полнейшую свободу в реализации своих способностей, сравнимую с обладанием подобной свободой любым другим человеком» (Social Statics ... P. 94). Свобода действий индивида, соревнование и выживание самого приспособленного — это все, что необходимо для развития общества. С. отвергал не только законы, направленные на помощь бедным, но и любое вмешательство государства в общественные дела, был активным антисоциалистом. Он считал принцип коллективизма катастрофическим с биологической точки зрения и психологически абсурдным, пиля б нем поощрение худших за счет лучших. С. был еще большим натуралистом, нежели Конт. Ему были глубоко чужды мессианство Конта, закон трех стадий, другие попытки вывести социальное развитие из духовного. С. отвергал идею единообразного, линейного прогресса. По-другому, нежели Конт, он видел отношения между индивидом и обществом. По мере роста общества его части становятся все более непохожими друг на друга. Эти разные части начинают выполнять все более дифференцированные, специализированные функции, которые необходимо координировать. Разделение труда, открытое экономистами как социальное явление и впоследствии признанное физиологами как физиологическое развитие труда — это и есть универсальный механизм развития. Но чем более дифференцированы функции, тем более актуальной становится необходимость существования регулирующего, управляющего механизма, способного координировать частные структуры. Отсюда вытекает усложнение и дифференциация самих регулирующих систем, на разных стадиях эволюции возникает дифференциация между правителями и управляемыми, становящаяся со временем все более очевидной. Власть правителя дополняется авторитетом религиозной власти, возникающей параллельно с политической, и властью общепринятых правил поведения и обычаев. Однако эволюционный подход к обществу породил и ряд сложных проблем. Каково соотношение количественных и качественных изменений в процессе развития? Каково соотношение эволюции и прогресса? Следует ли рассматривать эволюцию общества как простой неуправляемый процесс или как серию относительно автономных процессов развития? По С, социальная эволюция — противоречивый, но в основном гладкий процесс, «ускорение» которого невозможно ни при сознательном на него воздействии человека, ни вследствие внешних влияний. Подчеркивая органический характер социальной эволюции и проводя многочисленные аналогии между обществом и природой, С. резко отвергал любые попытки революционной реорганизации, видя в революционной деятельности разрушение природной определенности, противоестественное нарушение закона, согласно которому эволюция «следует линиям наименьшего сопротивления». Позиция С. в отношении эволюции и прогресса — значительно сложнее. Он считал прогресс универсальным и понимал его как совершенствование человека и общества. Амелиоризм — философия постепенного улучшения жизни является неотъемлемой частью социального кредо Викторианского либерализма, разделяемого С. В ранней работе «Социальная статика, или Ключевые условия человеческого счастья» он подчеркивал, что «прогресс... неслучайность, по необходимости... поэтому наверняка вещи, которые мы называем злом и аморальностью, исчезнут; поэтому наверняка человек станет совершенным» (P. 80). Позднее он отошел от данной точки зрения, как и от самого понятия «прогресс», считая термин слишком антропоцентрическим. Говоря о «законе эволюции», зрелый С. уже имел в виду не столько «улучшение жизни», сколько правильное, управляемое законом и все ускоряющееся движение от гомогенности к гетерогенности. Он уже больше не провозглашал, что понятие «универсальный прогресс» приложимо к любому данному обществу, и вполне осознавал возможность и даже неизбежность регрессивных процессов, понимая, что если теория регресса в существующей форме должна считаться несостоятельной, то теория прогресса, применяемая без ограничения, также представляется неадекватной. Очень возможно и даже весьма вероятно, что регресс также часто имеет место, как и прогресс. Следовательно, понятие развития общества уже больше не означает глобальной эволюции, но лишь серию относительно автономных процессов. С. подчеркивал, что, как и другие формы прогресса, социальный прогресс не линейен, но разнообразен. Часто отмечают четыре Спенсеровы интерпретации социальной эволюции: прогресс к идеальному «социальному государству», дифференциация социальных агрегатов в функциональные подсистемы, развивающееся разделение труда, источник различных видов обществ. Сам ученый был убежденным индивидуалистом. Для Конта социальное целое преобладало над индивидом, так что индивид не рассматривался даже как независимая ячейка общества. Для С, наоборот, общество — лишь агрегат индивидов. Он считал, что растворение индивида в социальном организме недопустимо. Отсюда важное уточнение — общество не просто организм, но «суперорганизм». У любого развитого общества существует три системы органов: 1) поддерживающая система, или система органов питания, — производство необходимых продуктов в обществе; 2) распределительная система, обеспечивающая связь между различными частями социального организма с помощью разделения труда; 3) регулятивная система, которая от имени государства обеспечивает подчинение частей целому. Специфическими частями органов являются социальные институты. Их шесть: домашние, ритуальные, политические, церковные, профессиональные и индустриальные. С. пытается проследить эволюцию каждого из них с помощью сравнительного исторического анализа. Ка-

тегория эволюции у С. всеобъемлюща — любой социальный процесс рассматривается им как часть эволюции. Любое развитие включает два аспекта — интеграцию и дифференциацию. Начинается оно с простого количественного роста. Количественный рост и усложнение структуры социальных агрегатов ведут за собой процесс функциональной и структурной дифференциации целого. В примитивных общественных организмах их части и функции дифференцированы слабо, они похожи друг на друга. Одна и та же частная структура может выполнять несколько различных функций, а одна и та же функция может выполняться несколькими различными структурами. Особую популярность подходы С. Приобрели в США. Здесь лишь за последние двадцать лет XIX в. было продано почти 373 тыс. экземпляров его книг. Под влиянием С. находились такие великие писатели, как Джек Лондон Теодор Драйзер. Визит С. В США в 1882 стал его подлинным триумфом. Он пользовался большим влиянием как теоретик социального дарвинизма. Дюркгейм считал его предтечей функционалистского направления. Приход неозволюционизма, кибернетики и системного подхода вновь поднял на Западе интерес к С. Как к предвестнику новых течений. (Социологическая энциклопедия в двух томах/ Под ред. Г.Ю. Семигин – М.: Мысль, 2003 (Т. 2)).

СТРУКТУРАЛИЗМ – общее название для ряда направлений в гуманитарном познании 20 в., связанных с выявлением структуры, т.е. совокупности таких многоуровневых отношений между элементами целого, которые способны сохранять устойчивость при разнообразных изменениях и преобразованиях. Развитие структурализма включало ряд этапов: 1) становление метода – прежде всего в структурной лингвистике; 2) более широкое распространение метода; 3) размывание метода в результате включения его во внеаучные контексты; 4) критика и самокритика, переход к постструктурализму. Лишь периоды «становления» и «распространения» имеют четкую хронологическую определенность; другие этапы нередко накладываются друг на друга (как это произошло во Франции). Лингвистика первой стала искать и выявлять структуры в своем материале, что характерно для концепции Ф. де Соссюра. Методы структурного анализа складываются в 1920-40-х гг. в психологии (гештальтпсихология), в литературоведении (русская формальная школа), в языкознании (три главные структуралистские школы в лингвистике – Пражский лингвистический кружок, Копенгагенская глоссематика и Йельский дескриптивизм). Структурная лингвистика требует отказа от интроспекционизма, с одной стороны, и от позитивистского суммирования фактов – с другой. Ее программа связана с переходом от стадии эмпирического сбора фактов к стадии построения теорий; от диахронии (наизывание фактов в цепочки) к синхронии (увязывание их в нечто целое), от отдельного и разрозненного к «инвариантному» (относительно устойчивому). Т.о., структурализм возник сначала как научная методология, отработанная в лингвистике (Р. Якобсон и Н. Трубецкой), а затем распространился на другие области: исследования культуры у Ю.М. Лотмана и в Тартуской семиотической школе, этнографию у К. Леви-Строса (обращение Леви-Строса в структурализм произошло под влиянием Якобсона во время их совместной работы в Нью-Йорке в 1943). Одновременно с этим Ж. Лакан (психоанализ), Р. Барт (литературоведение, массовая культура), М. Фуко (история науки) во Франции распространяют некоторые приемы лингво-семиотического анализа на другие области культуры. Перенос лингво-семиотических понятий и терминов в другие сферы гуманитарного знания не был случайностью: лингвистика в тот период была наиболее развитой областью гуманитарного знания, язык рассматривался как наиболее надежный способ фиксации человеческой мысли и опыта в любой сфере. К тому же общая тенденция всей мысли 20 в. устремлялась в сторону анализа и критики языка, а не анализа и критики сознания. Поэтому вполне понятно, что концептуальная стилистика этой развитой области заимствовалась другими областями гуманитарного познания. Однако ни у Леви-Строса, ни у Лотмана (ни, кажется, у Ю. Кристевой или Ц. Тодорова) эта лингвистическая методология не притязала быть философской и не подменяла собой философию. Леви-Строс использовал элементы лингвистической и лингво-семиотической методологии для исследования бессознательных культурных систем первобытных народов. Опорой метода стало вычленение т.н. бинарных оппозиций (природа – культура, растительное – животное, сырое – вареное), рассмотрение сложных явлений культуры (напр., систем родства) как пучков дифференциальных признаков (вслед за Якобсоном, который таким способом выделял фонему как мельчайшую смысловоразличающую единицу в структурной лингвистике). Все культурные системы жизни первобытных народов – правила браков, термины родства, мифы, ритуалы, маски – рассматриваются Леви-Стросом как языки, как бессознательно функционирующие означающие системы, внутри которых происходит своего рода обмен сообщениями, передача информации. Среди французских исследователей Леви-Строс был единственным, кто открыто считал себя структуралистом,

соглашаясь с определением своей философско-методологической программы как «кантианства без трансцендентального субъекта». Не единство трансцендентальной апперцепции, но безличные механизмы функционирования культуры, сходные с языковыми, были основой его программы обоснования знания. Т.о., уже у Леви-Строса мы видим – на уровне философско-методологических обоснований – те основные особенности, которые с теми или иными оговорками и уточнениями можно отнести в целом к французскому структурализму как этапу развертывания структуралистской проблематики: опора на структуру в противопоставлении «истории»; опора на язык в противопоставлении субъекту; опора на бессознательное в противопоставлении сознанию. В русле общего стремления к научности в 1960-е гг. выступило и лакановское прочтение Фрейда, подававшееся как «возврат к Фрейду». В его основу Лакан кладет мысль о сходстве или аналогии между структурами языка и механизмами действия бессознательного. Развивая эти мысли, содержащиеся уже у Фрейда, Лакан трактует бессознательное как особого рода язык (точнее – считает бессознательное структурированным, как язык) и рассматривает языковой материал, поставляемый психоаналитическим сеансом, как единственную реальность, с которой должен иметь дело психоаналитик, распутывающий конфликты в функционировании бессознательных механизмов психики и поведения человека. Барт применяет некоторые методики лингво-семиотического анализа к описанию социальных и культурных явлений современного европейского общества. Обнаружение «социологии» в явлениях современной жизни – моды, еды, структуры города, журнализма – становится целью его работ 1950-60-х гг. Это – революционный акт, срывающий с буржуазной культуры налет естественности и самоподразумеваемости, нейтральности. Первая половина 1960-х гг. – это для Барта период увлечения научной семиотикой и построение своей версии семиотики для изучения вторичных, коннотативных значений, задаваемых функционированием языка в культуре и социуме. Фуко апробирует некоторые установки структурализма на материале истории науки. Так, в «Словах и вещах» (1966) он кладет отношения знаково-семиотического типа в основу выделения «эпистем» - инвариантных структур, определяющих основные возможности мысли и познания в тот или иной культурный период. В соответствии с общим структуралистским проектом существование и познание «человека» ставится в зависимость от существования и познания «языка»: чем ярче функционирует язык, тем быстрее образ человека исчезает из современной культуры. Симптомом важных общественных перемен стали майские события 1968 г. Тезис о том, что «структуры не выходят на улицы», должен был показать, что эпоха общественного интереса к безличному и объективному кончилась. На первый план у интеллектуалов выходит все то, что так или иначе составляет «изнанку» структуры. На баррикадах студенческих волнений «тело» и «власть» значили больше, чем «язык» и «объективность». Короткий период 1-й половины 1970-х гг. предполагал попытки групповой борьбы с глобальной властью (таковы были задачи группы информации о тюрьмах, в которой в течение нескольких лет работал Фуко). Однако общественное потрясение схлынуло и на освободившемся месте расцвели совсем другие эмоции и побуждения. Это был возврат от научного интереса к этике (но уже не экзистенциалистской), иногда микрогрупповой, но чаще – этике индивидуального ускользания от власти путем постоянных переназваний, этике вседозволенности (расцвет гедонизма, многообразие обоснований желания и наслаждения). Для всех структуралистов, за исключением Леви-Строса, характерны заметные концептуальные сдвиги, так или иначе связанные с общественными переменами на рубеже 1960-70-х гг. Барт, Лакан, Фуко воспринимались сначала как сторонники постструктурализма. Общую периодизацию условно можно представить так: 1950-60-е гг. – структурализм (иногда – предструктурализм); 1970-е гг. – сосуществование структурализма и постструктурализма; 1970-80-е гг. – постструктурализм. (Новая философская энциклопедия: в 4 т./ Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2001. – 692 [2] с. – С. 647-649).

ТУЛМИН СТИВЕН ЭДЕЛСТОН (1922 – 1997) - известный американский философ науки, автор многих плодотворных идей в этой области. Родился в Великобритании, окончил Кембриджский университет, преподавал в Оксфорде, Лидсе, после переезда в США работал в ряде университетов, включая Калифорнийский, Чикагский, читал лекции в университетах Австралии и Израиля. Наряду с главным интересом — философией науки писал работы по логике, этике, истории философии, эволюционной биологии, космологии. Разрабатывал концепцию науки как сложной эволюционирующей системы в ее истории и единстве познавательных и социально-организационных форм. В отличие от представителей ло-

гического позитивизма, он утверждал, что идеи и принципы философии науки распространяются не только на естествознание, но также на социально-гуманитарные науки и этику. Вслед за Р. Коллингвудом исходил из признания «абсолютных и относительных предпосылок» — культурных установок, верований и убеждений эпохи, имеющих исторический характер, что предполагает применение «метода постановки конкретных исторических проблем» в философии науки. Концепция философии науки Тулмина вобрала в себя также идеи «эволюционно-биологической модели науки» и герменевтического подхода с позиций «понимания». В настоящее время большая часть философов-аналитиков привыкла отделять в своих книгах рассуждения о морали от мыслей о науке. Это, конечно, затрудняет понимание того факта, что в самом центре и этики, и философии науки лежит общая проблема — проблема оценки. Поведение человека может рассматриваться как приемлемое или неприемлемое, успешное или ошибочное, оно может получить одобрение или подвергнуться осуждению. То же самое относится и к идеям человека, к его теориям и объяснениям. И это не просто игра слов. В каждой из этих сфер — моральной и интеллектуальной — мы можем поставить вопрос о стандартах или критериях, определяющих оценочные суждения, и о влиянии этих «критериев» на реальную силу и следствия оценок. Поэтому полезно спросить себя, а не могут ли этика и философия науки походить друг на друга еще больше, чем это имеет место сейчас? Анализируя моральные суждения, мы вполне можем принять предположение <...>, что хорошая система моральных оценок как целое должна иметь два измерения — социологическое и историческое: философия морали не должна упускать из виду исторической практики моральных оценок, так как понятие о «моральном» суждении различно для Исландии VIII века эпохи саг, Афин времен Перикла и для современного Оксфорда. Что же касается интеллектуальных оценок ученых, то они обычно анализируются другим способом. Критерии суждений, относящихся к научным гипотезам принято объяснять на основе абстрактной и квазиматематической схемы «индуктивной логики»: основная идея при этом (как я понимаю ее) состоит в том, чтобы сформулировать вневременные и внеисторические стандарты значимости для проверки аргументов, встречающихся в сочинениях ученых, или проверки соответствия между аксиоматизированными теориями и независимо от них полученными достоверными фактами. Ничто иное (с этой точки зрения) не может служить в качестве приемлемой теории подтверждения или подкрепления. Вместо того чтобы тратить время на спор с логическим эмпиризмом, я хочу спросить: «Возможен ли другой подход к рассматриваемой проблеме? К чему еще может обратиться философия науки, обсуждая вопросы научной оценки?» В соответствии с этим основная цель данной статьи состоит в том, чтобы прояснить вопросы, встающие в связи с выработкой альтернативного логическому эмпиризму аналитического подхода к «научной оценке». При этом мы исходим из того, что «экологическая» точка зрения принята в философии морали. В статье я попытаюсь показать, что философию науки следует понимать не как расширение математической логики, а как развитие истории научных идей. Эту позицию в прошлом веке защищал У. Уэвелл (1, с. 170-171). Значимость и приемлемость сравнительно узких понятий и концепций естествознания обусловлена значимостью и приемлемостью более широких понятий и концепций. В любой естественной науке наиболее общие предпосылки определяют базисные понятия и схемы рассуждений, используемые в каждой интерпретации данного частного аспекта природы, и, следовательно, они определяют фундаментальные вопросы, благодаря решению которых продвигаются вперед исследования в этой области. В качестве типичного примера структуры естественной науки можно привести классическую физику XIX века, в основе которой лежит целый ряд неявных предпосылок, например, предположений о том, что локальное движение тел можно объяснить, абстрагируясь от их цвета и запаха, что «действия» и «силы» можно отождествлять с изменениями линейной скорости и т. п. Эти предположения являются фундаментальными и общими гипотезами или предпосылками, и от них зависит значение специальных понятий физики XIX столетия. Говоря как историк науки, я утверждаю, что такое понимание имеет глубокий смысл. Действительно, если устранить общие аксиомы ньютоновской динамики, то специальные утверждения о силах и их влиянии на движение не могут быть фальсифицированы: они просто отсутствуют в такой теории. Я думаю, Коллингвуд был прав, утверждая, что значимость и применимость, скажем, понятий физики XIX века зависят, как это можно показать, от определенных очень общих предположений, которые он назвал «абсолютными предпосылками». Частные динамические объяснения в классической физике предполагают ньютоновское понятие инерции; ньютоновское понятие инерции предполагает в свою очередь идею инерциального принципа некоторого рода; дальше этого мы едва ли можем пойти. Такая общая идея, как идея инерции, является для динамики «фундаментальной» в том смысле, что без некоторого идеала инерции динамика не смогла бы стронуться с места (1, с. 172-173). <...> Рассмотрение идей Коллингвуда и Куна показало, что эти мыслители сталкиваются с одними и теми же проблемами. Первая из этих проблем состоит в следующем. Любая попытка охарактеризовать научное развитие как чередование четко разделенных «нормальных» и «революционных» фаз содержит в себе нечто ложное, а именно мысль о том, что теоретическая схема либо полностью переходит от ее создателя к его ученикам (как в «нормальной науке» Куна, в которой все ученые должны лишь добавлять отдельные детали в существующую схему),

либо вообще не переходит от одних ученых к другим (как в его подлинных «революциях», когда пропасть между старым и новым является непреодолимой). В действительности же передача в науке теоретических схем всегда является более или менее неполной — за исключением тех случаев, когда речь идет о передаче схоластических или совершенно окаменевших понятий. Вторая проблема, не решенная Коллингвудом и Куном, состоит в том, что оба они испытывают значительные трудности при попытке рационально истолковать изменения в «абсолютных предпосылках» или в парадигмах. В этом отношении их положение аналогично ситуации, в которой находились логические эмпиристы, хотя по всем другим пунктам их позиция резко отличается от позиции логических эмпиристов. Коллингвуд остановился на том, что изменения в «абсолютных предпосылках» являются, по всей вероятности, следствием более глубоких социальных причин. <...> Однако после работ Куна и Коллингвуда наша исходная проблема сохранилась: каково точное место рационального выбора в процессе фундаментального концептуального развития. Моя первая гипотеза состоит в следующем: когда мы рассматриваем концептуальные изменения, происходящие в рамках какой-либо интеллектуальной традиции, мы должны проводить различие между: (1) единицами отклонения или концептуальными вариантами, циркулирующими в данной дисциплине в некоторый период времени, и (2) единицами эффективной модификации, то есть теми немногими вариантами, которые включаются в концептуальную традицию этой дисциплины. Для обсуждения развития научной традиции в указанных двух различных аспектах мы будем использовать специальные термины: (1) нововведения — возможные способы развития существующей традиции, предлагаемые ее сторонниками, и (2) отбор — решение ученых выбрать некоторые из предлагаемых нововведений и посредством избранных нововведений модифицировать традицию. Сформулированное различие дает возможность выдвинуть мою вторую гипотезу: при изучении концептуального развития некоторой научной традиции мы сталкиваемся с процессом избирательного закрепления предпочитаемых научным сообществом интеллектуальных вариантов, то есть с процессом, имеющим определенное сходство с дарвиновским отбором. Поэтому мы должны быть готовы к поискам тех критериев, на основе которых профессиональные группы ученых осуществляют этот отбор в тот или иной период времени. Хотя эти критерии часто можно выявить четким образом, Коллингвуд, по-видимому, был прав, указывая на то, что в периоды глубоких интеллектуальных потрясений они могут не получить явной формулировки. Это и дает основание говорить о новых идеях, как о результатах «процесса бессознательного творчества». Если реальный процесс интеллектуального изменения описывается в категориях традиции, нововведения и отбора, тогда то, что я в начале статьи назвал «интеллектуальной оценкой», должно занять определенное место в этом процессе развития. Теперь я могу сформулировать свою третью гипотезу: рассматривая достоинства конкурирующих научных теорий — как и любых других творческих нововведений, — мы должны обращать внимание на критерии отбора, которые действительно руководят выбором между имеющимися концептуальными нововведениями в каждый отдельный момент времени. Из этой гипотезы вытекает следующее следствие: критерии, используемые с полным правом в данной специфической научной ситуации, по-видимому, зависят от контекста — в той же степени, в какой моральные критерии зависят от действия. В ходе истории эти критерии могут в определенной степени прогрессивно совершенствоваться, как это показал А.Макинтайр для моральных оценок, а И.Лакатос — для стандартов математического доказательства. Предлагаемый подход к проблеме концептуальных изменений обладает определенными преимуществами, хотя за них, конечно, приходится расплачиваться. Очевидным преимуществом является реалистичность этого подхода: если критерии отбора являются результатом исследования реального процесса концептуального изменения, то их важность для науки очевидна и мы не столкнемся с теми трудностями, которые встают перед формализованными системами индуктивной логики, — отсутствие каких-либо ясных указаний на то, каким образом логические стандарты можно использовать для оценки реальной научной практики. Вместе с тем философские претензии такого подхода оказываются значительно скромнее. Действительно, если мы хотим сформулировать четкие критерии интеллектуального выбора, фактически действующие в науке, то построение, к которому мы придем, будет существенно дескриптивным. Отсюда вытекает два следствия. Во-первых, философы больше не могут диктовать принципы, с которыми ученые обязаны согласовать свою теоретическую работу, и будут содействовать прогрессу науки только своим участием в дискуссиях на равных правах со всеми другими ее участниками. Во-вторых, приспособление к общепринятым взглядам дает гарантии научного прогресса. Выбор между концептуальными вариантами, существующими в определенное время, ориентирован на установленные критерии отбора и не обязательно в каждом случае приводит к модификации теории. Мысли каждого из нас принадлежат только нам самим; наши понятия мы разделяем с другими людьми. За наши убеждения мы несем ответственность как индивиды; но язык, на котором выражены наши убеждения, является общественным достоянием. Чтобы понять, что такое понятия и какую роль они играют в нашей жизни, мы должны заняться самыми важными связями: между нашими мыслями и убеждениями, которые являются личными, или индивидуальными, и нашим лингвистическим и концептуальным наследством, которое является коллективным (communal). В этом от-

ношении проблема человеческого понимания (проблема объяснения того интеллектуального авторитета, которым наши коллективные методы мышления пользуются у мыслящих индивидов) обнаруживает некоторые до сих пор мало замечаемые параллели с центральной проблемой социальной и политической теории, а именно с проблемой объяснения соответствующего авторитета, который наши моральные правила и обычаи, наши коллективные законы и установления имеют у индивидуальных членов общества. Пользование личными правами предполагает существование общества и возможно только в рамках социальных институтов; и в равной степени, могли бы мы добавить, членораздельное выражение индивидуальных мыслей предполагает существование языка и возможно только в рамках разделяемых с другими людьми понятий. Таким образом, парадокс политической свободы, провозглашенный Жан-Жаком Руссо, также обращает нас к области познания. «Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах»; однако при более близком рассмотрении оказывается, что эти оковы — необходимый инструмент эффективной политической свободы. Интеллектуально человек также рождается со способностью к оригинальному мышлению, но повсюду эта оригинальность ограничивается пределами специфического концептуального наследия; при более близком рассмотрении оказывается, однако, что эти понятия представляют собой также необходимые инструменты эффективного мышления. Потребность в беспристрастном форуме и процедурах была понята как требование только одной неизменной и единственно авторитетной системы идей и убеждений. Первый образец такой универсальной и авторитетной системы был найден в новых абстрактных сетях логики и геометрии. На этом пути «объективность» в смысле беспристрастности была приравнена к «объективности» вечных истин; рациональные достоинства интеллектуальной позиции идентифицировались с ее логической последовательностью, а для философа мерой человеческой рациональности стала способность признавать без дальнейших аргументов законность аксиом, формальных выводов и логической необходимости, от которых зависели требования авторитетных систем. Однако это специфическое направление развития, которое приравнивало рациональность к логичности, никогда не было обязательным. Напротив (как мы вскоре увидим), принятие этого уравнения сделало неизбежным конечный конфликт с историей и антропологией.... На более глубоком уровне и абсолютизм Фреге, и релятивизм Коллингвуда истолковывают требование универсальной беспристрастной точки зрения в рациональном суждении как требование системы объективных или абсолютных стандартов рационального критицизма. Абсолютист утверждает, что на достаточно абстрактном квазиматематическом уровне такие стандарты все же могут быть сформулированы как «вечные принципы», тогда как релятивист просто утверждает, что подобная точка зрения не может быть действительно универсальной. Но это общее для них допущение мешает им обоим подойти к терминам рациональности концептуальных изменений. Как же, следовательно, мы должны избежать затруднений, встающих перед этими двумя противоположными позициями? Первый шаг состоит в том, чтобы перестать связывать себя логической систематичностью, которая заставляет видеть в абсолютизме и релятивизме единственные имеющиеся в наличии альтернативы. Это решение вводит нас в самое существо дела. Ибо в действительности всегда было ошибкой идентифицировать рациональность и логичность, то есть полагать, что рациональные цели любой исторически развивающейся интеллектуальной деятельности можно полностью понять в терминах пропозициональных или концептуальных систем, в которых ее интеллектуальное содержание может быть выражено в то или другое время. Проблемы «рациональности» в точном смысле слова связаны не со специфическими интеллектуальными доктринами, которые человек или профессиональная группа принимает на каждом данном этапе времени, но скорее с теми условиями и образом действий, которые подготавливают его к критике и изменению этих доктрин, когда наступает время. Например, рациональность науки воплощается не в теоретических системах, распространенных в определенный период времени, а в процедурах научного открытия и концептуальных изменений, действующих на всем протяжении времени. Формальная логика — с чем согласны Куайн и Коллингвуд — интересуется просто внутренней четкостью формулировок в тех интеллектуальных системах, у которых основные понятия в настоящее время не подвергаются сомнению; подобные логические отношения можно считать либо имеющими место в какое-то определенное время, либо вечными. В этом смысле, конечно, нет ничего «логического» в открытии новых понятий. Но это ни в коей мере не влечет за собой того, чтобы концептуальные изменения в науке не происходили «рационально», т.е. по достаточным или недостаточным основаниям. Это приводит только к тому, что «рациональность» научного открытия — интеллектуальных процедур, при помощи которых ученые договариваются о хороших подготовленных концептуальных изменениях, — обязательно ускользает от анализа и оценки в одних лишь «логических» терминах. Соответственно с этой точки зрения мы должны отвергнуть традиционный культ систематичности и вернуть наш анализ понятий в науке и в других областях к его надлежащему исходному пункту. Интеллектуальное содержание любой рациональной деятельности не образует ни единственной логической системы, ни временной последовательности таких систем. Скорее оно представляет собой интеллектуальную инициативу, рациональность которой заключается в процедурах, управляющих его историческим развитием и эволюцией. Для определенных ограниченных целей мы

можем найти полезным представить предварительный результат такой инициативы в форме «пропозициональной системы», но она останется абстракцией. Система, полученная таким образом, не является первичной реальностью; подобно понятию геометрической точки, она будет фикцией или артефактом, созданным нами самими. Поэтому во всех последующих исследованиях нашим исходным пунктом будут живые, исторически развивающиеся интеллектуальные инициативы, в которых понятия находят свое коллективное применение; наши результаты должны быть направлены на утверждение к нашему опыту в этих исторических инициативах. Это изменение подхода обязывает нас отказаться от того статического «фотографического» анализа, при помощи которого философы так долго обсуждали понятия, распространенные в естественных науках и других видах интеллектуальной деятельности. Вместо этого мы должны дать более историческое, «кинематографическое» объяснение наших интеллектуальных инициатив и процедур, при помощи которых мы наконец можем надеяться понять историческую динамику концептуальных изменений и таким образом понять природу и источники их «рациональности». С этой новой точки зрения никакая система понятий или предложений не может быть рациональной по своей «внутренней сущности» или претендовать на суверенный и обязательный авторитет и требовать от нас интеллектуальной зависимости. Вместо этого отныне мы должны попытаться понять исторические процессы, при помощи которых новые семейства понятий и убеждений порождаются, применяются и видоизменяются в эволюции наших интеллектуальных инициатив, а также понять, каким образом основания для сравнения адекватности различных понятий или убеждений соответственно отражают ту роль, которую они играют в интересующих нас интеллектуальных инициативах.

ФЕЙЕРАБЕНД, ПОЛ КАРЛ (1924-1994) -американский философ, представитель постпозитивистской философии науки. Профессор Калифорнийского университета в Беркли. В своих сочинениях «Против метода. Очерк анархистской теории познания», «Наука в свободном обществе», «Проблемы эмпиризма» Ф. сформулировал концепцию, названную им эпистемологическим, или методологическим; анархизмом. Согласно этой концепции, в научном познании необходим плюрализм теорий, гипотез и других форм знания, для чего следует выдвигать альтернативные, в том числе неподтвержденные и непроверенные, законы и гипотезы. Он считает, что научная рациональность не является лучшей, а тем более единственной формой рациональности. Поэтому источником альтернативных идей могут быть знахарство, шаманство, мистика, восточные культы, здравый смысл и т. д. По мнению Ф., язык наблюдений теоретически нагружен, предложения наблюдений зависят от ситуаций и не могут быть истинными, а следовательно, невозможно полное эмпирическое подтверждение или опровержение теорий. Его методологический анархизм, сформулированный в виде лозунга «все сойдет», включает в себя признание того, что не существует привилегированных норм и всегда найдутся факты и обстоятельства, в которых могут «сойти», пригодиться нормы, стандарты и концепции, отвергаемые в других условиях. Социальная философия Ф. исходит из утопии «свободного общества», в котором «все традиции имеют равные права и одинаковый доступ к центрам власти», что гарантируется правовой «защитной структурой» и буржуазно-демократической практикой «гражданских инициатив». Отношение Ф. к марксизму ограничено его собственными задачами: идея диалектического развития, принцип историзма, учение о классовой борьбе в рамках «анархистской эпистемологии» утрачивают марксистское содержание. Справочник по истории философии (хронологически персонифицированный) / В. С. Ермаков. – Санкт-Петербург: Издательство «Союз», 2003 г.

ФЕМИНИЗМ - (фр. feminisms or лат. femina - женщина) - это теория, в основе которой лежит концептуализация сексуального различия. Она представляет собой дискурс репрессированных женщин, апеллирующих к чувству справедливости. Ф. это также общее название широкого движения за уравнивание в правах женщин с мужчинами. На первых порах ставилась задача добиться предоставления женщинам избирательных прав. Уже с момента становления феминистское движение приобретает различные оценки и оформляется в ряд различных направлений: мягкий Ф., сентиментальный жоржсандовский Ф., окрашенный в национальные краски Ф. Луизы Отто в Германии, христианский Ф., независимый революционный Ф., социалистический Ф., эротический Ф. и другие. При всем разнообразии оттенков Ф., у всех этих движений есть объединяющее начало - признание за женщиной статуса самостоятельного социального субъекта и ее прав на самоопределение. Всех сторонников Ф., независимо от особенностей их идеологии, объединяет акцент на самоценности личности женщины, ее общечеловеческих правах и свободах и критика традиционной патриархальной культуры, с которой отождествляют западную цивилизацию, и которая подавляет личность женщины, не дает возможностей для ее раскрытия. На сегодняшний день Ф. следует рассматривать как движение, политическую силу, общественную идеологию и теорию. Многоуровневость понятия приводит к различным вариантам его употребления. Ф. не представляет собой однородный феномен. Феминистка или феминист - это человек, который не имеет предубеждения против других людей по признаку пола и своими действиями способствует политическому, экономическому, духовному, культурному и сексуальному равноправию женщин. Внутри политического движения Ф. выделяется радикальный, либеральный ф.; теоретические изыскания идут также в различ-

ных направлениях. Различные течения внутри Ф. показывают, что те, кто называют себя феминистками, подразумевают под этим множество значений. Как и в любом движении, в Ф. существуют разногласия как внутри каждой группы, так и между группами. По-разному понимается суть Ф. в разных странах. Наибольшее количество движений и интерпретаций характерно для американского Ф. (Феминология: словарь терминов / под ред. О. И. Пищулика. Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Каразина, 2002 г.).

ФЕМИНИЗМ КУЛЬТУРНЫЙ - движение, зародившееся в рамках американского феминизма, развивающегося как реакция на неудачу и гибель феминизма радикального. Поскольку многие движения за социальные изменения в 60-е годы оказались раздробленными или кооптированы, в кругах общественных активистов стали доминировать пессимистические настроения относительно возможности социальных изменений в принципе. Ф.К. строится на альтернативе: поскольку доминирующее общество изменить невозможно, следует его избегать. Это и привело к превращению радикального феминизма в Ф.К. Отказ от изменения существующего общества объясняется необходимостью приложить титанические усилия для построения альтернативного общества. Фактически к Ф.К. примкнули многие члены радикального феминизма, поэтому некоторые из последователей Ф.К. продолжают использовать для собственного обозначения этот термин. Между Ф.К. и радикальным феминизмом можно установить следующие различия: в то время как радикальный феминизм был движением за трансформацию общества, Ф.К. отходит на позиции авангардизма, вместо того, чтобы строить женскую культуру. Основной базисной идеей Ф.К. стала идея о том, что женщины по природе добрее и нежнее. Хотя половые отличия (в социальном смысле) могут и не быть predetermined биологически, они столь же закоренелые, сколь и неподатливые. Практическая деятельность представительниц Ф.К. сосредоточена на оказании психологической и социальной помощи, в частности, на создании кризисных центров для жертв изнасилования. Многие последовательницы Ф.К. работают в общественных изданиях. (Феминология: словарь терминов / под ред. О. И. Пищулика. Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Каразина, 2002 г.).

ФЕМИНИЗМ ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКИЙ ИЛИ СВОБОДНЫЙ теоретико-практическое направление внутри феминизма, которое базируется на индивидуалистической и свободной (минимум правительства или анархокапитализм) философии, то есть философии, которая преимущественно сфокусирована на автономии, правах, свободе, независимости отдельной личности. (Феминология: словарь терминов / под ред. О. И. Пищулика. Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Каразина, 2002 г.).

ФЕМИНИЗМ ЛЕСБИЯНОК - направление феминистического движения, отстаивающее интересы женщин-лесбиянок. Следует различать Ф.Л. и феминизм сепаратистский. Лесбиян-феминизм делает основной акцент на активную связь с женщинами, в то время как феминизм сепаратистский настаивает на прерывании коммуникативных связей с мужчинами. (Феминология: словарь терминов / под ред. О. И. Пищулика. Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Каразина, 2002 г.).

ФЕМИНИЗМ ЛИБЕРАЛЬНЫЙ - направление в рамках феминистского движения, которое осуществляет интеграцию женщин в масштабах основных структур общества. Происхождение Ф.Л. связывают с периодом французской революции и становления американского государства. У истоков Ф.Л. стоят Абигаль Адамс и Мэри Уоллстоункрафт, отстаивавшие равные права для женщин. По сравнению с другими современными феминистскими теориями, идеи Ф.Л. не обладают высокой степенью популярности. В то же время, различные женские движения в США широко используют в анализе современных проблем женщин, а основные положения общеамериканской национальной организации женщин. Основные теоретические положения Ф.Л. близки идеям теории гендерного неравенства. Неравноправное положение женщин в современном обществе и культуре объясняется преобладанием идеологии сексизма, которая, в свою очередь, рассматривается по аналогии с расизмом. Идеология сексизма строится на предрассудках и дискриминационных практиках по отношению к женщинам: на веру принимаются представления о естественном характере различий между женщинами и мужчинами, которые якобы определяют их неравные социальные роли в обществе. В результате влияния сексистской идеологии женщины с раннего возраста и до конца своих дней ограничены в возможностях самореализации. Получив свою идеологически сконструированную взрослую тендерную роль, они постепенно превращаются в бездушных, зависимых и подсознательно репрессированных существ. Одним из наиболее влиятельных социальных институтов, поддерживающих сексизм в обществе, является замужество. Способствуя личностному развитию и созданию комфорта для мужчин, замужество в то же время ограничивает женщин сферой дома, эмоций и секса, сдерживая их развитие. По мнению многих представительниц Ф.Л., сексизм является пережитком прошлого, атавизмом, поддерживаемым традициями, соглашениями и необоснованными предрассудками. Как и расизм, он загоняет мужчин и женщин в ригидные формы, шаблоны тендерных ролей, уничтожая множество талантов. Либеральные феминистки предлагают следующие стратегии для исключения тендерного неравенства в обществе: 1) мобилизация использования существующих политических и законодательных каналов; 2) равные экономические возможности; 3) изменение отноше-

ний в семье, школе. СМИ, с тем, чтобы социализация не результировала в неподвижные разделенные сексуальные роли: 4) объединение индивидуумов, противостоящих сексизму в повседневной жизни. Ф.Л., основывается на идеальной модели человеческих отношений, согласно которой каждый индивидуум выбирает наиболее подходящий для него стиль жизни. При этом он должен быть заранее уверенным в том, что его выбор будет принят в обществе с уважением. Т.о. в своей ориентации па свободу, индивидуализм, равенство возможностей и реформистскими устремлениями Ф.Л. созвучен с основным культурным идеалом западной культуры. (Феминология: словарь терминов / под ред. О. И. Пищулика. Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Каразина, 2002 г.).

ФЕМИНИЗМ МАРКСИСТСКИЙ СОВРЕМЕННЫЙ - результат соединения марксизма с феминизмом радикальным. Марксизм признает, что все женщины подвергаются притеснениям и приписывает их частно-собственнической, в том числе и капиталистической системе, из чего напрашивается вывод о необходимости слома этой системы для освобождения женщин. Ф.М.С. включает отношения между полами в более фундаментальную структуру общества классовую структуру. С этой точки зрения, качества жизненного опыта индивидуума являются отражением, во-первых ее/его классовых функций, во-вторых ее/его полов. Женщины сильно различающихся классов имеют гораздо меньше общих черт опыта друг с другом, чем с мужчинами своего класса. Внутри каждого класса женщины находятся в мене выгодном положении в их доступе к материальным ценностям, власти, статусу, возможностям самоактуализации, чем мужчины. Причины такого положения является организация самой системы капитализма. Включенность тендерного неравенства в классовую структуру наиболее ярко проявляется в жизни доминирующего класса, где мужчины являются собственникам всех производственных и организационных ресурсов, а женщины сами являются собственностью, женами и вещами буржуазных мужчин, привлекательным товаром в продолжающемся процессе обмена между мужчинами. Женщины буржуазного класса производят и воспитывают сыновей, которые унаследуют все отцовские ресурсы, удовлетворяют эмоциональные, социальные и сексуальные потребности мужчины. В результате они награждаются соответствующим шикарным образом жизни. Гендерное неравенство в рабочих классах капиталистического общества также является функциональным. Женщины как наемная рабочая сила из-за своего низкого статуса являются более дешевым ресурсом для производства, а их маргинальное положение затрудняет их объединение с мужчинами-работниками для борьбы за свои права. Как жены и матери, женщины выступают объектом личной власти мужа, компенсирующего таким образом собственное беспомощное положение в обществе. В семье женщина - «рабыня раба». Женщины находятся в неравном положении по отношению к мужчинам не в силу существования конфликта интересов полов, но вследствие классового подавления, неравенства собственности, эксплуатации труда и отчуждения. Тот факт, что в каждом классе женщины находятся в менее привилегированном положении, нежели мужчины, является результатом исторического развития, наследием прошлого, деструкция которого возможна с помощью революционных действий объединенного рабочего класса, женщин и мужчин. Любая мобилизация женщин независимо от мужчин считается контрреволюционной и бесперспективной, поскольку разъединяет потенциальные революционные силы. Разрушение классовой системы приведет к освобождению общества от классовой эксплуатации, а, следовательно, и гендерного неравенства. (Феминология: словарь терминов / под ред. О. И. Пищулика. Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Каразина, 2002 г.).

ФЕМИНИЗМ МАТЕРИАЛЬНЫЙ - общественное движение, возникшее в начале XIX века. Основная идея Ф.М. - освобождение женщин путем улучшения материальных условий их жизни, а именно, снятие с женских плеч тяжелого непосильного бремени домашней работы и стряпни. (Феминология: словарь терминов / под ред. О. И. Пищулика. Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Каразина, 2002 г.).

ФЕМИНИЗМ РАДИКАЛЬНЫЙ - наиболее популярный вариант феминизма марксистского и феминистской психоаналитической теории, но в то же время предоставляющий и собственное оригинальное видение проблемы, оплот теоретической мысли в феминизме. Ф.Р. дает фундаментальную основу многим направлениям феминизма. Ф.Р. проявился в конце 60-х - начале 70-х годов, вырастая из движения за гражданские права и мир в 1967-1968 гг. Причина, по которой это течение было названо «радикальным», заключается в понимании того, что дискриминация — основная форма притеснения, проходящая через все расы, культуры, экономические классы. Это движение ставит своей целью социальные изменения, достаточно революционные по своей сути. В отечественном общественном сознании Ф.Р. отождествляется с экстремистскими формами женского движения, шокирующими традиционно настроенную общественность своими формами борьбы, способами выражения протеста, акциями, лозунгами, критикой устоев общежития (замужество, материнство и т.п.). Представительницы Ф.Р. придерживаются радикальной и не во всем правомерной позиции по вопросу о дискриминации женщин, согласно которой «все, что репрессивно, имеет исключительно мужскую ориентацию». Отличительным для Ф.Р. является исключительно позитивное отношение к женщине, и как следствие глубокая критика и отрица-

тельная оценка всех вариантов и проявлений ее подавления. Радикальные феминистки утверждают особую ценность женщин, пренебрегая рассмотрением реального соотношения сил и функций в социокультурном универсуме: они восстают против существующего положения вещей, предъявляя детальный список совершенных против женщин преступлений. Представительницы-теоретики Ф.Р. уделяют большое внимание разработке теоретического обоснования собственных действий. При этом они стараются избежать крайностей марксистских социалистических идей, в частности, идей революции. Одной из центральных для Ф.Р. является проблема гендерных ролей в обществе. В частности, представительницы Ф.Р. считают несправедливым присвоением строго определенных гендерных ролей мужчинам и женщинам исходя из их биологических различий. Ф.Р. произвел разграничение биологически-детерминированного и культурно-детерминированного поведения с тем, чтобы освободить мужчин и женщин от ограниченности и узости их традиционных гендерных ролей. Основной действующей силой в обществе считается подавление. Каждый социальный институт (класс, этнос, пол, возрастная группа и др.) представляет собой систему, в которой одни люди доминируют над другими, и во всех подобных социальных структурах наблюдаются схожие образцы доминирования и подчинения. Самой фундаментальной и самой древней из них является система патриархата. Это не просто исторически первичная структура доминирования, до сегодняшнего момента она остается и самой обширной и влиятельной, основной социентальной моделью подавления. Это наименее заметная, но наиболее значимая структура социального неравенства. Центральным пунктом анализа Ф.Р. является система патриархата как насилия, осуществляемого против женщин мужчинами и мужскими организациями. Насилие в системе не обязательно должно принимать форму прямой физической жестокости. Структуры насилия могут быть спрятаны в более сложные практики эксплуатации и контроля - в стандартах моды и красоты, идеалах моногамии, гетеросексуальности и материнства, гинекологии и психотерапии, неоплачиваемого домашнего труда и т.п. С точки зрения представительниц Ф.Р., изменить положение неравенства можно начиная с основательной работы над женским самосознанием, чтобы каждая женщина в результате осознала собственную ценность и достоинство, отвергла патриархальные представления о себе, как слабым и зависимом существе. Также женщины должны объединиться и работать вместе, независимо от различий для установления широкого сообщества сестер, в атмосфере доверия, защиты и поддержки. Только так - сопротивляясь идеологии патриархата и благодаря женскому объединению, - и можно преодолеть существующее в обществе насилие. Экстремизм радикального феминистского движения имел позитивные и негативные последствия. С одной стороны, он содействовал пробуждению женского самосознания, а с другой стороны давал повод для дискредитации феминизма в целом. (Феминология: словарь терминов / под ред. О. И. Пищулика. Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Каразина, 2002 г.).

ФЕМИНИЗМ СЕПАРАТИСТСКИЙ - разновидность феминистского движения, участницы которого проповедуют отделение от мужчин, иногда абсолютное, иногда частичное. Ф.С. иногда ошибочно отождествляют с лесбиянством на основании того, что его представительницы организуют мероприятия исключительно для женщин. Идея сепаратизма заключается в том, что дистанцирование от влияния мужчин дает возможность женщинам увидеть себя в другом контексте. Представительницы других феминистических направлений также считают, что освобождение женского сознания из-под влияния патриархальной идеологии логично осуществить при фактическом отстранении от контактов с мужчинами. При этом имеется в виду не создание условий для хронического одиночества, а предприятие необходимого шага, облегчающего духовный и личностный рост. (Феминология: словарь терминов / под ред. О. И. Пищулика. Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Каразина, 2002 г.).

ФЕМИНИЗМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ - представляет собой опосредующее звено между ФЕМИНИЗМОМ РАДИКАЛЬНЫМИ МАРКСИСТСКИМ. Существуют две основные разновидности Ф.С. Первая - в центр дискуссии выносит проблему женского подавления и рассматривает сходные и различные черты в опытах женской субординации. В процессе аналитического описания существующей системы социальных отношений был выработан концепт социалистического патриархата. Вторая разновидность Ф.С. ставит своей целью описание и обличение основных форм социального подавления, используя в качестве базиса знание классовых и гендерных иерархий. Аналитики этого направления занимаются исследованием систем подавления, основанных на расовых различиях этничности, сексуальных предпочтениях и т.д. Ключевым термином в анализе существующей системы отношений между мужчинами и женщинами в аспекте гендерного подавления является термин «доминирование». Гендерное подавление представляется как наиболее древний и совершенный вид системы подавления женщин. Основной аналитической стратегией Ф.С. является исторический материализм. Основным принцип социальной теории Маркса, согласно которой существующие материальные условия жизни определяют формы социального устройства, пересматривается Ф.С. в трех пунктах. Во-первых, основным объектом анализа выступает не классовое неравенство, а более широкий спектр социального неравенства. Во-вторых, Ф.С. расширяет понимание материальных условий человеческой жизни; выходит за пределы исследований экономиче-

ской динамики и процессов производства-распределения. Ф.С. анализирует условия, создающие и поддерживающие человеческую жизнь: человеческое тело, сексуальность, процессы воспитания, содержание дома, эмоциональную поддержку. Во всех этих процессах существующие структуры эксплуатации действуют во благо одних людей и подавляют других. Изменение представления о материальных условиях жизни повлияло и на понимание проблемы человека в марксистской интерпретации. Человеческие существа в Ф.С. мыслятся не столько в качестве производителей товаров, сколько как создателей других человеческих существ. Исследовательское внимание, таким образом, сдвигается с ценности товаров на конструирование человеческой личности. Ф.С. акцентирует внимание на том, что осталось в тени теории Маркса - сознание, мотивация, идеология, знания, ориентации и т.д. Все эти факторы, в соответствии с теорией Ф.С. глубоко влияют на человеческую личность, человеческие действия и структуры доминирования, реализуемые в этих действиях. Более того, эти аспекты человеческой субъективности производятся социальными структурами так же успешно, как и товары. Здесь эксплуатационные механизмы служат для усиления власти одних и уменьшения свободы других. Ф.С. разрабатывает особый подход к пониманию социальной организации, в котором макросоциальные структуры экономики, политики, идеологии взаимодействуют с микросоциальными личностными процессами человеческого воспроизводства, сексуальности, домовладения и субъективности для поддержания многосоставной системы доминирования. Для ее анализа Ф.С. обращается как к широкомасштабным структурам и механизмам, так и ситуационно специфическим, детальным исследованиям ежедневной жизни угнетаемых. Стратегия уклонения, изменения основана на попытках вовлечь подавляемые группы и индивидов в процесс открытия собственного положения, который приведет к действиям по эмансипации и освобождению. (Феминология: словарь терминов / под ред. О. И. Пищулика. Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Каразина, 2002 г.).

ФЕМИНИЗМ СПИРИТУАЛЬНЫЙ – это неоднородное движение, объединяющее поклоняющихся Богине теоретиков матриархатного футуризма, приверженцев ведьминской практики и др. Согласно Ф.С., богиня не противостоит природе, не трансцендентна по отношению к ней, а является частью природы и находится во взаимодействии с естественными силами. В основу феминистской религии представители Ф.С. кладут идею единого бытия, однако им не удается преодолеть критикуемый дихотомизм. Их мысль во многих случаях не выходит за пределы мира раздвоенности, вину за существование которой они возлагают на мужскую культуру. Патриархатные мифы заменяются матриархатно ориентированным мифотворчеством, идеализирующим систему, основанную на доминировании женщины. Учение Ф.С. не разделяется и критикуется многими феминистками. (Феминология: словарь терминов / под ред. О. И. Пищулика. Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Каразина, 2002 г.).

ФЕМИНИЗМ УМЕРЕННЫЙ – ответвление феминизма, которое популярно среди молодых женщин, а также тех женщин, которые прямо не испытывают на себе дискриминацию. Ф.У. по своим основным идеям достаточно близок феминизму либеральному, но в некоторых вопросах разделяет позицию феминизма радикального. (Феминология: словарь терминов / под ред. О. И. Пищулика. Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Каразина, 2002 г.).

ФЕМИНИЗМ ЦВЕТНЫХ ЖЕНЩИН – это наиболее жизненное и динамичное направление, разделяющее основы феминизма радикального. Ф.Ц.Ж. представляет собой протест не только против сексизма, но и против различных форм дискриминации (в частности расовой). (Феминология: словарь терминов / под ред. О. И. Пищулика. Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Каразина, 2002 г.).

ФЕМИНИЗМ ЭРОТИЧЕСКИЙ – общественное движение, зародившееся в Германии во время правления Отто фон Бисмарка, как реакция на его политику и принципы государственного правления. Символами идеологии времен его правления были «Кровь и железо»; в обществе культивировался образ супермужественных мужчин, гордых совей патриархальной силой. Некоторые женщины восстали против этого. Эротизм их движения приобрел философское, созидательное, жизнотворное значение. (Феминология: словарь терминов / под ред. О. И. Пищулика. Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Каразина, 2002 г.).

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ — учение о феноменах; направление в философии 20 в., основанное Э. Гуссерлем. Феноменология Гуссерля — широкое, в потенции бесконечное поле методологических, а также гносеологических, онтологических, этических, эстетических, социально-философских исследований любой темы философии через возврат к феноменам сознания и их анализу. Главные принципы и подходы гуссерлевской феноменологии, в основном сохраняющие свое значение на всех этапах ее эволюции и при всех оговорках признаваемые в различных (хотя и не во всех) модификациях феноменологии как направления: 1) основоположение, согласно которому «всякое изначальное данное созерцание является истинным источником познания», Гуссерль называет «принципом всех принципов» философии. В программном документе ранней феноменологии (Введение к первому выпуску «Ежегодника феноменоло-

гии и феноменологических исследований») говорилось, что «только благодаря возврату к изначальным источникам созерцания и к почерпнутым из них усмотрениям сущностей можно сохранить и обновить великие традиции философии»; 2) осуществляя феноменологический анализ, философия должна стать эйдетической наукой (т. е. наукой о сущностях), об усмотрении сущности, для движения к которой прежде всего требуется сформировать специфическую установку, мотивацию исследовательского интереса, противоположную наивной «естественной установке», которая типична как для обыденной жизни, так и для «фактических наук» естественно-научного цикла. Если мир в естественной установке предстает как «мир вещей, благ, ценностей, как практический мир», как непосредственно данная, наличная действительность, то в эдейтической феноменологической установке «данность» мира как раз и ставится под вопрос, требуя специфического анализа; 3) освобождение от естественной установки требует применения специальных методологических процедур «очищающего» характера. Этот метод — феноменологическая редукция. «Принадлежащий к естественной установке генеральный тезис мы лишаем действительности, одним разом заключая в скобки все и каждое, что он охватывает в онтическом — следовательно, лишаем значимости весь этот «естественный мир»». Результатом исполнения феноменологической редукции является перемещение на исследовательскую почву «чистого сознания»; 4) «чистое сознание» есть смоделированное феноменологией сложное единство структурных элементов и сущностных взаимосвязей сознания. Это не только предмет анализа феноменологии, но и та почва, на которую гуссерлевский трансцендентализм требует перевести любую философскую проблематику. Оригинальность и теоретическая значимость феноменологии состоит в построении сложноопосредованной, многослойной модели сознания (схватывающей реальные особенности сознания, аналитически исследующей каждую из них и их взаимопересечение с помощью ряда конкретных процедур феноменологического метода), а также в особой теретико-познавательной, онтологической, метафизической интерпретации этой модели; 5) основные из моделирующих черт чистого сознания и, соответственно, применяемых при их анализе методологических процедур: (1) внимание акцентируется на том, что сознание есть необратимый, не локализуемый в пространстве поток; ставится задача методологически ухватить именно поток сознания с целью описать, как-то удержать его (мысленно «плыть вместе с потоком»), несмотря на его необратимость, в то же время учитывая его относительную упорядоченность, структурированность, позволяющую выделить для анализа его целостные единицы, феномены; (2) феноменология последовательно движется от полного, непосредственно данного в переживании феномена к «редуцированному» феномену. «Всякому психическому переживанию на пути феноменологической редукции соответствует чистый феномен, который демонстрирует свою имманентную сущность (отдельно взятую) в качестве абсолютной данности». Для редуцирования феномена от него мысленно, методически «отсекаются» все эмпирически-конкретные черты; затем осуществляется движение от языкового выражения к его значению, от значения — к смыслу, т. е. к полагаемым, интенциональным предметностям (путь II тома «Логических исследований»); (3) в процессе феноменологического интенционального анализа осуществляется соединение сущностно-аналитических, эйдетических, на языке Гуссерля, т. е. и априорных, и одновременно описательных, процедур, означающих движение к интуитивным самоданностям сознания, умение через них усматривать сущности (по примеру чистой логики и чистой математики, напр. геометрии, научающей видеть через нарисованную геометрическую фигуру соответствующую общую математическую сущность и вместе с нею проблему, задачу, решение); происходит опора на коррелятивные сущностям «чистые переживания», т. е. представления, мысли, воображения, воспоминания; (4) интенциональность как существенная черта феноменологии — это интенциональный анализ как конкретное исследование, по отдельности и в их пересечении, трех аспектов: интенциональных предметностей (ноэма, множественное число: ноэмата), актов (ноэзис) и «полюса Я», от которого и проистекают интенциональные процедуры; (5) в поздних работах Гуссерль широко вводит в феноменологию тему конституции (конституирование) как воссоздания через чистое сознание и его редуцированные феномены структур вещи, вещиности, тела и телесности, духа и духовного, мира как целого; (6) равным образом на основе многостороннего анализа «чистого Я» (развертывающегося в целую феноменологическую поддисциплину, эгологию) феноменология конституирует время мира через временность как свойство сознания, конституирует интерсубъективность, т. е. другие Я, их миры, их взаимодействие; (7) поздняя феноменология вводит также профилирующие темы «жизненного мира», сообществ, телоса истории как таковой (в книге «Кри-

зис европейских наук и трансцендентальная феноменология»). В поздних работах Гуссерль вводит в феноменологию генетический аспект. Все синтезы, осуществляемые сознанием, он разделяет на активные и пассивные. Активные синтезы (о них, гл. о., шла речь в «Логических исследованиях») — т. е. результаты деятельности Я, единые [структурные] образования, которые приобретают объективный, идеальный характер. Благодаря им имеет место единство опыта относительно мира и относительно Я как самости. Пассивные синтезы — это: 1) кинестезическое сознание, т. е. сознание, связанное с движениями тела: с их помощью конституируются чувственные поля и пространство жизненного мира; 2) ассоциации, с помощью которых формируются первые структуры «чувственного поля». В этом новом аспекте феноменология намечает глубокую и интересную программу исследования общих и всеобщих предметностей (активный синтез) и «низших», амбивалентных форм, предметностей сознания, ранее именованных чувственностью (пассивный синтез). Феноменология все более включает в орбиту своего исследования такие темы, как «кинестезия» (подвижность) человеческого тела, конституирование сознанием «физических» вещей и вещиности как таковой. Соответственно все больший интерес Гуссерля и его последователей привлекают такие «изначальные» акты сознания, как непосредственное чувственное восприятие. До сих пор речь шла о феноменологии в собственном (узком) смысле, как ее создал и видоизменял Э. Гуссерль и как она (селективно и критически) была воспринята наиболее верными его последователями. Наиболее основательные и глубокие разработки проблем современной феноменологии принадлежат французским феноменологам экзистенциалистского направления Ж.-П. Сартру (в ранних сочинениях — разработка понятия «интенциональность», в «Бытии и ничто» — феноменов бытия и бытия-в-мире), М. Мерло-Понти (феноменологическое восприятие — в связи с темами жизненного мира, бытия-в-мире), П. Рикёру (преобразование, вслед за Хайдеггером, трансцендентально ориентированной феноменологии в онтологическую феноменологию, а затем — в «герменевтическую» феноменологию), Э. Левинасу (феноменологическое конструирование Другого), М. Дюфрену (феноменологическая эстетика). (Новая философская энциклопедия: В 4 т./Ин-т философии РАН, Нац. общ-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместитель предс.: А.А.Гусейнов, Г.Ю.Семигин, уч. секр. А.П.Огурцов.- М.: Мысль, 2010. Т 4.-2010-736 с.)

ФРЕГЕ (Frege) ГОТЛИБ [8 ноября 1848, Висмар (Мекленбург) 26 июля 1925 Бад-Клайнен, под Висмаром] — немецкий математик, логик и философ. Фреге — основатель современной формальной (символической, математической) логики. В сочинении «Запись в понятиях» (1879) разработал оригинальный двумерный символический язык и его средствами впервые в логике дедуктивно-аксиоматическую систему расширенной (второй ступени) логики предикатов с равенством (при импликации и отрицаний в качестве исходных пропозициональных операций и кванторе общности на функциональном уровне) и применил ее для формулировки некоторых математических понятий и доказательства относящихся к ним теорем. В сочинении «Основания арифметики» (1884) продолжил изучение логического фундамента математики, развив идею о сводимости основных понятий и принципов арифметики и математического анализа к чисто логическим понятиям и принципам. В серии статей 1879—1904 (из которых наиболее значима статья «О смысле и значении», 1892) предпринял анализ таких лингвистических и экстралингвистических сущностей, как «понятие» и «предмет»; «функция», «аргумент» (функции) и «переменная»; «пробег значения функции», в случае понятия оказывающийся его «объемом» («классом» предметов); «отношение» и «всеобщность»; (предметное) «значение» и «смысл» имен как дескриптивных выражений; «суждение» как носитель «мысли», обладающий «истинностным значением» и др. В двухтомном сочинении «Основные законы арифметики» (1893, 1903), развив далее «понятийную запись» ее средствами Фреге изложил арифметику, включая теорию действительных чисел. Расширенный характер его логического функционального исчисления, в котором обобщалось понятие функций и (в принципе) допускалась неограниченная их иерархия, делал это исчисление очень сильным, а явное использование Фреге принципа абстракции позволило ему определить понятие натурального (количественного) числа. Однако из-за неограниченного применения названного принципа, позволявшего вводить предметы любых уровней абстрактности, система Фреге оказалась противоречивой, что и было обнаружено Расселом. Последующая история логики и оснований математики (в частности, работы по аксиоматизации теории множеств) была во многом связана с развитием идей Фреге, и в частности с преодолением упомянутого противоречия; сам Фреге выхода из возникшей трудности не нашел. Фреге явился главным основоположником логической семантики, к нему восходит различие экстенциональных и интенциональных контекстов, метаязыка и объектного языка. Непримируемый противник эмпиризма и психологизма в логике, Фреге был убежден в реальности особого мира абстрактных объектов. Противник субъективизма, Фреге в философии математики занимал позицию т. н. платонизма, к нему восходит

развитая Расселом концепция логицизма (которую Фреге не распространял на геометрию). Работы Фреге оказали значительное влияние на Гуссерля (побудив его отказаться от психологизма в философии математики и в логике), на Рассела, Карпат и Витгенштейна, на целые Поколения ученых 20 в., во многом определив облик современной логики. (Новая философская энциклопедия в 4 томах. Том 4. Москва, изд. Мысль, 2001 г.).

ФУКО МИШЕЛЬ (15 октября 1926, Пуатье, Франция – 25 июня 1984, Париж) – французский историк и философ, представитель структуралистского и постструктуралистского направлений. Оказал огромное влияние не только на философию, но и на широкий спектр гуманитарных и социальных научных дисциплин. Его студенческие годы оказались мучительными в психологическом отношении, но интеллектуально были блестящими. Академически он утвердился в течение 1960-ых, когда занимал ряд должностей во французских университетах, а в 1969 был избран в престижный Коллеж де Франс (Collège de France), где занимал должность профессора истории психологии до самой смерти. С 1970-ых был очень активен с политической точки зрения. Стал основателем Groupe d'information sur les prisons и часто выступал от имени гомосексуалистов и других маргинальных групп. Часто читал лекции за пределами Франции, особенно в США, с 1983 ежегодно преподавал в Калифорнийском университете в Беркли. Умер от СПИДа. В дополнение к работам, изданным при жизни Фуко, его лекции в Collège de France, изданные после смерти, содержат важные толкования и дополнения его идей. Возможно, сложно говорить о Фуко как о философе. Так как его исследования касались более психологии и истории психологии, чем философии; его труды были главным образом достоянием медицинских и социальных наук; его увлечения были литературными и политическими. Тем не менее, только в трудах Фуко можно прочитать о двух таких явлениях философии: перенос классического критического анализа философии в новую (историческую) манеру; критика философов-классиков. Начнем с описания философской атмосферы, в которой Фуко получил образование. Он поступил в Высшую нормальную школу (École Normale Supérieure - типичный старт для великих французских философов) в 1946, во время расцвета экзистенциальной феноменологии. Мерлай-Понти (Merleau-Ponty), лекции которого он посещал, и Хайдеггер (Heidegger), были особенно важны. Гегель и Маркс также пользовались уважением у Фуко. Первый благодаря интерпретации его работ, предлагаемой Джинном Хипполайтом. А второй – посредством чтений структуралиста Луи Алтуссера. Оба были учителями Фуко, оказавшими сильное влияние на него в Высшей школе. Естественно, не удивительно, что самые ранние работы Фуко (его длинное «Введение» к «Мечте и Существованию» Людвиг Бинсвангера, психиатра Хайдеггера, и «Maladie mentale et personnalité», короткая книга о психических заболеваниях) были написаны под влиянием, соответственно, экзистенциализма и марксизма. Но вскоре, он решительно отворачивается от обоих направлений. Хотя Жан-Поль Сартр, живя и работая вне университетской системы, не имел никакого личного влияния на Фуко, мысль о нем, как главном мыслителе-предшественнике, всегда оставалась на заднем плане. Как и Сартр, Фуко начал с неустанной ненависти к буржуазному обществу и культуре с непосредственным сочувствием к группам граничащим с буржуазией (художники, гомосексуалисты, заключенные, и т.д.). Они были также схожи в своих интересах в литературе и психологии, так же как и в философии, и оба, после ранней относительной нехватки политических интересов, стали сильными активистами. Но в итоге Фуко, казалось, настаивал на своем противопоставлении Сартру. Философски, он отклонил то, что Сартр рассматривал как централизацию. И с политической точки зрения, он отклонил роль Сартра, что Фуко назвал «универсальным интеллектуалом», судя общество с точки зрения превосходящих принципов. Хотя Фуко во многом и пытался отделить себя от Сартра, но в отношении к работе они оба были весьма плодотворны. Три других фактора имели намного более положительное значение для молодого Фуко. Во-первых, французская традиция истории и философской науки, особенно представленная Джорджесом Кэнгуилхемом, значительной фигурой во французском университетском учреждении, работы которого по истории философии и биологии обеспечили фундамент для большей части того, что Фуко позже сделал в истории гуманитарных наук. Кангульхем поручился за докторскую диссертацию Фуко по истории безумия и, на всех этапах его карьеры, оставался одним из самых важных и ярких сторонников Фуко. Подход Кэнгуилхема к истории науки (подход, развитый из работ Гастона Башелара), обеспечил Фуко сильным чувством (Kuhnian avant la lettre) неоднородностей в научной истории, наряду с «рационалистическим» пониманием исторической роли понятий, которые сделали их независимыми от необыкновенного сознания феномена. Фуко считал это понимание укрепленным в лингвистике структуралиста и развитии психологии, соответственно, Фердинандом де Соссюром и Жаком Лаканом, так же как в работе постструктуралиста Джорджеса Думезила над сравнительной религией. Эти антипредметные точки зрения обеспечивают контекст изолирования Фуко предмета в его «структуралистических трудах», «Рождении клиники» (о происхождении современной медицины) и «Слова и вещи» (о происхождении современных гуманитарных наук). Эта философская обстановка обеспечила материалы для критического анализа субъективности и соответствующих «археологических» и «генеалогических» методов письма истории, которые наполняют проекты Фуко историческим критическим анализом, к которому

мы теперь переходим. Ещё со времён Сократа, философия, как правило, включала в себя план обсуждения общепринятых знаний. Позже, Локк, Хьюм, и особенно, Кант развивали современную идею философии в русле критического анализа знания. Большое эпистемологическое новшество Канта должно было утверждать, что тот же самый критический анализ, который показал пределы полномочий наших знания, мог также показать необходимые условия для их осуществления. Что, возможно, только казалось, что случайные особенности человеческого познания (например, пространственный и временный характер его объектов), оказывается, очевидные истины. Фуко, однако, заявляет о необходимости инвертировать это кантовское движение. Вместо того, чтобы спрашивать, что, в очевидно случайном, фактически необходимо, он предлагает спросить, что, в очевидно необходимом, могло бы быть случайным. В центре его исследования - современные гуманитарные науки (биологические, психологические, социальный). Он подразумевает предлагать универсальные научные истины о человеческой природе, которые являются, фактически часто простыми выражениями этических и политических обязательств общества. «Критическая философия Фуко» подрывает такие требования, показывая, как они - только результат случайных исторических сил, и не являются с научной точки зрения основанными истинами. Наиболее ярким примером этого образа мысли Фуко является его первая крупная работа, «История безумия в классическую эпоху» (1961). Фуко начинает работу над книгой во время академических занятий в области психологии (лицензия психолога в 1949 году и диплом по патологической психологии в 1952) и его работы в парижской психиатрической больнице. Но, в основном, труд написан после окончания обучения, во время дипломатических поездок и чтения лекции в Швеции, Германии и Польше (1955-59). Способствуя появлению современной концепции "психического заболевания" в Европе, «История безумия» базируется как на обширных архивных исследованиях, так и на сильном недовольстве Фуко моральным лицемерием современной психиатрии. Типичным примером девятнадцатого века было лечение безумия (берет свое начало с реформ Франсуа Пинеля во Франции и братьев Тьюков в Англии), как просвещенное освобождение ума от невежества и жестокости предыдущих лет. Новизна идеи Фуко была в том, что безумцы просто больны («душевноболезные») и нуждаются в медицинской помощи. Это было настоящим прорывом на фоне более ранних концепций (например, идеи эпохи Ренессанса о контакте сумасшедших с таинственными силами космоса или взгляда 17-18-го века на безумие, как отказ от разума). Кроме того, он утверждал, что предполагаемый научный нейтралитет современных методов лечения безумия - фактически прикрытия для управления вызовами обычной буржуазной этики. Т. е. Фуко утверждал, то, что было представлено как объективное, неопровержимое научное открытие (что безумие - психическое заболевание) было фактически продуктом чрезвычайно сомнительных социальных и этических обязательств. Следующий труд Фуко, «Рождение клиники» (1963), соответственно можно рассматривать как критику современной клинической медицины. Но социально-этическая критика приглушена (за исключением нескольких яростных выпадов), по-видимому, потому что в медицине существенным ядром является объективная реальность (в отличие от психиатрии), и тем меньше оснований для критики. В результате «Рождение клиники» гораздо ближе к стандартному научному труду, в традициях Кэнгуайлхема (Canguilhem). То же самое относится и к труду «Слова и вещи» (в англ. версии «The Order of Things», 1963), в котором гораздо больше противоречий в философских нападениях на феноменологию (и марксизм), чем для его комплексную и частную критику гуманитарных наук. Но Фуко в полной мере возвращается к социальной критике в «Надзирать и наказывать» (1975). «Надзирать и наказывать» знаменует собой переход к так называемому исследователями «генеалогическому» периоду Фуко, в отличие от предыдущего «археологического». В 1969 году он опубликовал «Археологию знания», методологический трактат, в котором четко формулирует то, что он принял за неявный исторический подход («археологию»). Он раскрыл его в «Истории безумия», «Рождение клиники», а также «Словах и вещах». Предпосылкой археологического метода является то, что системы мышления и знания (epistemes или дискурсивной формации, в терминологии Фуко), регулируются правилами, помимо тех правил грамматики и логики, которые работают вне сознания отдельных предметов и определяют систему концептуальных возможностей, ограничивающую границы мысли в данной области и периоде. Так, например, «История безумия» должны поддерживаться Фуко, следует читать интеллектуальной раскопки радикально различных дискурсивных образований, которые регулируют разговор и думал о безумии с 17 по 19 века (Правда, его археологический метод был только в общих чертах эта ранняя работа, но она была полностью разработана в порядке вещей.) Археология была существенным методом для Фуко, потому что она поддерживала историографию, которая не опиралась на первенство сознания отдельных предметов; это позволило историку мысли действовать на бессознательном уровне, который переместил первенство предмета, найденного и в феноменологии и в традиционной историографии. Однако, критическая сила археологии была ограничена сравнением различных непоследовательных формирований различных периодов. Такое сравнение может предполагать случайность данного способа мышления, показывая, что предыдущие поколения думали совсем по-другому (и, очевидно, с такой же эффективностью). Но простой археологический анализ не мог выявить причины перехода от одного

способа мышления к другому и игнорировал возможно самый действительный способ непредвиденных обстоятельств укоренившихся современных позиций. Генеалогия, новый метод, рассмотренный в «Надзирать и наказывать» был предназначен, чтобы исправить этот недостаток. Фуко ввел термин "генеалогия" в качестве вызова генеалогии морали Ницше, особенно с ее предложением сложного, мирского, бесславного происхождения - никоим образом часть любой великой схемы прогрессивной истории. Задача генеалогического анализа показать, что данная система мышления (непосредственно раскрытая в ее существенных структурах археологией, которая остается частью историографии Фуко) была результатом случайных поворотов истории, а не результатом рационально неизбежных тенденций. «Надзирать и наказывать» (1975) является генеалогическим исследованием развития "мягкого" современного способа: заключать в тюрьму преступников, а не пытаться или убивать их. Признавая элемент действительно просвещенных реформ, Фуко особенно подчеркивает, что такая реформа становится рычагом более эффективного управления: «наказывать, возможно, слабее, но, конечно, для того, чтобы наказать лучше». Кроме того, он утверждает, что новый режим наказания становится моделью контроля над всем обществом, в том числе, заводов, больниц и школ, созданных по образцу современной тюрьмы. Мы не должны, однако, думать, что развертывание этой модели происходило из-за сознательных решений контролирующего управления. Типично генеалогическим способом анализ Фуко показывает, как методы и учреждения, разработанные для различных и часто весьма безвредных целей, соединились, чтобы создать современную систему дисциплинарной власти. В основе изображения Фуко современного «дисциплинарного» общества лежат три первичных метода управления: иерархическое наблюдение, нормализация суда и экспертиза. В значительной степени, контроль над людьми (власть) может быть достигнут только путем наблюдения за ними. Так, например, многоуровневые ряды сидений на стадионе не только позволяют хорошо видеть зрителям, но и позволяют охране или камерам безопасности наблюдать за аудиторией. Совершенная система наблюдения позволила бы "охране" увидеть все. Но поскольку это не всегда возможно, есть необходимость "круга" наблюдателей, иерархически упорядоченного, с помощью которых происходит наблюдение на всех уровнях, от самого низкого, к самому высокому. Отличительной особенностью современной власти (дисциплинарный контроль) является ее беспокойство о том, чего не должны делать люди, т. е. отказа человека от совершения поступков, нарушающих общепринятые каноны. Эта проблема иллюстрирует основную функцию современной дисциплинарной системы: исправление девиантного поведения. Целью является не месть (как в случае наказания пытками в предшествующие времена), а реформы, где, под реформой понимается существование, приближенное к общественным стандартам и нормам. Наказание через введение точных норм ("нормализацию") весьма отличается от старшей системы судебного наказания, которое просто судит каждое действие как позволено законом или не позволено законом и не говорит, что оцененные "нормальны" или "неправильны". Эта идея нормализации распространяется в нашем обществе: например, национальные стандарты для образовательных программ, для медицинской практики, для производственных процессов и продуктов. Экспертиза (например, студентов в школах, пациентов в больницах) является методом управления, который комбинирует иерархическое наблюдение с нормализацией суждения. Это яркий пример того, что Фуко называет властью/знанием, так как он объединяет в единое целое «развертывание сил и установление истины». Это позволяет выявить правду о тех, кто подвергается обследованию (говорит, что они знают или, каково состояние их здоровья) и контролирует их поведение (заставляя их учиться или направляя их на курс лечения). На счету Фуко, соотношение власти и знания гораздо ближе, чем в привычной модели Бэкона техники, для которой соотношение «знание/власть» означает, что знание является инструментом власти, хотя они существуют совершенно независимо друг от друга. Положение Фуко заключается в том, что, по крайней мере, для исследования людей, цели власти и цели знания. Экспертизой также является помещение людей в «поле документации». Результаты экзаменов фиксируются в документах, которые предоставляют подробную информацию об изучаемых лицах и позволяют системам власти управлять ими (например, списки отсутствующих в школах, графики посещения пациентами больниц). На основе этих отчетов те в контроле могут сформулировать категории, средние числа, и нормы, которые являются в свою очередь основанием для знания. Экспертиза превращает человека в «случай» - в обоих смыслах слова: научный пример и объект заботы; забота - всегда также возможность контроля. Паноптизм Бентама является, по Фуко, идеальной архитектурной моделью современной дисциплинарной власти. Это - проект для тюрьмы, построенный так, чтобы каждый заключенный был отделен от остальных и невидим для них (все в отдельных "ячейках"). Каждый заключенный всегда видим на мониторе, расположенном в центральной башне. Мониторы не будут на самом деле всегда показывать каждого заключенного, но дело в том, что они могут делать это в любое время. Поскольку заключенные никогда не узнают, наблюдают за ними или нет, они будут действовать так, как будто всегда находятся под наблюдением. В результате, контроль достигается больше внутренним контролем самих заключенных, нежели тяжелыми физическими ограничениями. Принцип паноптизма может быть применен не только в тюрьмах, но в любой системе дисциплинарной власти (фабрики, больницы, школы). Не смотря на то,

что Бентам сам никогда не был в состоянии создать такую систему, его принцип стал пронизывать все сферы современного общества. Это инструмент, который заменил архаичный суверенитет (власть царей, судей) как фундаментальный институт власти. История сексуальности Фуко изначально проектировалась как довольно простое применение генеалогического подхода «Слов и вещей» к теме сексуальности. Идея Фуко состоит в том, что совокупность различных современных знаний о сексуальности (различные «науки сексуальности», в том числе психоанализ) находятся в тесной связи со структурами власти в современном обществе и таким образом являются первыми кандидатами на генеалогический анализ. Первый том этого труда, опубликованный в 1976 году, был задуман как введение в серию исследований по конкретным аспектам современной сексуальности (детей, женщин, "извращенцев", масс и т.д.) Он составил в общих чертах фундамент данного произведения, в нем Фуко изложил основную точку зрения и методы, которые будут использоваться. По мнению Фуко, современный контроль сексуальности параллелен современному контролю преступности, делая секс (как преступление) объектом научных дисциплин, которые одновременно предлагают знание и доминирование своих объектов. Однако, становится очевидно, что есть дальнейшее измерение во власти, связанное с науками сексуальности. Мало того, есть контроль, осуществляемый через познание других людей; есть также контроль через познание людьми себя. Люди усваивают нормы, установленные науками сексуальности, и контролируют себя, чтобы соответствовать этим нормам. Таким образом, они находятся под контролем не только в качестве объектов дисциплин, а также в качестве самостоятельного тщательного и самостоятельного формирования субъектов. (Перевод. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Источник: www.plato.stanford.edu)

ХАРДТ МАЙКЛ (род в 1960 г.) — известный американский литературный теоретик и политический философ. В настоящее Майкл Хардт является Профессором литературы и итальянского языка в университете Дьюка, Северная Каролина и Профессором философии и политики. После получения высшего технического образования, в 1983 г., Майкл Хардт занимался разработками в области солнечной энергетики в Латинской Америке, полагая, что обеспечение альтернативной энергии для стран третьего мира было бы лучшим путем для вовлечения их в политическую активность. В это же время М. Хардт помогает населению Центральной Америки добиться политической самостоятельности и демократической свободы. Однако потом он уехал в США для исследования социальных и политических изменений в его собственной стране. В 1990 г. он получил степень доктора философии в литературоведении в университете Вашингтона. Так, по его мнению, глобализация, изменившая капиталистический мир, эффективна и необратима, экономические отношения становятся все менее зависимыми от политического контроля, и национальное государство приходит в упадок. На смену национальному государству приходит Империя. В своих работах по политической философии Майкл Хардт сосредотачивается, прежде всего, на расшифровке различных аспектов глобализации через стиль письма таких мыслителей, как Карл Маркс, Мишель Фуко, Жиль Делойце, Феликс Гаттари, Томас Джефферсон. Его самые известные работы: Империя (2000), Множество: война и Демократия в Возрасте Империи (2004) были написаны в сотрудничестве с Антонио Негри. Ученичество в Философии (1993) в соавторстве с Ж. Делойце, Радикальная Мысль в Италии (1996) и т.д. Институт Международных Исследований [Электронный ресурс]. — Беркли, 2004. — <http://globetrotter.berkeley.edu/people4/Hardt/hardt-con0.html>. — [последний доступ 25.10.2010.]

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ (от позднелат. *existentia* - существование), или философия существования, - философское направление, возникшее накануне 1-й мировой войны в России (Шестов, Бердяев), после 1-й мировой войны в Германии (Хайдеггер, Ясперс, Бубер) и в период 2-й мировой войны во Франции (Сартр, Марсель, выступивший с идеями экзистенциализма еще во время 1-й мировой войны, Мерло-Понти, Камю, С. де Бовуар). Экзистенциализм как философское направление носит неоднородный характер. Различают экзистенциализм религиозный (Ясперс, Марсель, Шестов, Бубер) и атеистический (Сартр, Камю, Мерло-Понти, Хайдеггер). Однако определение «атеистический» по отношению к экзистенциализму несколько условно, т. к. признание того, что Бог умер, сопровождается (в частности, у Хайдеггера и Камю) утверждением невозможности и абсурдности жизни без Бога. Своими предшественниками экзистенциалисты считают Паскаля, Кьеркегора, Унамуно, Достоевского и Ницше. На экзистенциализм оказали влияние философия жизни и феноменология Гуссерля. Экзистенциализм пытается возродить онтологию, в противоположность методологизму и гносеологизму, распространенным в философии нач. 20 в. Как и философия жизни, экзистенциализм хочет понять бытие как нечто непосредственное и преодолеть интеллектуализм как традиционной рационалистической философии, так и науки. Бытие, согласно экзистенциализму, не есть ни эмпирическая реальность, данная нам во внешнем восприятии, ни рациональная конструкция, предлагаемая научным мышлением, ни «умопостижимая сущность» идеалистической философии. Бытие должно быть постигнуто интуитивно. Но в отличие от фило-

софии жизни, выделившей в качестве исходной реальности переживание, экзистенциализм стремится преодолеть психологизм и раскрыть онтологический смысл переживания, который выступает как направленность на нечто трансцендентное самому переживанию. Главное определение бытия, как оно открыто нам, т. е. нашего собственного бытия, именуемого экзистенцией, есть его незамкнутость, открытость трансценденции. Онтологической предпосылкой трансцендирования является конечность экзистенции, ее смертность. В силу своей конечности экзистенция является временной, и ее временность существенно отличается от объективного времени как чистого количества, безразличного по отношению к заполняющему его содержанию. Экзистенциализм отличает подлинную, т. е. экзистенциальную, временность (она же историчность), от физического времени, которое производно от первой. Экзистенциалисты подчеркивают в феномене времени определяющее значение будущего и рассматривают его в связи с такими экзистенциалами, как «решимость», «проект», «надежда», отмечая тем самым личностно-исторический (а не безлично-космический) характер времени и утверждая его связь с человеческой деятельностью, исканием, напряжением, ожиданием. Историчность человеческого существования выражается, согласно экзистенциализму, в том, что оно всегда находит себя в определенной ситуации, в которую оно «заброшено» и с которой вынуждено считаться. Принадлежность к определенному народу, словию, наличие у индивида тех или иных биологических, психологических и других качеств – все это эмпирическое выражение изначально-ситуационного характера экзистенции, того, что она есть «бытие-в-мире». Временность, историчность и «ситуационность» экзистенции – модусы ее конечности. Другим важнейшим определением экзистенции является трансцендирование, т. е. выход за свои пределы. Трансцендентное и сам акт трансцендирования понимаются различными представителями экзистенциализма неодинаково. С точки зрения религиозного экзистенциализма трансцендентное – это Бог. Согласно Сартру и Камю, трансценденция есть ничто, выступающая как глубочайшая тайна экзистенции. Если у Ясперса, Марселя, позднего Хайдеггера, признающих реальность трансцендентного, преобладает момент символический и даже мифопоэтический (у Хайдеггера), поскольку трансцендентное невозможно рационально познать, а можно лишь «намекнуть» на него, то учение Сартра и Камю, ставящих своей задачей раскрыть иллюзорность трансценденции, носит критический и даже нигилистический характер. Во французском и русском экзистенциализме, а также у Ясперса в центре внимания стоит проблема человеческой свободы. Экзистенциализм отвергает как рационалистическую просветительскую традицию, сводящую свободу к познанию необходимости, так и гуманистически-натуралистическую, для которой свобода состоит в раскрытии природных задатков человека, раскрепощения его «сущностных» сил. Свобода, согласно экзистенциализму, должна быть понята исходя из экзистенции. Поскольку же структура экзистенции выражается в «направленности», в трансцендировании, то понимание свободы различными представителями экзистенциализма определяется их трактовкой трансценденции. Согласно Марселю и Ясперсу, у которого трансценденция – это ничто, понятое нигилистически, свобода есть отрицательность по отношению к бытию, которое он трактует как эмпирически сущее. Человек свободен в том смысле, что он сам «проектирует», создает себя, выбирает себя, не определяясь ничем, кроме собственной субъективности, сущность которой – в полной независимости от чего бы то ни было. Человек одинок и лишен всякого онтологического «основания». Учение Сартра о свободе служит выражением позиции крайнего индивидуализма. Свобода предстает в экзистенциализме как тяжелое бремя, которое должен нести человек, поскольку он личность. Он может отказаться от своей свободы, перестать быть самим собой, стать «как все», но только ценой отказа от себя как личности. Мир, в который при этом погружается человек, носит у Хайдеггера название «man»: это безличный мир, в котором все анонимно, в котором нет субъектов действия, в котором все – «другие», и человек даже по отношению к самому себе является «другим»; это мир, в котором никто ничего не решает, а потому и не несет ни за что ответственности. У Бердяева этот мир носит название «мира объективации», признаки которого – поглощение индивидуального, личного общим, безличным, господство необходимости. Общение индивидов, осуществляемое в сфере объективации, не является подлинным, оно лишь подчеркивает одиночество каждого. Согласно Камю, перед лицом ничто, которое делает человеческую жизнь бессмысленной, прорыв одного индивида к другому, подлинное общение между ними невозможно. И Сартр, и Камю видят фальшь и ханжество во всех формах общения индивидов, освященных традиционной религией и нравственностью: в любви, в дружбе и пр. Характерное для Сартра стремление разоблачения искаженных,

превращенных форм сознания («дурной веры») оборачивается требованием принять реальность сознания, разобщенного с другими и с самим собой. Единственный способ подлинного общения, который признает Камю, - это единение индивидов в бунте против «абсурдного» мира, против конечности, смертности, несовершенства, бессмысленности человеческого бытия. Экстаз может объединить одного человека с другим, но это в сущности экстаз разрушения, мятежа, рожденного отчаянием «абсурдного» человека. Прорывом объективированного мира, мира «тап», является, согласно экзистенциализму, не только подлинное человеческое общение, но и сфера художественного, философского, религиозного творчества. Однако истинная коммуникация, как и творчество, несут в себе трагический надлом: мир объективности непрестанно грозит разрушить экзистенциальную коммуникацию. Сознание этого приводит Ясперса к утверждению, что все в мире в конце концов терпит крушение в силу самой конечности экзистенции и потому человек должен научиться жить и любить с постоянным сознанием хрупкости всего, что он любит, незащищенности самой любви. Но глубоко скрытая боль, причиняемая этим сознанием, придает его привязанности особую чистоту и одухотворенность. У Бердяева сознание хрупкости всякого подлинного бытия оформляется в эсхатологическое учение. (Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. 4. – С. 420-421)

ЭКО (Еко) УМБЕРТО (р. 1932) – итальянский семиотик, эстетик, культуролог, историк средневековой литературы, писатель, критик и эссеист, оказавший значительное влияние на развитие неклассической эстетики. Свое постмодернистское кредо сформулировал в заметках на полях романа «Имя розы», принесшего ему широкую известность. Обратил внимание на возможность возрождения сюжета под видом цитирования других сюжетов, их иронического переосмысления, сочетания проблемности и занимательности. Считая постмодернизм не фиксированным хронологическим явлением, но определенным духовным состоянием, Эко видит в нём ответ модернизму, разрушавшему и деформировавшему прошлое. Разрушая образ, авангард дошел до абстракции, чистого, разорванного или сожженного холста; в архитектуре требования минимализма привели к садовому забору, дому-коробке, параллелепипеду; в литературе – к разрушению дискурса до крайней степени (коллажи У. Берроуза), ведущей к немоте белой страницы; в музыке – к атональному шуму, а затем к абсолютной тишине (Д. Кейдж). Концептуальное искусство – метаязык авангарда, обозначающий пределы его развития. Постмодернистский ответ авангарду заключается в признании невозможности уничтожить прошлое и приглашении к его ироничному переосмыслению. Одно из отличительных свойств постмодернизма по сравнению с модернизмом в том, что ирония, высказывание в квадрате позволяют участвовать в метаязыковой игре и тем, кто ее не понимает, воспринимая совершенно серьезно. Постмодернистские ироничные коллажи могут быть восприняты непосвященными зрителями как сказки, пересказы снов. В идеале постмодернизм оказывается над схваткой реализма с ирреализмом, формализма с «содержанизмом», снося стену, отделяющую искусство от развлечения. Постмодернистские артефакты – генераторы интерпретаций, стимулы интертекстуального прочтения сформировавший их культуры прошлого. Диалог между новым произведением и другими, ранее созданными произведениями, а также между автором и идеальной аудиторией свидетельствуют об открытой структуре эстетики постмодернизма. Символом культуры и мироздания Эко считает лабиринт. Он видит специфику неклассической модели в отсутствии понятия центра, периферии, границ, входа и выхода из лабиринта, принципиальной асимметричности. Это не противоречит реабилитации фабулы, действия, возврату в искусство фигуративности, нарративности, критериев эстетического наслаждения и развлекательности, ориентации на массовое восприятие. Творческая перекомбинация стереотипов коллективного эстетического сознания позволяет не только создать самоценный фантастический мир постмодернизма, но и осмыслить пути предшествующего развития культуры, создавая почву для ее обновления. В этом плане сама символика названия романа Эко «Имя розы» - пусто-го имени погибшего цветка, говорящего о способности языка описывать исчезающие и несуществующие вещи – может быть истолкована как свидетельство неиссякающих потенций языка искусства, сращивающего прошлое, настоящее и будущее художественной культуры. (Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2 – СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. с. 381)

ЭМПИРИКРИТИЦИЗМ – вторая историческая форма позитивизма, провозгласившая своей задачей критику опыта. Возникновение этой формы позитивизма связано с работами австрийского физика и философа Эрнста Маха (1833–1916) и швейцарского философа Рихарда Авенариуса (1843–1896). Эту критическую философию иногда называют махизмом, но наиболее распространенное ее название – эмпириокритицизм. Оно произошло от названия книги Авенариуса «Критика чистого опыта» (1888–1890). Если представители классического позитивизма считали главной своей задачей обобщение и систематизацию конкретно-научных знаний, то эмпириокритики основное внимание уделяли вопросам теории познания. В работах Маха и Авенариуса речь идет о критике научного опыта, прежде всего из области физики и психологии конца XIX – начала XX века. Критика опыта, по их мнению, должна заключаться в очище-

нии его от всяких произвольных допущений, метафизических гипотез. Кроме того, они пытались выработать некую среднюю линию в философии, преодолевающую, как они полагали, односторонности идеализма и материализма. В соответствии с этой целью, они разрабатывали учения об элементах мира, принципиальной координации субъекта и объекта, предпринимали критику интроспекции как неправомерного вкладывания представлений внутрь человеческого мозга, выдвигали принцип экономии мышления и другие теоретические положения. В работе «Анализ ощущений и отношение физического к психическому» (1886) Мах выдвинул положение о том, что «не тела вызывают ощущения, а комплексы элементов (комплексы ощущений) образуют тела». В соответствии с этим, он утверждал: «То, что мы называем материей, есть только известная закономерная связь элементов (ощущений)». Таким образом, Мах, по сути дела, сводил материю к закономерной связи «элементов (ощущений)» и приближался к точке зрения солипсизма. Желая избежать обвинений в солипсизме (т.е. в утверждении, что весь материальный мир существует лишь в сознании человека, как совокупность ощущений), Мах в более поздних своих работах уточнил, что эти «элементы (ощущения)» по своей природе не физические и не психические, а нейтральные. Говоря о «нейтральных элементах опыта», Мах полагает, что реальны лишь эти элементы и их функциональные связи. Различие физического и психического сводится им, таким образом, к различию тех функциональных отношений, в которых рассматриваются «нейтральные элементы опыта». Физическое исследование заключается, по его мнению, в анализе взаимной связи этих элементов друг с другом, а психологическое – в анализе отношения человеческого организма к ним. Понятия – это символы, обозначающие «комплексы ощущений» («вещи»), а наука – совокупность гипотез, подлежащих замещению непосредственными наблюдениями. В исследовании «Принцип сохранения работы» (1876) Мах утверждал, что научное мышление должно быть экономным и достигать максимума знаний с помощью минимума познавательных средств. В соответствии с этим требованием, научное описание мира должно избавиться от таких понятий, как причинность, необходимость и субстанция, так как они не даны нам в опыте. В поле зрения научного описания мира должны быть «нейтральные элементы опыта» и присущие или функциональные связи. Результаты своих многолетних исследований вопросов теории познания Мах изложил в работе «Познание и заблуждение» (1905). Аналогичные суждения имеются и в работе Р. Авенариуса «Философия, как мышление о мире, согласно принципу наименьшей меры силы» (1876). В ней он обосновывает учение об интроспекции, обозначая этим термином неправомерное вкладывание представлений внутрь человеческого мозга. Интроспекция возникает, по его мнению, тогда, когда мы пытаемся обнаружить местонахождение восприятий окружающего нас мира. Учение Авенариуса об интроспекции направлено не только против идеалистических, но и против материалистических учений. Сам он исходит из того, что человеческий мозг не содержит в себе мышление, не производит его и вообще не является органом мышления. Отвергая интроспекцию, он противопоставляет ей учение о «принципиальной координации», т.е. нерасторжимой связи познающего субъекта и объекта. Мах был известным физиком, а Авенариус популярным психологом. Оба они участвовали в перестройке принципов классического естествознания. Известно, что критикуя классическую механику, Мах разрабатывал релятивистское понимание пространства, времени, движения, силы. Своими трудами он оказал влияние на создание общей теории относительности А. Эйнштейна. На рубеже XIX–XX веков оба упомянутых автора осуществили ряд важнейших исследований в области философии естествознания и теории познания. Они поставили немало интересных теоретических вопросов и предложили их решения, получившие далеко не однозначную оценку в последующем развитии философской мысли. Философские взгляды Маха и Авенариуса получили широкое распространение не только в Германии, Австрии, но и в России. Влияние эмпириокритицизма на русскую философию достигло своего апогея в начале XX века. Тогда же появились попытки соединения эмпириокритицизма с марксизмом. Известный русский философ и экономист А.А. Богданов (1873–1928) опубликовал работу под названием «Эмпириомонизм» (1904–1906). Он полагал, что философия Авенариуса и Маха дуалистична, поскольку она построена на основе представления об автономности психического и физического рядов элементов индивидуального опыта. Этому опыту Богданов попытался дать монистическую интерпретацию. Он исходил из того, что окружающий человека физический мир представляет собою коллективно и социально организованный опыт, а психический ряд, составляя его «нераздельную часть», представляет собою опыт, организованный индивидуально. «Единый мир опыта, – писал Богданов, – выступает как содержание для единого познания. Это эмпириомонизм». Другой разновидностью эмпириокритицизма на русской почве явился эмпириосимволизм. Этим термином обозначил своё учение известный публицист и переводчик философской литературы П.С. Юшкевич (1873–1945). Наиболее полно оно изложено в его книге «Материализм и критический реализм» (1908). Такие всеобщие понятия, как истина, бытие и сущность, рассматриваются им как произвольные символы, не отражающие никакой объективной реальности. Окружающий человека мир трактуется в этой книге как совокупность эмпириосимволов, т.е. символов опыта, позволяющих нам систематизировать «первичные данные» коллективного человеческого сознания. Выбор той или иной системы символики диктуется, по Юшкевичу, требованиями удобства интерпретации опыта.

Взгляды русских махистов (А.А. Богданова, А.В. Луначарского, П.С. Юшкевича и др.) находят коллективное отражение в сборнике «Очерки по философии марксизма»(1908). Критика этих взглядов появляется в работах Г.В. Плеханова (1856–1918) и завершается в книге В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1909). В ней он предпринимает попытку выявить связи и показать идейное родство философских взглядов Маха и Авенариуса с субъективным идеализмом Беркли, Юма и Канта. Критикуя русских махистов, желающих развить и дополнить марксизм махизмом, он полагает, что в этом деле они не достигают успеха и заблуждаются. Он считает, что изобретая новые философские термины и желая преодолеть односторонности идеализма и материализма, они, тем не менее, продолжают оставаться на позициях субъективного идеализма, агностицизма. Многие положения ленинской критики и сделанные им выводы оказались слишком строгими, но некоторые из них нашли своё подтверждение в ходе дальнейшего развития философии и естествознания. С течением времени стало ясно, что претендуя на роль философии естествознания, эмпириокритицизм оказывал и отрицательное влияние на развитие науки. В частности, он усиливал субъективно-идеалистические представления о реальности и процессе её познания, порождённые кризисом в физике на рубеже XIX–XX веков. Новая физика, по выражению ЛЕнина, «свихнулась в идеализм», главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики, в частности, диалектики абсолютной и относительной истины. При этом они придавали слишком большое значение математическим методам и принципу относительности научного знания о реальности. Так появился физический идеализм, с которым тесно было связано мировоззрение Маха и Авенариуса. Оно сформировалось на фоне кризиса классического механико-материалистического обоснования физики. Однако последующие научные открытия способствовали формированию новых теоретических представлений в физике и возникновению кризисных явлений в самом эмпириокритицизме. Они явились неизбежным следствием революции в естествознании, связанной с открытием элементарных частиц, которые не могли быть истолкованы как ощущения. Опровержению некоторых положений эмпириокритицизма способствовало и экспериментальное обнаружение атома, объективное существование которого долгое время отрицалось Махом. Под влиянием этих и некоторых других причин в начале XX века эмпириокритицизм пришёл в упадок и сменился новой формой позитивизма. (И.А. Антипин, А.А. Дюранов, Западная и русская философия вт. пол. XIX – XX вв. учеб. пособие Санкт-Петербург, 2003. С. 19-22.)

Справочное издание

Составитель:
Бобр Александр Михайлович

Ответственный за выпуск: Е. С. Старовойтова